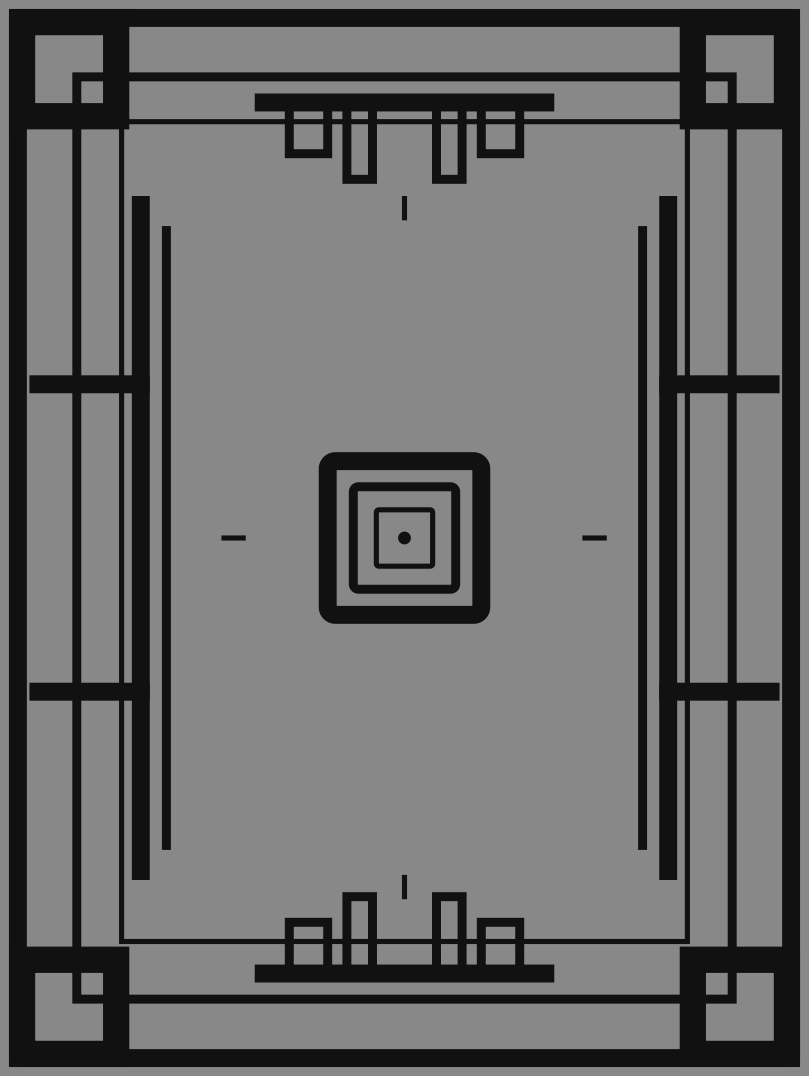

Голдфингер
Ян Флеминг

Голдфингер
1. Размышления над двойным виски
2. Кусочек «красивой жизни»
3. Человек, страдающий агорафобией
4. За балконной дверью
5. Ночное дежурство
6. Лекция о золоте
7. Путевые размышления
8. Игра ва-банк
9. В особняке Голдфингера
10. На все руки
11. Долгая погоня за тенью
12. «Если вы тронете меня еще раз...»
13. Дела, творящиеся темными ночами
14. Комната испытаний
15. Последнее и главное
16. Тайное совещание
17. Преступление преступлений
18. Секретное приложение
19. Путешествие в Холокауст
20. Самый богатый человек в истории
21. Последний трюк

22. Процедура НЛТ

Голдфингер

1. Размышления над двойным виски

Приняв пару двойных виски, Джеймс Бонд сидел в зале отлета аэропорта Майами и предавался философским размышлениям о жизни и смерти.

Убийства были неотъемлемой частью его профессии, хотя он не любил убивать. Когда ему приходилось убирать кого-то по долгу службы. Бонд старался сделать это наиболее подходящим из известных ему способов и побыстрее забыть о происшедшем. Будучи секретным агентом со специальным и редко предоставляемым индексом 00, дающим в рамках Секретной службы право на убийство, он должен был относиться к смерти со спокойствием патологоанатома. Чему быть, того не миновать, поэтому любые сожаления являлись бы признаком дилетантизма и, более того, влекли бы за собой душевное расстройство.

И все-таки в смерти этого мексиканца было что-то такое, что оставило след в душе Бонда. Не то чтобы он не заслуживал смерти — нет, он несомненно был скверным человеком, тем, кого в Мексике называют capungo. Capungo — это бан-

дит, готовый убить родную мать за ничтожную сумму в сорок песо, что равно приблизительно двадцати пяти шиллингам. Однако за голову Бонда ему, вероятно, заплатили больше. К тому же, судя по его виду, этот мексиканец всю свою жизнь приносил окружающим только несчастье. Нет, ему определенно пришло время умереть. И все же, когда почти сутки назад Бонд убил его, жизнь ушла из мексиканца так быстро и окончательно, что Бонд почти видел, как душа покинула тело, подобно птичке, в виде которой, по поверью гаитянских аборигенов, душа вылетает через рот умершего.

Какая удивительная разница между живым и мертвым. Только что был кто-то, и вдруг нет никого. Был мексиканец с именем, фамилией, местом жительства и, вероятно, с водительскими правами. Затем что-то ушло из него, покинуло это тело в дешевой одежде, и осталась пустая оболочка, место которой только на помойке.

Бонд глянул на оружие, которым сделал это. Ребро его правой ладони было багровым и распухшим. Бонд стал сжимать и разжимать ладонь, массируя ее левой рукой. Он проделывал эту операцию регулярно в течение всего краткого перелета. Процедура довольно болезненная,

однако способствует скорейшему заживлению. Неизвестно, когда это оружие может снова понадобиться. Бонд цинично ухмыльнулся.

— "Стар авиэйшн" объявляет об отлете рейса А–106 до Нью-Йорка. Пассажиров просят пройти в самолет через выход номер семь.

Репродуктор отключился со звонким щелчком. Бонд глянул на часы. До объявления посадки на рейс «Транс Америкэн» оставалось минут десять. Бонд подозвал официантку и заказал двойной бурбон со льдом. Он немного покачал принесенный стакан, чтобы подтаял лед, и разом проглотил половину содержимого. Выбросив окурок, Бонд сел, положив подбородок на левую руку, и стал задумчиво смотреть на солнце, медленно и торжественно опускающееся в залив.

Смерть мексиканца была финалом скверного задания, одного из самых гадких в его карьере. Оно было мерзким, опасным, не имеющим никаких положительных моментов, если не считать того, что оно позволяло ему находиться подальше от начальства.

Некий богач в Мексике владел плантациями опийного мака, и цветочки там произрастали отнюдь не для красоты. Получаемый из них опий быстро и относительно дешево сбывался офи-

циантами небольшого кафе в Мехико, носящего название «Кофейная матушка».

Если тебе нужен опий, ты заходишь в кафе и заказываешь то, что тебе нужно, одновременно с выпивкой, платишь за спиртное в кассу, и кассир просто называет тебе сумму, которую нужно добавить к чеку. Тихая, спокойная коммерция, никого за пределами Мексики не касающаяся. Но вот далеко-далеко, в Англии правительство в рамках объявленной ООН кампании по борьбе с наркоманией и контрабандой наркотиков запретило употребление героина в Великобритании, подняв тем самым переполох не только в Сохо, но и в среде вполне респектабельных британских врачей, желающих облегчить муки своих пациентов. Любой запрет всегда влечет за собой рост преступности. Очень скоро традиционные источники поступления наркотиков в Китае, Турции и Италии иссякли, опустошенные возросшими аппетитами Альбиона.

В это время в Мехико жил обаятельный бизнесмен, занимающийся экспортно-импортными операциями, по фамилии Блэкуэл, у которого в Англии оставалась сестра-наркоманка. Блэкуэл очень любил ее, и, получив однажды письмо, в котором сестра писала, что умрет, если он ей не

поможет, он ни на минуту не усомнился в том, что так и будет, и занялся изучением возможностей наркобизнеса в Мексике. Постепенно через друзей и друзей друзей он вышел на «Кофейную матушку», а оттуда и на владельца опийных плантаций. Занимаясь этим, Блэкуэл хорошо изучил экономическую сторону вопроса и решил, что, если он сможет одновременно нажить капитал, помочь сестре и страждущему человечеству, значит, он открыл самое тайну жизни.

Торгуя минеральными удобрениями, Блэкуэл владел небольшим заводиком и складом. У него работали три человека, занимающиеся анализами грунта и прочей лабораторной работой. Убедить владельца плантаций в том, что за столь респектабельным фасадом команда Блэкуэла сможет запросто заняться переработкой опия в героин, оказалось легче легкого, а доставка товара в Англию была организована, и притом очень быстро, самим мексиканцем. Получая по тысяче фунтов за поездку, один из дипкурьеров министерства иностранных дел Мексики ежемесячно возил в Лондон дополнительный чемоданчик. Расходы по доставке были вполне приемлемы, учитывая, что содержимое каждого чемоданчика, оставляемою курьером в камере хранения

на вокзале Виктория (квитанцию на багаж он отправлял почтой человеку по имени Шваб через «Букс энд Пикс лимитед»), стоило двадцать тысяч фунтов стерлингов.

К несчастью, Шваб оказался плохим человеком, которого нисколько не заботили человеческие страдания и который считал, чти если юные американцы могут ежегодно потреблять порошка на миллионы долларов, то их британские сверстники ничем не хуже. Поэтому в двух комнатах в Пимлико его ребятки смешивали героин с желудочным порошком и сбывали эту смесь на танцплощадках и в других местах, где собиралась молодежь. Шваб уже сколотил себе кругленький капиталец, когда на него вышли люди из Отдела по борьбе с наркотиками. Чтобы выявить источник, Скотленд-Ярд дал Швабу возможность поднакопить еще немножко деньжат. Затем ему посадили на хвост филера и вышли на передаточный пункт — вокзал Виктория и соответственно на мексиканского дипкурьера. На этом этапе работы, поскольку след уходил за границу, к делу подключилась Секретная служба. Бонду было приказано найти источник и уничтожить его.

Бонд выполнил приказ. Он прилетел в Мехико, быстро добрался до «Кофейной матушки», вы-

давая себя за оптовика лондонской сети, вышел на владельца плантаций, который встретил его весьма любезно и познакомил с Блэкуэлом.

Последний произвел на Бонда приятное впечатление. Ему ничего не было известно о сестре Блэкуэла, но этот человек явно был дилетантом, и его горечь по поводу запрета на употребление наркотиков в Англии казалась неподдельной.

Однажды ночью Бонд проник на принадлежащий Блэкуэлу склад и установил там термитную бомбу, затем расположится в кафе приблизительно в миле оттуда, смотрел на пламя, полыхающее над крышами, и слушал серебряный перезвон колокольчиков пожарной команды.

На следующее утро он позвонил Блэкуэлу, накинув на трубку носовой платок.

— Жаль, что ваше дельце сгорело прошлой ночью. Боюсь, что понесенные вами потери не покроет никакая страховка.

— Кто это? Кто говорит?

— Я приехал из Англии. Ваша продукция унесла довольно много молодых жизней, а еще больше искалечила. Сантос больше не приедет в Лондон со своим дипломатическим багажом, а Шваб уже сегодня сядет за решетку. Этому парню, Бонду, с которым вы встречались, тоже не уйти из капка-

на, полиция идет по его следу.

На другом конце провода послышался испуганный лепет.

— Ладно, но глядите, не вздумайте заняться этим снова. Ваши удобрения значительно полезней для здоровья.

Бонд повесил трубку.

Блэкуэл ни за что бы не нашел концов. Ясно, что это плантатор додумался, где собака зарыта.

После операции Бонд предусмотрительно сменил гостиницу, но той же ночью, когда он возвращался из «Копакабаны», на его пути вырос человек в белом хлопчатобумажном костюме не первой свежести и белой шоферской фуражке, слишком большой для его головы. Под ацтекскими скулами лежали глубокие синие тени, в одном углу рта торчала зубочистка, в другом — сигарета. Глаза горели наркотическим блеском.

— Женщину?

— Нет.

— Цветную девочку? С роскошными волосами?

— Нет.

— Может, картинки?

Рука мексиканца скользнула за отворот пиджака — жест, настолько хорошо известный Бонду, что, когда бандит выбросил руку с ножом к горлу

Бонда, тот был к этому готов.

Почти автоматически Бонд провел прием из книги по самообороне. Возможно, именно этот удар, почти оторвавший нападающего от земли, убил мексиканца, сломав ему основание черепа, но когда тот падал на землю, Бонд ребром ладони нанес еще один жестокий удар по открытой, незащищенной шее. Это был смертельный удар по кадыку, один из излюбленных приемов коммандос. Даже если к этому моменту мексиканец был еще жив, он умер до того, как его тело грохнулось на землю.

Мгновение Бонд стоял, тяжело дыша и глядя на эту кучу тряпья, валяющуюся в пыли. Потом огляделся. Вокруг никого не было, если не считать проезжавшие машины. Возможно, в момент схватки кто-то и проходил мимо, но все происходило в тени. Бонд встал возле тела на колени. Пульса не было. Глаза, только что блестевшие от марихуаны, уже остекленели.

Бонд оттащил труп к стене, где тень была еще гуще, затем отряхнулся, поправил галстук и пошел в гостиницу. На рассвете он поднялся, побрился и направился в аэропорт, где сел на первый же самолет, улетавший из Мексики. Это оказался рейс до Каракаса, где Бонд пересел

на самолет «Транс Американ» до Нью-Йорка через Майами. И теперь он болтался в зале для транзитных пассажиров, ожидая продолжения путешествия до Нью-Йорка.

Репродуктор снова включился, и диспетчер объявил:

— К сведению пассажиров: рейс «Транс Американ» № 618 до Нью-Йорка задерживается по техническим причинам. Время отлета переносится на восемь утра. Пассажиров просят пройти к стойке «Транс Американ» для размещения на ночлег. Спасибо.

Этого еще не хватало! Поменять рейс или провести ночь в Майами? Бонд вспомнил про бурбон, схватил стакан и вылил содержимое себе в глотку. Лед приятно стукнул о зубы. Именно! Блестящая идея! Он проведет ночь в Майами, напьется как следует, до поросячьего визга, и завалится в койку с первой же шлюхой, которую подцепит. Он не напивался уже много лет, и сейчас было самое время надраться. Эта ночь, свалившаяся, как подарок с небес, должна быть использована на полную катушку. Надо расслабиться, а то он слишком напряжен, слишком углублен в себя. Зачем, черт возьми, он забивал себе голову дурацкими мыслями по поводу это-

го паршивого capungo, посланного его убить? Выбора не было: либо убивать, либо быть убитым. Люди во всем мире непрерывно убивают себе подобных. Они используют свои автомобили как орудие убийства, разносят инфекции, выплевывают микробов в лицо, оставляют открытыми газовые вентили на кухне, накачивают выхлопными газами закрытые гаражи и т.д. и т.п. Сколько человек, например, участвовало в изготовлении водородных бомб, начиная от рудокопов на урановых рудниках и кончая акционерами, владельцами этих рудников? И вообще, существует ли на Земле хоть один человек, который так или иначе, чисто статистически, не был бы замешан в убийстве соседа?

Погасли последние лучи солнца. В темно-синем небе мигали зеленые и желтые бортовые огни, отражаясь в луже масла на бетонной площадке возле ангаров. На посадку с ревом шел ДС–7. Стекла в транзитном зале слегка дребезжали. Люди встали, чтобы посмотреть на посадку. Бонд попытался прочесть их мысли: может, они надеются, что самолет рухнет и они увидят зрелище, о котором можно будет рассказать, которое наполнит содержанием их пустые жизни? Или их пожелания были благими? Чего хотели они

для шестидесяти пассажиров ДС–7? Жизни или смерти?

Бонд сжал губы. Хватит! Нужно прекратить эти похоронные настроения. Это просто реакция на гнусное задание. Ты просто выдохся, устал от необходимости все время быть железным. Ты видел слишком много смертей и хочешь хоть немножко пожить тихо и спокойно.

Бонд услышал приближающиеся шаги, которые замерли возле его кресла. Он поднял глаза. Рядом с ним стоял аккуратно одетый, явно богатый мужчина средних лет. Лицо его было смущенным и просительным одновременно.

— Прошу прощения, но, несомненно, вы — мистер Бонд? Мистер... э-э-э... Джеймс Бонд.

2. Кусочек «красивой жизни»

Бонд предпочитал анонимность, и его «Да, это я» было весьма неприветливым.

— Какая редкая удача!

Мужчина протянул руку. Бонд медленно поднялся, пожал ему руку и тут же выпустил. Рука была мягкой, пухлой и больше всего напоминала надутую резиновую перчатку.

— Меня зовут Дюпон, Джуниус Дюпон. Я сомневаюсь, что вы меня помните, однако мы с вами встречались. Могу я присесть?

Лицо, фамилия? Да, действительно что-то смутно знакомое. Очень давно. Не в Штатах. Бонд вспоминал, одновременно изучая собеседника. Дюпону было около пятидесяти, розовощек, гладко выбрит, одет в то, чем известная фирма «Брукс бразерс» прикрывает срам американских миллионеров: однобортный темно-коричневый летний костюм, белая рубашка с маленьким воротником, темно-красный в синюю полоску галстук, заколотый золотой булавкой. Манжеты рубашки, выглядывающие на полдюйма из рукавов пиджака, были украшены хрусталь-

ными запонками с миниатюрными мушками. Ансамбль дополняли черно-серые шелковые носки и начищенные кожаные туфли. На голове черная шляпа с небольшими полями и широкой бордовой лентой.

Дюпон устроился на стуле напротив Бонда, достал сигареты и золотую зажигалку. Бонд отметил про себя, что Дюпон покрылся легкой испариной. Поразмышляв, он пришел к выводу, что Дюпон был тем, кем и казался, то есть слегка обеспокоенным очень богатым американцем. Бонд вспомнил, что встречался с ним раньше, но никак не мог сообразить, где и когда.

— Сигарету?

— Благодарю.

Бонд взял из протянутой пачки «Парламента» сигарету, но предпочел не заметить предложенную зажигалку. Он не любил пользоваться чужими, предпочитал свою.

— Франция, пятьдесят первый год, Руаяль-дез-О. — Дюпон внимательно смотрел на Бонда. — Казино. Этель (это миссис Дюпон) и я сидели рядом с вами за столом в ту ночь, когда вы вели крупную игру с французом.

Память Бонда заработала. Ну да, конечно, Дюпоны сидели четвертым и пятым номерами во

время игры в баккара. Бонд был шестым. Они казались вполне безобидной парой, и он был рад, что его левый фланг был надежно защищен в ту фантастическую ночь, когда он разорил Ле-Шифра. Бонд теперь видел ту ночь, как наяву: яркий круг света на зеленом поле, похожие на клешни руки, тянущиеся через стол за картами. Он снова ощущал запах табачного дыма и своего собственного пота. Да, это была ночка! Бонд посмотрел на Дюпона, улыбаясь своим воспоминаниям.

— Да, конечно, я помню. Извините, что не сразу сообразил. Это была незабываемая ночь! Я тогда ни о чем другом не думал, кроме своих карт.

В ответ Дюпон с облегчением улыбнулся счастливой улыбкой.

— Ну что вы, мистер Бонд! Я все понимаю. Надеюсь, вы извините меня за бесцеремонность. Видите ли... — он щелкнул пальцами, подзывая официантку. — Однако мы должны выпить, чтобы отметить это событие. Что вы предпочитаете?

— Бурбон со льдом.

— Два бурбона со льдом.

Официантка удалилась.

Радостно сияя, Дюпон наклонился вперед. До Бонда донесся легкий запах мыла или лосьона

для бритья.

— Я так и знал, что это вы, как только увидел вас здесь. Но я сказал себе: «Джуниус, у тебя, конечно, хорошая память на лица, но лучше сходи и убедись.» Я должен был лететь сегодня. Когда объявили о переносе рейса «Транс Американ» и я увидел выражение вашего лица, то, извините, мистер Бонд, но оно ясно показало, что вы должны были лететь тем же рейсом. — Он дождался утвердительного кивка собеседника и заторопился: — Поэтому я побежал на регистрацию посмотреть список пассажиров. И там, конечно, было записано: «Дж. Бонд».

Дюпон откинулся на стуле, весьма довольный своей сообразительностью. Принесли заказ. Дюпон поднял свой стакан.

— Ваше здоровье, сэр. Сегодня у меня очень счастливый день!

Бонд вежливо улыбнулся и выпил. Дюпон снова наклонился вперед, оглядываясь по сторонам. Соседние столики пустовали, однако он все же понизил голос.

— Я понимаю, вы сейчас думаете, что это, конечно, очень мило снова встретить Джуниуса Дюпона, но что ему сейчас от меня нужно? Почему он так рад встрече со мной сегодня вечером?

Бонд изобразил на лице вежливое любопытство. Дюпон сдвинулся еще ближе.

— Я надеюсь, вы извините меня, мистер Бонд. Я обычно никогда не лезу в чужие секре... э-э... дела. Но после той игры в казино я узнал, что вы не только великолепный игрок, но и в некотором роде... э-э... следователь. Что-то вроде оперативного сотрудника.

Дюпон даже покраснел от своей настойчивости. Он сел на место, достал платок и вытер лоб, посмотрев с беспокойством на Бонда. Бонд пожал плечами. Его серо-голубые глаза светились доброжелательностью и иронией.

— Когда-то я этим занимался. Военный синдром, так сказать. Некоторым еще нравилось играть в «казаки-разбойники». Только в мирное время это довольно бесперспективное занятие.

— Хорошо, хорошо, — отмахнулся Дюпон.

Однако, задавая следующий вопрос, он избегал смотреть Бонду в глаза, ожидая услышать очередную ложь. Этот человек очень умен, подумал Бонд. Волк в шкуре миллионера.

— Чем же вы теперь занимаетесь? — спросил Дюпон с отеческой улыбкой. — На чем остановились, простите за нескромность?

— Импортно-экспортные операции. Я работаю

в «Юниверсал». Возможно, вы слышали об этой фирме?

Дюпон поддержал игру.

— Хм. Дайте подумать... Да, конечно, я что-то о ней слышал. Не могу сказать, что имел с этой фирмой дело, но, думаю, это никогда не поздно? — Он рассмеялся, довольный собой. — Видите ли, я занимаюсь практически всем, за исключением, пожалуй, разве что химии. Может, в этом моя беда, мистер Бонд, но я не из химических Дюпонов.

Бонд подумал, что этот человек явно доволен тем фактом, что является представителем самостоятельной ветви Дюпонов. Он промолчал, многозначительно глянув на часы, чтобы заставить собеседника скорее раскрыть карты. Свои козыри он предпочитал держать при себе.

У Дюпона было симпатичное, младенчески-розовое лицо с пухлым чувственным ртом. Он выглядел столь же безобидно, как любой турист-американец средних лет, стоящий с фотоаппаратом возле Букингемского дворца. Но за этой вполне респектабельной консервативной внешностью скрывался жесткий, сильный характер.

Жест Бонда не ускользнул от внимательных глаз Дюпона.

— Боже, уже семь часов, а я еще не добрался до сути! Слушайте сюда, мистер Бонд. У меня тут возникла небольшая проблема, и я буду очень вам признателен, если вы поможете ее разрешить. Если вы располагаете временем и собираетесь провести ночь в Майами, то я сочту за честь оказать вам гостеприимство. Думаю, что смогу обеспечить вам полный комфорт. Дело в том, что я являюсь одним из владельцев гостиницы «Флоридиана». Вы, может быть, слышали, она открылась на рождество. Большое и выгодное дело, смею заметить. Вытесняет эту рухлядь — «Фонтэн блю», — Дюпон снисходительно усмехнулся. — Это мы так называем гостиницу «Фонтэнбло».

Что вы на это скажете, мистер Бонд? Вас поселят в лучшем номере, даже если ради этого придется кого-нибудь переселить. И вы действительно окажете мне этим большую услугу.

К этому времени Бонд уже решил принять предложение вне зависимости от того, какой помощи и в чем хотел от него Дюпон. Скорее всего, это были какие-нибудь обычные для состоятельных людей неприятности: шантаж, гангстеры, женщины. А ему предоставлялась великолепная возможность красиво пожить, о чем он и мечтал. Дают — бери. Для проформы Бонд начал вежливо

отнекиваться, но Дюпон прервал его:

— Пожалуйста, прошу вас, мистер Бонд. И поверьте мне, я буду вам очень, очень признателен.

Он подозвал официантку и отвернулся, расплачиваясь, чтобы скрыть от Бонда купюры. Как большинство очень состоятельных людей, Дюпон полагал, что демонстрировать свое богатство или то, сколько он дает чаевых, было бы весьма неприлично. Сунув деньги в карман, Дюпон взял Бонда под руку, но, почувствовав, что Бонду это не понравилось, отпустил его. Они спустились в основной зал.

— Давайте теперь займемся вашим размещением.

Дюпон направился к стойке «Транс Американ», где несколькими фразами продемонстрировал свое могущество в этой епархии. «Да, мистер Дюпон, конечно, мистер Дюпон, мы обо всем позаботимся, мистер Дюпон».

На улице стоял сверкающий «крайслер-империал». Коренастый шофер, одетый в песочного цвета форму, поспешно открыл дверцу. Бонд удобно устроился на большом мягком сиденье. Внутри было прохладно, почти холодно. Представитель «Транс Американ» вынес чемодан Бонда,

передал его шоферу и с полупоклоном удалился. — «Биллз-он-зе-Бич», — сказал Дюпон шоферу, и лимузин медленно тронулся между рядами машин к выезду со стоянки.

Дюпон развалился на сиденье.

— Надеюсь, вы любите мясо крабоидов, мистер Бонд? Пробовали когда-нибудь?

Бонд ответил, что пробовал и очень любит.

Пока «крайслер» ехал по улицам Майами, Дюпон рассказывал о «Биллз-он-зе-Бич» и рассуждал о сравнительных качествах мяса крабоида и аляскинского краба. Бонд вставлял соответствующие комментарии, позволяя себе увлечься приятной ездой и легкой беседой.

Они подъехали к зданию в псевдорегентском стиле. Розовая неоновая вывеска гласила: «Биллз-он-зе-Бич». Вылезая из машины. Бонд услышал распоряжение, данное Дюпоном шоферу:

— Номер-люкс «Алоха». Если возникнут проблемы, скажите мистеру Фейрли, чтобы он позвонил мне сюда. Ясно?

Они поднялись по ступенькам. Большой белый зал ресторана с розовыми муслиновыми занавесями на окнах и лампами с розовыми абажурами на столах был заполнен загорелой публикой в рубашках кричаще ярких расцветок, золотых

браслетах, очках с оправами, украшенными драгоценными камнями, модных соломенных шляпах. Воздух был насыщен смесью различных запахов, в которой преобладал запах человеческих тел, весь день прожарившихся на солнце.

Билл, женоподобный итальянец, подлетел к ним.

— О, мистер Дюпон! Какая радость, сэр! Шумновато тут сегодня. Сейчас для вас все быстренько сделают. Сюда, пожалуйста, сюда.

Держа над головой большое меню в кожаной обложке, он, ловко лавируя между сидящими, провел их к лучшему столику, угловому на шесть персон. Он отодвинул два стула, подозвал метрдотеля и официанта, обмениваясь репликами с Дюпоном, раскрыл перед каждым из гостей меню и удалился.

Дюпон захлопнул свое меню и сказал:

— Почему бы вам не положиться на мой вкус? Если вам что-нибудь не понравится, просто отошлете обратно и все, — и, обращаясь к официанту, приказал: — Крабоидов. И не мороженых, а свежих. Топленое масло. Большие тосты. Ясно?

— Да, мистер Дюпон.

Первого официанта сменил второй.

— Две пинты розового шампанского «Поммери»

пятидесятого года. Бокалы серебряные. Ясно?

— Да, мистер Дюпон. Для начала коктейль?

Дюпон, улыбнувшись, вопросительно взглянул на Бонда.

— Водку с мартини и ломтиком лимона.

— Сделайте два, — сказал Дюпон. — И двойных.

Официант поспешил выполнить заказ. Дюпон, устроившись поудобней, достал сигареты и зажигалку. Он оглядел соседние столики, улыбаясь в ответ на приветствия, затем придвинулся к Бонду.

— Боюсь, что здесь, к сожалению, шумновато. Я привел вас сюда только ради крабов. Вы не аллергик, надеюсь? А то я как-то привел сюда даму, как у нее от крабов губы вздулись, словно лепешки.

Бонда позабавило, как изменились манеры Дюпона, едва только тот решил, что заполучил Бонда. Речь его стала властной, жесты — решительными. И куда подевался смущенный и робкий проситель, окликнувший его в аэропорту? Интересно, что же ему все-таки нужно? Видимо, объяснение должно последовать с минуты на минуту.

— Аллергией я не страдаю, — ответил Бонд.

— Прекрасно, прекрасно.

Повисла пауза. Дюпон несколько раз щелкнул зажигалкой, затем, сообразив, что сейчас он производит впечатление попусту суетящегося человека, отодвинул ее. Судя по всему, он решился. Глядя на свои руки, Дюпон произнес:

— Вы когда-нибудь играли в канасту, мистер Бонд?

— Да, хорошая игра, мне нравится.

— А в канасту вдвоем?

— Тоже играл, хотя этот вариант мне кажется совсем неинтересным. Если сам не сделаешь глупость и партнер ее не сделает, игра обычно заканчивается с ничейным результатом. Шансы на крупный выигрыш совершенно нулевые.

Дюпон согласно кивнул.

— Именно. Я тоже так считал. Сыграв сотню партий, равные по силе партнеры останутся при своих. Это не то, что джин или Оклахома. Но, с другой стороны, именно это мне и нравится. Просто времяпрепровождение с кучей карт, понемножку выигрываешь, понемножку проигрываешь, а в конечном счете все довольны. Так?

Бонд кивнул. Принесли мартини. Дюпон заказал еще два коктейля и продолжил:

— А как бы вы отреагировали, мистер Бонд, если бы я сказал, что проиграл в канасту двадцать

пять тысяч долларов в течение недели?

Бонд открыл рот, собираясь ответить, но Дюпон остановил его нетерпеливым жестом.

— И заметьте, я хороший игрок. Я являюсь членом «Ридженс клуба», играл с игроками класса Чарли Горена, Джонни Кроуфорда, вообще-то в бридж, но это я к тому, что в этом деле я не новичок.

Дюпон вопросительно глянул на Бонда.

— Если вы играли все время с одним и тем же партнером, то этот человек — шулер.

— И-мен-но! — Дюпон хлопнул ладонью по столу. — Именно. Об этом я и подумал, когда проигрывал, проигрывал, проигрывал четыре дня подряд. Я сказал себе: «Этот сукин сын жульничает» — и решил узнать, как он это делает, а потом вышвырнуть его из Майами. Я удвоил ставки, затем удвоил еще раз. Этот тип несказанно обрадовался. А я все время следил за ним, следил очень пристально за его жестами, картами, словами. И ничего! То есть абсолютно. Карты некрапленые, никаких условных знаков, ничего. Мои собственные карты. Новая колода по первому требованию. Ни малейшей попытки заглянуть в мои карты. Да он и не мог этого сделать, ведь я сидел напротив. Рядом никого, кто бы мог

подсказывать. А он все выигрывал, выигрывал, выигрывал... Сегодня опять выиграл. Утром. И днем. В конце концов я совершенно озверел, впрочем, не показал виду. — Последняя реплика предназначалась Бонду, дабы тот не подумал, что Дюпон не умеет достойно проигрывать. — Я заплатил, как положено, но тут же, ничего не говоря этому типу, собрал вещички, приехал в аэропорт и взял билет на первый же рейс до Нью-Йорка. Подумать только! — Дюпон всплеснул руками. — Я спасаюсь бегством! Но двадцать пять «косых» это двадцать пять «косых». А могло бы быть и пятьдесят, и сто... И не мог я больше продолжать играть в эту чертову игру, не имея возможности схватить этого хмыря за руку. И я просто-напросто сбежал. Как вам это нравится? Я, Джуниус Дюпон, плачусь в жилетку, потому что не смог больше выносить этот грабеж.

Бонд сочувственно хмыкнул. Принесли мартини. Бонда эта история заинтересовала, его всегда интересовало все, связанное с картами. Он представил себе сцену, когда двое мужчин сидят друг против друга, один из них спокойно складывает канасту, откладывает в сторону и записывает очки, а другой с едва сдерживаемым раздражением швыряет карты на стол. Было совершенно ясно,

что Дюпона обманули. Но каким образом?

— Двадцать пять тысяч — большие деньги. Какие были ставки? — спросил Бонд.

— Начальная ставка двадцать пять центов, потом пятьдесят, затем доллар. Для такой игры это высокая ставка. Даже при двадцати пяти центах выигрыш составляет пятьсот долларов за игру. А при ставке в доллар проигрыш равносилен самоубийству.

— Но вы, вероятно, изредка выигрывали?

— Да, но только когда ему это было нужно из тактических соображений. Гроши. Он избегал всех моих ловушек, предвидел все мои действия, как будто точно знал, какие карты у меня на руках.

— А зеркал в помещении не было?

— Да нет! Мы играли на открытом воздухе. Он говорил, что хочет позагорать. И, конечно, загорел. Красный, как рак. Играли мы только утром и днем. Он говорил, что не играет вечером, потому что потом долго не может заснуть.

— А он кто? Как его зовут?

— Голдфингер.

— А имя?

— Аурик. Это, кажется, означает «золотой», не так ли? Вот он такой и есть. Огненно-рыжий.

— Национальность?

— Вы мне не поверите, но он английский подданный. Живет в Нассау. Исходя из фамилии, можно подумать, что он еврей, но внешность у него не семитская. Да у нас во «Флоридиане» его бы и не приняли, если бы он таковым являлся. У нас с этим строго. Паспорт выдан в Нассау, ему сорок три года, холост, по профессии брокер. Это сведения из его паспорта. Я узнал у гостиничного детектива, когда сел с ним играть.

— И какого рода брокер?

Дюпон кисло улыбнулся.

— Я у него спросил. Он ответил: «О, я занимаюсь всем, что подвернется». Весьма уклончивый тип. Как только задаешь прямой вопрос, тут же замыкается, но весьма любезно беседует абсолютно ни о чем.

— Насколько он богат?

— Ха! Это-то и есть самое главное! Он просто трещит от золота! Прямо лопается! Я выяснил это через мой банк в Нассау. Он купается в золоте. В Нассау миллионеров — словно грязи, но он — первый или второй по списку. Свои деньги он вроде бы держит в виде слитков. Таскает их по всему свету, получая прибыль на разнице цен. Ведет себя, прямо как федеральный банк. К валютам

относится с недоверием. Не могу сказать, что в этом он не прав. Учитывая, что он один из самых богатых людей в мире, возможно, это его система. Но вот в чем вопрос: раз он настолько богат, зачем ему понадобились какие-то паршивые двадцать пять тысяч?

Официанты, окружившие их стол, избавили Бонда от необходимости отвечать. Состоялся ритуал водружения в центр стола большого серебряного блюда с крабоидами. Возле каждой тарелки поставили по серебряному соуснику с топленым маслом и тосты. В бокалах пенилось розовое шампанское. Наконец старший официант, подойдя к ним сзади, обвязал им шеи салфетками, свисающими до пола.

Бонд вспомнил Чарльза Лаутона в роли короля Генриха VIII в фильме «Частная жизнь Генриха VIII», но ни Дюпон, ни окружающие никак не отреагировали на столь «свинские» приготовления. Дюпон, произнеся: «Каждый сам за себя», — положил себе на тарелку несколько крабоидов и, макая их в масло, стал есть.

Бонд последовал его примеру и тоже приступил к трапезе, поглощая самое вкусное в его жизни блюдо.

Мясо крабоидов было нежнейшим из всех,

какие он когда-либо пробовал, особенно в сочетании с тостами и слегка жженым топленым маслом. Ледяное шампанское с легким привкусом земляники приятно холодило небо. Они ели спокойно и с удовольствием, не проронив ни слова, пока полностью не очистили блюдо.

Слегка рыгнув, Дюпон в последний раз стер шелковой салфеткой масло с подбородка и удовлетворенно откинулся на спинку стула. Лицо его пылало. Он посмотрел на Бонда с гордым видом.

— Я позволю себе усомниться, мистер Бонд, что кто-нибудь где-нибудь едал что-либо вкусней. Как вы считаете?

Я хотел легкой жизни, подумал Бонд. Красивой жизни. Нравится ли мне все это? Нравится ли мне жрать, как свинья, и выслушивать замечания такого сорта? И внезапно сама идея съесть еще одно такое кушанье или любое другое в компании Дюпона вызвала у него отвращение. Но он тут же устыдился своей реакции. В конце концов, что хотел, то и получил. Это протестовал сидящий в нем пуританин. Бонд высказал пожелание, и это его пожелание было не только исполнено, оно было буквально впихнуто ему в глотку.

— Не могу ничего сказать по этому поводу, но, несомненно, было очень вкусно.

Дюпон вполне удовлетворился ответом и заказал кофе. Бонд отказался от предложенных сигар и ликера, закурил и стал с интересом ждать продолжения. Он был уверен, что продолжение последует. И не ошибся. Дюпон прочистил горло.

— А теперь, мистер Бонд, у меня есть предложение.

Он посмотрел на Бонда, стараясь предугадать его реакцию.

— Да?

— Это, несомненно, рука провидения, что я встретил вас сегодня в аэропорту.

Голос Дюпона звучал серьезно и искренне.

— Я никогда не забывал нашу первую встречу. Я помню все. Ваше хладнокровие, решительность и мастерство.

Бонд внимательно изучал скатерть.

Но Дюпону надоело разглагольствовать и отвешивать реверансы, и он сказал:

— Мистер Бонд, я готов заплатить вам десять тысяч долларов, если вы согласитесь оставаться здесь в качестве моего гостя до тех пор, пока не узнаете, каким образом этот человек, Голдфингер, обыгрывает меня в карты.

Бонд посмотрел Дюпону прямо в глаза.

— Это хорошее предложение, мистер Дюпон.

Но мне необходимо вернуться в Лондон, и я должен быть в Нью-Йорке через сорок восемь часов, чтобы успеть на самолет. Если вы завтра будете играть как обычно, утром и днем, у меня будет вполне достаточно времени, чтобы все выяснить. Но вне зависимости от того, помогу я вам или нет, я должен улететь завтра. Договорились?

— Согласен, — ответил Дюпон.

3. Человек, страдающий агорафобией

Утром Бонда разбудил звук хлопающих занавесок. Он отбросил простыню, по толстому ковру прошел к окну, занимающему всю стену, раздвинул занавески и вышел на балкон.

Вдоль берега шли корпуса «Кабана клуба» — два пролета раздевалок под плоской крышей с установленными на ней стульями, столиками и зонтиками в красно-белую полоску. Рядом бассейн с изумрудно-зеленой водой и множеством шезлонгов вокруг, пока еще пустующих, но на которых скоро расположатся отдыхающие, дабы получить свою порцию загара ценой пятьдесят долларов в день. Несколько служителей в белых жилетах копошились между шезлонгами, выравнивая их, переворачивая матрасы, стряхивая вчерашний пепел и окурки. Дальше тянулась длинная песчаная коса, плескалось море. Глядя на все это, не приходилось удивляться записи в гостевой карте в номере Бонда, где указывалось, что проживание в люксе «Алоха» стоило двести долларов в сутки. По грубым подсчетам, три

недели пребывания здесь обошлись бы Бонду в годовой заработок. Он снисходительно улыбнулся своим мыслям, вернулся в спальню и заказал по телефону плотный завтрак, пачку «Честерфилда» и газеты.

Пока он брился и принимал ледяной душ, пробило восемь часов. Бонд прошел в элегантную гостиную и обнаружил там официанта в лилово-золотой форме, сервирующего завтрак на столике возле окна. Бонд просмотрел «Майами геральд», вся первая полоса которой была посвящена последствиям авиакатастрофы и результатам (весьма скверным) скачек.

Бонд бросил газету на пол и приступил к еде, размышляя о Дюпоне и Голдфингере. Делать какие-либо выводы было пока трудно. Либо Дюпон играл хуже, чем он сам считал (весьма сомнительное предположение, учитывая сильный характер последнего), либо Голдфингер был шулером. Если Голдфингер жульничал, хотя деньги ему были и не нужны, то напрашивался вывод, что свой капитал он составил либо игрой в карты, либо с помощью какой-нибудь другой игры. Бонда всегда интересовали крупные мошенники, поэтому он с нетерпением ждал встречи с Голдфингером, и еще ему очень хотелось узнать способ, явно

весьма успешный и такой таинственный, помогающий тому обыгрывать Дюпона. Денек обещал быть забавным.

Согласно плану, выработанному совместно с Дюпоном, они должны были встретиться в парке в десять часов. Версия была следующая: Бонд прилетел из Нью-Йорка, чтобы предложить Дюпону пакет акций канадской холдинговой газовой компании. Поскольку дело было конфиденциальным, Голдфингер не станет выяснять у Бонда подробности. Акции, природный газ, Канада. Это все, что нужно было запомнить Бонду. Затем они пойдут на крышу «Кабана клуба», где обычно Дюпон играл с Голдфингером, там Бонд сядет поблизости с газетой и будет наблюдать за игрой. После обеда, во время которого они с Дюпоном будут вести «деловую» беседу, все начнется опять по той же схеме. На вопрос Дюпона, не нужно ли чего-нибудь еще, Бонд попросил ключ-отмычку от апартаментов Голдфингера. Он объяснил, что если Голдфингер профессиональный шулер или шулер-любитель, но высокого класса, то у него должен быть обычный для таких людей набор: крапленые карты, специальные приспособления и т.д. и т.п. Дюпон обещал передать отмычку при встрече в парке, он легко сможет получить ее у

управляющего.

После завтрака Бонд расположился поудобней и стал смотреть на море. Принятые им на себя обязательства нисколько его не беспокоили, было просто забавно и довольно интересно. Это как раз то, что нужно, чтобы стряхнуть с себя груз мексиканских воспоминаний.

В половине десятого Бонд вышел из номера и пошел по коридорам своего этажа, сознательно «заблудившись» в переходах, чтобы получше узнать все гостиничные ходы и выходы. Затем, дважды натолкнувшись на одну и ту же горничную, он, дабы не вызвать лишних подозрений, спросил у нее дорогу к лифту, прошел, лавируя среди проснувшихся постояльцев, через «Ананасовую аркаду», заглянул в «Бамбуковую кофейную», «Бар встреч», зал «Тропикана», детский и ночной бары и уже целенаправленно двинулся в парк. Дюпон, одетый в пляжный костюм от «Аберкомб и Фитч», сразу протянул ему ключ от номера Голдфингера. Мирно беседуя, они подошли к «Кабана клубу» и поднялись на крышу.

Первое впечатление, произведенное Голдфингером на Бонда, было потрясающим. В дальнем углу, прямо возле гостиничной стены, на шез-

лонге лежал человек. На нем не было ничего, кроме узеньких сатиновых плавок желтого цвета, темных очков и пары жестяных крыльев, закрепленных на шее под подбородком. Крылья закрывали плечи и слегка загибались вниз.

— Что это за штука у него на шее? — спросил Бонд.

— Никогда не видели? — удивился Дюпон. — Это специальное приспособление из полированной жести, которое отражает солнечные лучи, и таким образом у вас загорают места, обычно скрытые от солнца — под подбородком и за ушами.

— Ну-ну, — хмыкнул Бонд.

Когда они подошли на расстояние в несколько ярдов к лежащей фигуре, Дюпон весело и, как показалось Бонду, чересчур громко воскликнул:

— Привет!

Голдфингер не прореагировал.

Дюпон пояснил нормальным тоном:

— Он глухой.

Теперь они стояли у самых ног Голдфингера, и Дюпон повторил приветствие.

Голдфингер резко сел, сняв очки.

— О, привет.

Он отстегнул крылья, аккуратно положил их

рядом с собой на пол и тяжело поднялся, окинув Бонда медленным изучающим взглядом.

— Позвольте вам представить: мистер Бонд, Джеймс Бонд, мой друг из Нью-Йорка. Между прочим, ваш соотечественник. Приехал сюда специально, чтобы обделать со мной одно дельце.

Голдфингер протянул руку.

— Рад знакомству, мистер Бомб.

Бонд пожал руку, оказавшуюся сухой и жесткой. На мгновение голубые глаза Голдфингера широко распахнулись, и Бонда пронзил внимательный взгляд, казалось, проникающий, как рентген, внутрь черепной коробки. Затем ресницы сомкнулись, и рентгеновский снимок остался запечатленным где-то в глубине мозга Голдфингера.

— Значит, играть сегодня не будем.

Голос был бесцветный и равнодушный, вопрос звучал скорее как утверждение.

— То есть как это — не будем играть?! — воскликнул Дюпон. — Уж не думаете ли вы, что я так просто позволю вам уйти с моими деньгами? Я должен отыграться, иначе я не смогу выехать из этой чертовой гостиницы. — Дюпон сплюнул. — Я скажу Сэму, чтобы он установил столик. Джеймс сказал, что он мало что смыслит в картах и с

удовольствием поучится. Верно, Джеймс? — Он повернулся к Бонду. — Ты уверен, что высидишь здесь на солнцепеке со своей газетой?

— С удовольствием хоть немного посижу спокойно, — ответил Бонд, — а то в последнее время пришлось очень много ездить.

Снова рентгеновский взгляд уперся в Бонда, потом глаза опустились.

— Пойду что-нибудь на себя накину. Я собирался сегодня взять урок гольфа у мистера Армора в «Бона Ратон», но карты — основное мое хобби, поэтому гольф подождет.

Глаза Голдфингера равнодушно скользнули по Бонду.

— Вы играете в гольф, мистер Бомб?

Бонд возвысил голос:

— Иногда, когда бываю в Англии.

— И где же вы играете?

— Хантерком.

— А, знаю, симпатичное маленькое поле. Я недавно стал членом клуба «Ройал Сент-Марк». Сандвич расположен недалеко от одного из моих предприятий. Вы знаете, где это?

— Я там играл.

— И какой у вас гандикап?

— Девять.

— Какое совпадение. У меня тоже. Нам с вами нужно будет когда-нибудь сыграть вместе.

Голдфингер поднял свои жестяные крылья, сказал Дюпону:

— Я вернусь минут через пять, — и медленно спустился вниз.

Бонд был доволен. Небольшое социальное исследование его персоны было произведено с характерной для крупного магната долей небрежности, которому вообще-то абсолютно безразлично само существование Бонда, но, коль скоро тот все-таки оказался здесь, его нужно было хотя бы приблизительно отнести к какой-либо социальной категории.

Дюпон отдал необходимые распоряжения служителю в белой форме, двое других уже устанавливали игральный столик. Бонд подошел к перилам, огораживающим крышу, и стал смотреть в парк, размышляя о Голдфингере.

Несомненно, тот произвел на него впечатление. Он был одним из самых уравновешенных и собранных людей, когда-либо встреченных Бондом. Это проявлялось и в том, что он не делал ни одного лишнего движения, не произносил лишних слов. Голдфингер не тратил понапрасну сил, однако в спокойствии этого человека было

что-то напоминающее сжатую пружину.

Первое, что бросилось в глаза Бонду, когда Голдфингер поднялся с шезлонга, — это полное отсутствие пропорций: маленький рост, не более пяти футов, крупное тело на коротких и толстых крестьянских ногах, увенчанное большой, кажущейся абсолютно круглой головой, росшей прямо из плеч. Складывалось впечатление, что этот человек был составлен из частей, принадлежащих разным людям. Возможно, подумал Бонд, он придает такое значение загару, чтобы хоть как-то компенсировать свое уродство. Без этого красно-коричневого камуфляжа бледное тело выглядело бы гротескно. Лицо под ежиком коротко стриженных морковных волос было столь же необычным, сколь и тело: луновидное, лоб крутой и широкий, песочного цвета узкие брови, светло-голубые глаза, обрамленные белесыми ресницами. Нос немного вздернут, скулы высокие, щеки скорее упругие, чем толстые. Рот узкий, но красиво очерченный, подбородок твердый. В общем, подумал Бонд, это лицо мыслителя, возможно, ученого, жесткое и чувственное, стоическое и упрямое. Странное сочетание.

Что еще можно предположить? Бонд всегда с недоверием относился к людям маленького

роста. Они с детства должны расти с комплексом неполноценности. Всю свою жизнь они стремятся стать большими, больше других, тех, которые издевались над ними в детстве. Наполеон и Гитлер были коротышками. Все беды мира исходят от недомерков. Так что же представлял собой этот нескладный человечек с огненно-рыжими волосами и странным лицом? Из него мог бы выйти великолепный неудачник. Однако в этом человеке чувствовалась такая внутренняя хорошо сдерживаемая сила, что казалось: вставь Голдфингеру в рот лампочку — и она наверняка загорится. Бонд улыбнулся собственным мыслям. Интересно, в чем Голдфингер находит выход этой своей неуемной энергии? Богатство? Секс? Власть? Вероятно, и то, и другое, и третье. Любопытно было бы узнать его историю. Сейчас он, возможно, и британский подданный, но где он родился? Не еврей, хотя семитская кровь, вероятно, есть. Явно не выходец из романских стран, вообще не южанин. Не славянин. Возможно, немец, нет, прибалт! Вот откуда он должен быть родом! Выходец из одной из прибалтийских провинций, сбежавший оттуда с приходом русских. Либо Голдфингера предупредили, либо его родители были достаточно сообразительны. А потом? Что было

потом? Каким образом он сумел стать одним из богатейших людей в мире? Было бы интересно это выяснить когда-нибудь, но не сейчас, сейчас достаточно узнать, каким образом ему удается постоянно выигрывать в карты.

— Все в порядке?

Вопрос Дюпона относился к приближающемуся к ним Голдфингеру. Одетый в безукоризненно сидящий синий костюм и белую рубашку с расстегнутым воротом, Голдфингер выглядел почти прилично. Но спрятать свою круглую, как мяч, рыжую голову он не мог, да и слуховой аппарат в ухе не придавал ему шарма.

Дюпон сел спиной к гостинице, Голдфингер — напротив него, и игра началась.

Бонд уселся рядом с Дюпоном, лениво листая газету и внимательно наблюдая за игрой. Как Бонд и предполагал, никаких трюков с картами не было. Голдфингер сдавал умело и аккуратно, на руках у него не было ничего лишнего, пальцы не делали ни одного ненужного движения, короче, ничего такого, что обычно используют шулера.

По ходу сдачи Дюпон объяснил Бонду принцип игры. Бонд отметил, что тот держит карты умело, не раскладывает их по мастям и значимости. Все нужные ему карты были в середине, по краям

— единичные и малостоящие.

Игра началась. Лицо Дюпона было абсолютно бесстрастным, по нему ничего нельзя было прочесть. Поначалу казалось, что эту партию он выигрывает, однако все закончилось, как и прежде, выигрышем Голдфингера.

— Черт возьми, как вам это удается? Ведь я почти что выиграл сейчас! — Голос Дюпона выдавал сильнейшее раздражение. — Кто, черт побери, подсказал вам этот ход?!

— У меня нюх на неприятности, — невозмутимо произнес Голдфингер.

Он подсчитал свои очки, огласил сумму и стал спокойно ждать, пока Дюпон подсчитает свои. Затем перемешал карты и глянул на Бонда с вежливым интересом.

— Вы надолго приехали, мистер Бомб?

Бонд улыбнулся.

— Моя фамилия Бонд. Б-О-Н-Д. Нет, мне нужно сегодня вечером вернуться в Нью-Йорк.

— Как жаль...

Голдфингер изобразил вежливое сожаление. Он снова вернулся к картам, и игра продолжилась. Бонд взял свою газету и под ее прикрытием, глядя в таблицу баскетбольных игр, на слух следил за игрой. Голдфингер выиграл и эту партию,

и две последующие, получив кругленькую сумму в полторы тысячи долларов.

— Ну вот, опять! — раздался жалобный голос Дюпона.

Бонд опустил газету.

— А что, он в основном выигрывает?

— В основном! — это звучало как хрип. — Он всегда выигрывает!

И они продолжили игру.

— Почему бы вам не поменяться местами? — предложил Бонд. — Я слышал, что перемена места приносит удачу.

Голдфингер прервал сдачу и серьезно посмотрел на Бонда.

— К сожалению, мистер Бонд, это невозможно, иначе я не смогу играть. Я уже объяснил мистеру Дюпону, когда мы с ним начинали игру, что страдаю таким недугом, как агорафобия, боязнь открытого пространства. Я не выношу открытого горизонта, поэтому вынужден сидеть лицом к стене, — и он продолжил сдачу.

— О, извините, — голос Бонда звучал серьезно и заинтересованно. — Это очень редкое заболевание. Я всегда понимал людей, страдающих клаустрофобией, но впервые вижу человека, подверженного агорафобии. Как это случилось?

Голдфингер взял карты и, перекладывая их в руках, спокойно ответил:

— Не имею ни малейшего понятия.

Бонд поднялся на ноги.

— Ладно, пойду немножко пройдусь, посмотрю, что делается в бассейне.

— Давай, — радостно произнес Дюпон. — Подожди немножко, Джеймс, у нас будет достаточно времени в обед поговорить о делах, а сейчас я все-таки попробую обыграть моего друга Голдфингера. До скорого!

Голдфингер не отрывал глаз от карт. Перешагивая через лежащих, Бонд прошел к другому концу крыши, выходящему на бассейн. Он постоял некоторое время, глядя на коричневые, розовые и белые тела, лежащие внизу. До него доносился тяжелый запах масла для загара. В бассейне плескались дети и молодежь.

Бонд повернулся и посмотрел на двух игроков, продолжавших играть возле гостиничной стены. Значит, Голдфингер предпочитает сидеть лицом к стене. Или же ему желательно, чтобы Дюпон сидел к ней спиной. А почему? Кстати, а какой он занимает номер? Двухсотый, люкс «Гавайи». Номер Бонда был выше — тысяча двухсотый. Если он правильно рассчитал, апартаменты Гол-

дфингера должны находиться по прямой вниз под номером Бонда на втором этаже, приблизительно в двадцати ярдах от крыши «Кабана клуба», то есть в двадцати ярдах от игроков. Бонд сосчитал этажи и внимательно оглядел балкон Голдфингера. Ничего. Балконная дверь открыта. Бонд прикинул расстояние, угол обзора. Да, именно так могло бы быть. Так и должно быть! Ай да мистер Голдфингер! Умница!

4. За балконной дверью

После обеда (традиционного салата из креветок с горчицей, ростбифа и ананаса) еще оставалось время отдохнуть перед назначенной на три часа встречей с Голдфингером.

Дюпон, проигравший очередные десять тысяч (или чуть больше), на вопрос Бонда, есть ли у Голдфингера секретарь, ответил утвердительно.

— Только я ни разу ее не видел, она безвылазно сидит в номере. Наверное, какая-нибудь хористочка, которую он прихватил с собой на отдых. А что? Вы что-то узнали?

— Ничего конкретного пока сказать не могу, — уклончиво ответил Бонд. — Я скорее всего не пойду с вами после обеда. Скажете, что мне надоело смотреть и я ушел в город.

Немного помолчав, он продолжил:

— Но если моя догадка верна, не удивляйтесь тому, что, возможно, произойдет. Если вдруг Голдфингер поведет себя странно, сидите спокойно и наблюдайте. Я пока ничего не обещаю. Кажется, я его поймал, но может быть, и нет, может, я ошибаюсь.

— Прекрасно! Мне не терпится увидеть, как этот сукин сын останется без штанов! Черт бы его побрал!

Бонд поднялся в свой номер, достал из чемодана фотоаппарат и принадлежности к нему, вставил вспышку в гнездо и зарядил пленку. Выйдя на балкон, он прикинул, где будет солнце в половине четвертого, вернулся в комнату и установил нужную выдержку. Сделав несколько пробных кадров, чтобы убедиться в исправности фотоаппарата, Бонд отложил его в сторону.

Затем он снова открыл чемодан и извлек оттуда книгу — «Популярную Библию», в которой перевозил свой «Вальтер РРК» в кобуре. Пристегнув кобуру слева к поясу, он несколько раз быстро выхватил пистолет и остался доволен результатом. Бонд внимательнейшим образом изучил планировку своего номера, исходя из того, что планировка номера Голдфингера должна быть идентичной. Мысленно он представил себе сцену, которую почти наверняка увидит в апартаментах Голдфингера. Опробовав отмычку на всех имеющихся замках и напрактиковавшись в бесшумном открывании дверей, он придвинул кресло к балконной двери, удобно расположился в нем с сигаретой и, глядя в морскую даль, стал

обдумывать свои действия в отношении Голдфингера, когда придет время.

В три пятнадцать Бонд встал, вышел на балкон и посмотрел вниз на сидящих игроков. Затем проверил еще раз выдержку на фотоаппарате, накинул куртку, завязал на шее галстук, повесил на грудь камеру и, оглядев в последний раз свой номер, направился к лифту. Спустившись на первый этаж, он некоторое время изучал витрины в холле, дождался, когда лифт снова пошел наверх, и быстро поднялся по лестнице. Второй этаж ничем не отличался от двенадцатого, и двухсотый номер был именно там, где и должен был находиться по расчетам Бонда. Убедившись, что вокруг никого нет. Бонд бесшумно открыл дверь и закрыл ее за собой. В небольшой прихожей на вешалке висели плащ, светлое пальто из верблюжьей шерсти и светло-серая фетровая шляпа. Бонд, держа фотоаппарат наготове, тихонько открыл дверь, ведущую в гостиную.

Еще до того как он увидел то, что и ожидал увидеть, Бонд услышал голос, приятный низкий женский голос, который по-английски перечислял карты, видимо, находящиеся в руках Дюпона.

Бонд проскользнул в комнату.

На двух подушках, лежащих на придвинутом к балконной двери столе, сидела девушка. Подушки были ей нужны, чтобы сидеть на необходимой высоте. Был пик дневного зноя, поэтому на девушке не было ничего, кроме черного лифчика и таких же трусиков. Она сидела, устало свесив ноги, и внимательно изучала результаты только что законченного ею маникюра на левой руке. Потом она попробовала ногти языком и правой рукой убрала кисточку для лака обратно в пузырек, стоящий на столе рядом с ней. Перед глазами у девушки на треножнике был закреплен большой морской бинокль с приделанным микрофоном, от которого шел шнур к небольшому ящичку, лежащему под столом. От ящичка, в свою очередь, тянулось несколько проводов к антенне возле стены.

Когда девушка наклонилась к биноклю, чтобы прокомментировать карты Дюпона, трусики натянулись. Закончив, она выключила микрофон.

Пока девушка говорила. Бонд беззвучно пересек комнату и влез на стоящий у нее за спиной стул, надеясь, что тот не скрипнет. Теперь вся сцена была как на ладони. Он поднес аппарат к глазам. Да, все вписывается в кадр — и голова девушки, и бинокль с микрофоном, и игроки внизу

за столиком, и карты Дюпона в его руках. Бонд даже различил масти. Он нажал на спуск. Яркий свет вспышки заставил девушку вскрикнуть и резко обернуться.

— Добрый день.

Бонд слез со стула.

— Кто вы? Что вам нужно?

Девушка поднесла руку ко рту, в глазах ее стоял ужас.

— Я получил то, что хотел. Не волнуйтесь, уже все позади. А зовут меня Бонд, Джеймс Бонд.

Бонд осторожно положил камеру на стул и встал так, чтобы хорошенько разглядеть девушку. Она была очень красива: платиновая блондинка с длинными не по моде волосами, спадающими на плечи. Глаза ее были глубокого синего цвета, кожа слегка загорелая, губы пухлые и красиво очерченные. По идее, у нее должна была быть очень славная улыбка.

Девушка встала. Высокого роста, примерно пять футов десять дюймов, руки и ноги развиты, как у пловчихи. Груди ее вызывающе торчали под черным шелком лифчика.

Страх потихоньку уходил из ее глаз. Тихим голосом она спросила:

— Что вы хотите сделать?

— Лично вам ничего. Хочу немножко подразнить Голдфингера. Будьте хорошей девочкой, подвиньтесь и дайте мне глянуть.

Бонд сел на место девушки и посмотрел в бинокль. Игра шла нормально. На перерыв в связи Голдфингер не реагировал.

— Он что, на отсутствие связи не реагирует? Или сейчас прервет игру?

— Перерывы случались и раньше, — нерешительно произнесла девушка. — Он просто ждет, когда я снова выйду на связь.

Бонд улыбнулся.

— Ладно, пускай потерпит немного. Вот, возьмите сигарету и расслабьтесь.

Он протянул ей пачку, из которой девушка медленно вытянула сигарету.

— В любом случае вам пора заняться ногтями на правой руке.

На лице девушки промелькнула улыбка.

— Так вы давно здесь? Вы меня ужасно перепугали, почти до шока.

— Да нет, не очень. Мне жаль, что я вас так напугал, а что касается шока, то Голдфингер держит беднягу Дюпона в шоковом состоянии уже неделю.

— Да, — согласилась она с некоторым сомнени-

ем в голосе, — наверное, да, но ведь тот, кажется, очень богат?

— О да, и я не стал бы дергаться ради одного Дюпона. Но ведь Голдфингер может проделать то же самое с кем-нибудь, кто не настолько богат, верно? И вообще, ведь он и сам мультимиллионер. Зачем же ему это все? Он же лопается от денег.

Личико девушки снова оживилось.

— Знаю. И я его просто не понимаю. Это у него своего рода мания — делать деньги. Он просто не может себе в этом отказать. Я его как-то спросила, зачем он это делает, а он мне ответил, что только идиоты не делают деньги, когда условия этому благоприятствуют. Он всегда делает одно и то же — создает эти благоприятные условия. Когда он уговаривал меня заняться этим, — она махнула рукой с сигаретой в сторону бинокля, — я его спросила, зачем так глупо рисковать, и знаете, что он мне ответил? «Это мой вам урок номер два: если условия неблагоприятные, сделай их благоприятными».

— Ему крупно повезло, что я не служу в агентстве Пинкертона или в полиции Майами, — прокомментировал Бонд.

Девушка пожала плечами.

— О, его бы это нисколько не взволновало. Он

бы вас попросту купил. Он может купить кого угодно. Перед золотом никто не устоит.

— Что вы имеете в виду?

— Он всегда возит с собой золото на миллион долларов. Когда он проходит таможню, то просто обвязывается поясом с золотыми монетами или провозит его в виде тонких пластин, спрятанных на дне и по боковинам чемоданов. На самом деле это просто чемоданы из чистого золота, обтянутого кожей.

— В таком случае они должны весить тонну.

— Он всегда ездит на машине со специальными рессорами. А его шофер — настоящий силач, он и таскает чемоданы, никто другой к ним не притрагивается.

— Зачем он возит с собой столько золота?

— На всякий случай. Вдруг понадобится. Он прекрасно знает, что за золото можно купить все, что пожелаешь. И потом, он просто любит золото, действительно любит, как некоторые любят драгоценности, марки или, — тут она лукаво улыбнулась, — женщин.

— А вас он любит? — Бонд улыбнулся в ответ.

Девушка вспыхнула и с оскорбленным видом произнесла:

— Конечно, нет! — И продолжила уже более

спокойным тоном: — Вы, конечно, можете думать что угодно, но он действительно меня не любит. То есть, я хочу сказать, ему, наверное, нравится, что окружающие думают, что мы... что я... словом, что это любовь и все такое... ну, вы понимаете... Он не очень-то привлекателен, и, я думаю, это просто вопрос, ну, гордости, что ли, или что-то в этом роде.

— Понятно. Выходит, вы что-то вроде секретаря?

— Компаньонка, — поправила она. — Мне не нужно печатать и все такое прочее.

Внезапно она закрыла себе рот ладошкой.

— Ой, я не должна была вам всего этого рассказывать! Но вы ведь не скажете ему? Не скажете? А то он меня выгонит, — глаза ее снова наполнились ужасом, — или еще что-нибудь со мной сделает. Я не знаю, на что он способен. Это человек, который может сделать все что угодно...

— Конечно, я ему не скажу. Только объясните мне, почему вы это делаете? Это ведь для вас тоже не самый подходящий вариант?

— Сто фунтов в неделю и все остальное, — кисло ответила девушка, обведя рукой комнату, — с неба не каждый день падают. Я экономлю, когда скоплю достаточную сумму, уйду.

Вряд ли Голдфингер позволит ей так просто уйти, подумал Бонд. Она слишком много знает. Он окинул взглядом красивое личико и великолепную фигуру девушки. Возможно, она и не подозревает, что, прельстившись деньгами и комфортом и связавшись с этим человеком, она попала в очень скверный переплет.

Девушка явно нервничала.

— Кажется, я одета не вполне подобающим образом, — смущенно засмеялась она. — Можно, я пойду накину на себя что-нибудь более подходящее?

Бонд не был уверен, что девушке можно доверять, ведь не он же платил ей сто фунтов в неделю, поэтому решил не отпускать ее.

— Вы великолепно выглядите. Не менее респектабельно, чем вся эта публика возле бассейна. И вообще, — он потянулся, — пора заняться мистером Голдфингером.

Все это время Бонд периодически поглядывал на игроков, сидевших внизу. Казалось, все шло, как обычно. Бонд посмотрел в бинокль. Сейчас Дюпон выглядел совершенно другим человеком: движения его стали уверенными, лицо оживилось. Он бросил на стол кучу карт — полную канасту по королям. Бонд подрегулировал би-

нокль, чтобы лучше видеть Голдфингера.

Выражение крупного кирпично-красного лица было невозмутимым и отсутствующим. Мистер Голдфингер терпеливо ждал, когда условия снова станут благоприятными. Он поправил слуховой аппарат, плотнее прижав его к уху, готовый слушать.

Бонд отодвинулся от бинокля.

— Симпатичный аппаратик, — отметил он. — На какой частоте работаете?

— Он говорил, но я забыла.

Девушка возвела глаза к небу.

— Семьдесят чего-то там, кажется, мега... не помню.

— Мегагерц. Возможно. Однако удивительно, что ваши переговоры не перебиваются переговорами таксистов и полицейских. Должно быть, очень точная настройка, — Бонд ухмыльнулся. — Ну что же, все, кажется, в порядке? Тогда приступим.

Внезапно девушка шагнула вперед и положила руку ему на плечо. На среднем пальце сверкало золотое кольцо — две руки, держащие золотое сердце. Со слезами в голосе она спросила:

— А это обязательно? Почему бы вам не оставить его в покое? Я не знаю, что он со мной за это

сделает. Пожалуйста...

Она запнулась, затем, вспыхнув, как кумач, продолжила:

— И вы мне нравитесь. Я давно не видела таких мужчин, как вы. Может быть, вы сможете здесь задержаться? — глаза ее не отрывались от пола. — Если вы оставите его в покое, я... — и скороговоркой, — сделаю все, что вы захотите.

Бонд улыбнулся, сняв руку девушки со своего плеча и сжав ее в ладони:

— Мне очень жаль, но мне заплатили за эту работу, и я должен довести дело до конца. Да и потом, я просто хочу это сделать, — голос Бонда был совершенно ровным. — Давно пора кому-нибудь поставить мистера Голдфингера на место. Готовы?

Не дожидаясь ответа, он склонился к биноклю, по-прежнему направленному на Голдфингера. Внимательно глядя на круглую физиономию, он нашарил рукой микрофон и включил его.

Должно быть, в слуховом аппарате возникли какие-то шумы, потому что Голдфингер, не меняя выражения, медленно поднял лицо к небу и опустил, как бы благословляя.

Бонд голосом спокойным, но наполненным скрытой угрозы, произнес в микрофон:

— Слушайте меня, Голдфингер.

Он замолчал, ожидая реакции. Нисколько не меняясь в лице, Голдфингер легким кивком как бы подтвердил готовность слушать, не отрывая при этом глаз от карт.

— Говорит Джеймс Бонд. Помните такого? Так вот, игра закончена, пришло время расплаты. У меня есть фотография, на которой запечатлены блондинка, бинокль, микрофон, вы и ваш слуховой аппарат. Она не попадет ни в ФБР, ни в Скотленд-Ярд, если вы точно выполните то, что я вам скажу. Кивните, если поняли.

Лицо Голдфингера оставалось безмятежным. Большая круглая голова медленно качнулась вниз и вверх.

— Положите карты на стол рубашкой вниз.

Руки опустились, и карты посыпались на стол.

— Теперь возьмите вашу чековую книжку и выпишите чек на пятьдесят тысяч долларов из расчета тридцать пять тысяч, что вы отобрали у мистера Дюпона, десять тысяч мне и еще пять тысяч мистеру Дюпону в качестве компенсации морального ущерба и потери времени.

Бонд проследил за выполнением указаний, глянул на Дюпона, сидевшего с выпученными в немом изумлении глазами. Голдфингер медлен-

но оторвал чек и подписал его.

— Хорошо, теперь пометьте это в вашей чековой книжке, да повнимательней, чтобы без ошибок. Затем вы забронируете мне купе до Нью-Йорка на «Серебряном метеоре» на сегодняшний вечер, закажите в купе шампанское и бутерброды с черной икрой в достаточном количестве. Икра должна быть лучшего сорта. И держитесь от меня подальше, чтобы без всяких фокусов. Фотографию я отправлю почтой с полным отчетом о происшедшем и указанием вскрыть пакет, если я не появлюсь завтра в Нью-Йорке вовремя и в полном здравии. Кивните, если поняли.

Большая голова снова медленно качнулась. На высоком гладком лбу теперь выступили капли пота.

— Хорошо. Теперь отдайте чек мистеру Дюпону со словами: «Приношу нижайшие извинения, все это время я вас обманывал», — и можете идти.

Бонд проследил за рукой, протянувшей через стол и положившей чек перед Дюпоном, при этом губы двигались, произнося указанные слова. Голубые глаза были абсолютно спокойны. Голдфингер расслабился. В конце концов, это всего лишь деньги. Он заплатил откупные.

— Минутку, Голдфингер, еще одно.

Бонд глянул на девушку. Она смотрела на него взглядом, полным ужаса, но в то же время в нем была тоска и покорность.

— Как вас зовут?

— Джил. Джил Мастертон.

Голдфингер уже поднялся и собирался уйти.

— Стоп.

Голос Бонда звучал, как удар хлыста. Голдфингер замер. Глаза его были теперь устремлены на балкон и широко распахнуты, как при первой встрече. Их тяжелый взгляд, казалось, проникал через окуляры бинокля прямо в глаза Бонда, сверля череп. Этот взгляд как бы говорил: «Я этого не забуду, мистер Бонд».

— Я кое-что запамятовал, — спокойно проговорил Бонд. — Еще одно, последнее. На время своей поездки я беру заложника. Мисс Мастертон будет сопровождать меня до Нью-Йорка, так что обеспечьте ей место в поезде. Да, и проследите, чтобы купе было в салон-вагоне. Все.

5. Ночное дежурство

Это произошло неделю спустя. Бонд стоял у открытого окна кабинета на седьмом этаже здания, являющегося штаб-квартирой Секретной службы. Лондон, освещаемый выглядывающей из-за облаков луной, спокойно спал. Биг-Бен пробил три часа. И одновременно зазвонил телефон. Бонд быстро вернулся к столу и снял трубку черного аппарата — одного из четырех, стоящих на столе.

— Дежурный офицер слушает.

— Вызывает станция «Эйч», сэр.

— Соедините.

В трубке послышались помехи, обычные при скверной связи с Гонконгом. Интересно, почему над Китаем всегда повышенная солнечная активность? Певучий голос спросил:

— "Юниверсал экспорт"?

— Да.

Близкий приглушенный голос явно в Лондоне произнес:

— На проводе Гонконг. Говорите, пожалуйста.

— Освободите линию, — нетерпеливо рявкнул

Бонд.

Певучий голос продолжил:

— Вы на связи. Говорите, пожалуйста.

— Алло, алло? Это «Юниверсал экспорт»?

— Да.

— Говорит Диксон. Слышите меня?

— Да, слышу хорошо.

— Это по поводу телеграммы, которую я вам послал об отгрузке манго. Фруктов. Вы в курсе?

— Да, лежит передо мной.

Бонд придвинул к себе досье. Он знал, о чем идет речь. Станция «Эйч» запрашивала несколько магнитных мин для подрыва трех китайских разведывательных джонок, которые пользовались портом Макао для перехвата британских грузовых судов и их обыска с целью выявления на борту беженцев из Китая.

— Оплата должна быть произведена до десятого числа. Это могло означать, что либо джонки уходят, либо с десятого числа усиливается их охрана, либо еще что-то срочное.

— Ясно, — коротко произнес Бонд. — Спасибо. Пока.

— Пока.

Бонд положил трубку, взял другую — зеленую, набрал номер отдела «Кью» и переговорил с

дежурным. Все должно было быть в порядке. Утренним рейсом авиакомпании BOAC отдел отправит этот груз.

Бонд сел на стул и закурил. Он думал о маленьком, с плохой вентиляцией офисе в Гонконге, представлял пятна пота на рубашке номера 279, которого он хорошо знал и который только что назвался Диксоном. Скорее всего, в данный момент он говорил помощнику: «Все в порядке. Лондон подтвердил. Давай-ка теперь еще раз выверим график предстоящей операции».

Бонд сухо улыбнулся. Пусть лучше они отдуваются, а не он. Он теперь не мог иметь дело с китайцами, уж больно их много. Станция «Эйч», похоже, разворошила осиное гнездо, но М. решил продемонстрировать, что Секретная служба в Гонконге еще не окончательно отошла от дел. Когда три дня назад М. сообщил, что Бонду предстоит нести ночные дежурства, тому это не очень пришлось по вкусу и он стал доказывать, что мало знаком с работой станций, что это слишком ответственная работа для агента, прослужившего шесть лет в подразделении «00» и забывшего все, что он когда-либо знал о работе станций, но М. был непреклонен.

— Ничего, вы быстро все вспомните. А если

возникнут проблемы, всегда можно обратиться к дежурным по подразделениям, начальнику Штаба или в конце концов ко мне. (Бонд улыбнулся, представив, как он будит М. среди ночи, потому что кто-то где-то в Азии, например в Токио, во что-то влип.) Короче, я так решил. Я хочу, чтобы все старшие офицеры несли дежурство. Кстати, ноль ноль семь, — М. окинул Бонда ледяным взором, — вчера на меня насели люди из казначейства. Они считают, что подразделение «ноль ноль» убыточно и не отвечает духу времени. Я не стал с ними спорить, просто сказал, что они ошибаются. (Бонд, усмехаясь про себя, представил эту картину.) Как бы то ни было, от вас не убудет, если, будучи в Лондоне, вы несколько раз подежурите. По крайней мере не застоитесь.

Теперь Бонд не жалел об этом. Он уже отдежурил больше половины срока, и за все это время не возникло ничего, выходящего за рамки проблем, требующих элементарного здравого смысла. В случае каких-либо затруднений он просто передавал информацию соответствующему подразделению. Ему даже нравилось сидеть в этой тихой комнате, быть в курсе всех секретов и периодически пить кофе с бутербродами, которые ему носила симпатичная буфетчица.

Второй причиной, почему Бонду нравились ночные дежурства, было то, что теперь у него появилось время воплотить в жизнь замысел, который он вынашивал уже больше года, — написать учебник по всем существующим способам самообороны без оружия. Он даже придумал название — «Выжить». В это пособие должно было войти все лучшее, что издавалось по данному вопросу всеми секретными службами мира. Бонд никому не рассказывал о своих замыслах, но втайне рассчитывал на то, что, если его идея осуществится, М. разрешит внести его учебник в официальный список учебных материалов Секретной службы.

Бонд раздобыл оригиналы необходимых ему книг и их переводы. Большинство было изъято у вражеских агентов, некоторые были подарены М. братскими службами — OSS, ЦРУ и Вторым бюро. Сегодня перед Бондом лежал раритет — перевод учебника с кратким названием «Самбо», предназначенного для оперативников советского СМЕРШа.

Прочитав половину второй главы, Бонд отодвинул рукопись, подошел к окну и стал смотреть на улицу. Его мутило от грубого насилия, которым была переполнена книжка. Он испытал приступ

отвращения, подобный тому, какой был у него в аэропорту Майами. Что с ним происходит? Неужели он больше не выдерживает всего этого? Может быть, он расклеился? Или просто выдохся? Бонд некоторое время постоял, глядя на луну, выглядывающую из-за облаков, передернул плечами и вернулся к столу. Он пришел к выводу, что просто перебрал по части физического насилия, вроде психоаналитика, переобщавшегося со своими клиентами, страдающими психическими расстройствами.

Бонд снова перечитал абзац, вызвавший у него такую реакцию: «С пьяной женщиной можно легко справиться, захватив указательным и большим пальцами ее нижнюю губу. Жестко вывернув губу, нужно с силой дернуть, и женщина пойдет туда, куда нужно».

Бонд брезгливо хрюкнул. Омерзительная деликатность — большим и указательным пальцами) Б-р! Бонд закурил и уставился на пульт, стараясь переключить свои мысли на что-нибудь другое, страстно желая, чтобы загорелся какой-нибудь сигнал или зазвонил телефон. Осталось еще пять часов до доклада, который ему предстоит сделать начальнику Штаба или М., если М. явится в такую рань. Что-то беспокоило Бонда, какая-то мысль,

к которой он хотел вернуться, когда будет время. Что это было? Откуда возникла ассоциация? Да, палец, золотой палец, Голдфингер. Он хотел проверить по картотеке, нет ли у них чего-нибудь на этого человека.

Бонд снял трубку зеленого телефона и набрал номер информационного центра.

— Впервые слышу, сэр. Я проверю и позвоню вам.

Бонд положил трубку.

Путешествие было чудесным. Они с Джил съели все бутерброды и выпили шампанское, а затем занялись любовью под мерный перестук колес. Было такое впечатление, что девушка испытывала давно неутоляемый любовный голод. Она еще дважды будила его ночью, требуя ласки, молча, просто касаясь его тела. На следующий день она снова дважды опускала шторы на окнах, брала его за руку и говорила: «Люби меня, Джеймс», — голосом ребенка, просящего конфету.

По словам Джил Мастертон, Голдфингер совершенно равнодушно воспринял свое поражение. Он велел ей передать Бонду, что будет в Англии через неделю и хотел бы сыграть с ним в гольф на поле в Сандвиче. И ничего больше — ни угроз, ни ругани. Еще он сказал, что будет ждать ее с

обратным поездом. Джил собиралась вернуться к Голдфингеру. Бонд пытался отговорить ее, но она сказала, что ничего не боится. Что Голдфингер может ей сделать? А терять хорошую работу не хочется.

Бонд решил отдать ей те десять тысяч, которые Дюпон сунул ему, рассыпаясь в благодарностях. Он заставил ее взять деньги.

— Мне они не нужны, совершенно не представляю, куда их девать. Возьми эти деньги на случай, если придется спешно уезжать. Жаль, что здесь не миллион. Я никогда не забуду эту ночь и этот день.

Бонд посадил ее на поезд, крепко поцеловал и ушел. Это не было любовью, но когда Бонд отъезжал от вокзала, ему вспомнилось изречение: «Есть любовь, как пламя, есть любовь, как ржа. Но самая чистая, святая любовь — это вожделение». Никто из них ни о чем не сожалел. Согрешили ли они? Если да, то в чем их грех? Грех против целомудрия? Бонд усмехнулся. На этот случай тоже имелось изречение, причем святого — святого Августина: «Боже, сделай меня целомудренным! Но не сейчас!»

Зазвонил зеленый телефон.

— Есть три Голдфингера, сэр, но двое уже умер-

ли, а третий — русский связной в Женеве. Владеет парикмахерской. Сует сообщения в правый карман, когда чистит клиента. Без ноги, потерял под Сталинградом. Этот подходит, сэр? На него еще много чего есть.

— Спасибо, нет. Это не тот.

— Мы могли бы пропустить его через информационный центр уголовно-следственной службы, сэр. У вас нет его фотографии?

Бонд вспомнил о сделанном снимке. Он даже не потрудился проявить пленку. Будет гораздо быстрее, если он составит фоторобот.

— Аппарат для составления фотороботов сейчас свободен?

— Да, сэр. Я могу поработать с вами, если хотите, сэр.

— Благодарю. Я сейчас спущусь.

Бонд передал дежурным операторам, где его искать, и спустился на первый этаж в информационный центр.

Ночью в большом здании было удивительно тихо, не считая мягкого ровного гудения работающей аппаратуры и звуков скрытой жизни — тихого треска печатной машинки в одной из комнат, приглушенного голоса радио в другой, шелеста вентиляторов. Было ощущение, что на-

ходишься на борту военного корабля, стоящего на приколе в гавани.

Дежурный уже стоял возле аппарата в проекционном зале.

— Не могли бы вы дать мне описание основных черт, сэр? Это поможет при первоначальном подборе слайдов.

Бонд описал Голдфингера, сел и стал смотреть на экран. Ему потребовалось некоторое время, чтобы воссоздать это необычное лицо, но в конечном счете результат оказался вполне удовлетворительным. Бонд продиктовал ряд комментариев насчет загара, цвета волос, выражения глаз, и дело было сделано.

— Не хотелось бы мне встретиться с ним в темном месте, — хмыкнул дежурный. — Я передам это в уголовно-следственный отдел утром, как только они придут. Ответ будет скорее всего к обеду.

Бонд вернулся к себе на седьмой этаж. В другом полушарии было около полуночи, восточные станции заканчивали работу. Пока Бонд разобрался с поступившими сообщениями и написал отчет за ночь, пробило восемь часов. Он заказал в буфете завтрак и едва успел прикончить его, как зазвонил красный телефон. М.! За каким лешим

его принесло в такую рань?

— Да, сэр.

— Поднимитесь ко мне, ноль ноль семь. Я хочу с вами поговорить, прежде чем вы сдадите дежурство.

— Слушаюсь, сэр.

Бонд положил трубку, натянул пиджак и пригладил волосы рукой. Сообщив операторам, где он будет, взял папку с отчетом и поднялся на лифте на последний, восьмой этаж. Ни желанная мисс Манипенни, ни начальник Штаба еще не пришли. Бонд постучал в дверь кабинета М. и вошел.

— Садитесь, ноль ноль семь.

М., как всегда, был занят набиванием и раскуриванием трубки. Он выглядел свежим и отдохнувшим. Выражение гладкой физиономии морского волка было на зависть живым и бодрым. Бонд остро ощутил жесткую щетину на своем подбородке и помятость собственного лица и костюма. Он сосредоточился.

— Ночь прошла спокойно?

М. раскурил наконец свою трубку. Он смотрел на Бонда тяжелым, ясным взглядом.

— Очень спокойно, сэр. Станция «Эйч»...

М. слегка приподнял левую руку.

— Неважно. Я прочту об этом в отчете. Давайте его сюда.

Бонд протянул папку с грифом «совершенно секретно». М. отложил ее в сторону, улыбнувшись одной из своих редких, скорее всего сардонических улыбок.

— Времена меняются, ноль ноль семь. Я снимаю вас на данном этапе с ночных дежурств.

Ответная улыбка Бонда была слегка натянутой. Он почувствовал, как начинает учащенно биться его сердце, что часто с ним случалось в этом кабинете. М. явно что-то ему приготовил.

— Я только-только начал втягиваться, сэр.

— Бросьте. У вас будет еще достаточно возможностей заняться этим позже. А сейчас что-то назревает. Странное дело. Не совсем по вашей линии, разве что с одной, весьма определенной стороны. — М. отложил трубку. — А может, и ни с какой стороны.

Бонд промолчал, ожидая продолжения.

— Я вчера вечером ужинал с управляющим Английским банком. Всегда узнаешь что-нибудь новенькое, во всяком случае, это было новым для меня. Золото. Контрабанда золота, подделка и все такое. Никогда не думал, что Английский банк может так много знать о всякого рода жуликах.

Видимо, охрана нашей валюты является частью их работы, — М. вскинул брови. — Знаете что-нибудь о золоте?

— Нет, сэр.

— Ну что же, сегодня к вечеру узнаете. На четыре часа у вас назначена встреча с полковником Смизерсом в банке. Вам хватит времени, чтобы отоспаться?

— Да, сэр.

— Хорошо. Этот полковник Смизерс вроде как возглавляет следственный отдел банка. Исходя из того, что мне рассказал управляющий, это в некотором роде шпионская сеть. Должен признаться, я впервые узнал, что у них таковая имеется. Что лишний раз подтверждает, в каких поистине водонепроницаемых отсеках мы все работаем. Короче, Смизерс и его братия следят за событиями в финансовом мире, выискивая всякие нарушения, особенно всевозможные махинации с нашей валютой, золотым запасом и так далее. В свое время именно они занимались той историей с итальянцами, которые изготавливали поддельные соверены, причем делали их из настоящего золота с должным количеством карат и все такое прочее. Но, оказывается, соверен или наполеондор стоят значительно больше, чем

равное им количество золота в расплавленном виде. Не спрашивайте, почему. Вам Смизерс это объяснит, если интересно.

В общем, банк натравил на эту публику целую армию юристов. С технической точки зрения это не является уголовным преступлением. Потерпев поражения в итальянских судах, мы все-таки сумели прищучить их в Швейцарии. Вы, я думаю, об этом читали. Затем дело, связанное с курсом доллара в Бейруте. В газетах было много шума в связи с этим. Я, собственно, не понял, в чем там загвоздка. Мы что-то там сделали, чтобы защитить нашу валюту, а шустрые мальчики из Сити раскрутили это дело. Короче, такими вот вещами и занимается Смизерс. А ко мне управляющий обратился вот почему: оказывается, в течение ряда лет из Англии уплывает много золота, и Смизерс никак не может найти концы. Только дедукция и нюх. Смизерс говорит, что уцепиться особенно не за что, но ему все же удалось уговорить управляющего обратиться к нам.

М. помолчал, затем насмешливо глянул на Бонда.

— Никогда не задумывались о том, кто самые богатые люди в Англии?

— Нет, сэр.

— Угадайте. Сформулируйте иначе: назовите самых богатых англичан.

Бонд порылся в памяти. Богатых людей было много, вернее, это были люди, кого газеты изображали таковыми. Но у кого из них действительно круглые суммы на счетах? Однако нужно было что-то сказать, и он нерешительно произнес:

— Ну, Сэссон, затем этот — судовладелец, судостроитель — Эллерман. Говорят, лорд Кодрэй очень богат, потом банкиры — Ротшильды, Баринги, Хамбросы. Был Уильямсон, торговец алмазами, Оппенгеймер в Южной Африке. Некоторые герцоги владеют кучей денег...

Бонд замолк.

— Неплохо, совсем неплохо. Но вы упустили главного в колоде. Человека, о котором я никогда слыхом не слыхивал, пока его не назвал управляющий. Он — самый богатый из всех, его зовут Голдфингер, Аурик Голдфингер.

Бонд не сдержался и громко захохотал.

— В чем дело? — изумился М. — Что в этом смешного, черт подери?

— Прошу прощения, сэр, — Бонд с трудом успокоился. — Дело в том, что этой ночью я составлял его фоторобот. — Он посмотрел на часы и сдавленным голосом продолжил: — В данный момент

этот фоторобот пошел в информационный центр уголовно-следственного отдела, чтобы выяснить, нет ли у них чего-нибудь на него.

— Черт побери! — рассвирепел М. — Перестаньте вести себя как мальчишка и объясните толком!

— Дело было так, сэр...

И Бонд подробно поведал всю историю, не упустив ни малейшей детали.

М. просветлел. Внимательнейшим образом выслушав Бонда, он откинулся на спинку стула, заложив руки за голову, и несколько минут смотрел в потолок.

Бонд чувствовал, что им снова овладевает безудержное веселье. Интересно, что пришлют из уголовки? Слова М. вернули его к действительности.

— Кстати, а что вы сделали с десятью тысячами?

— Я отдал их девушке, сэр.

— Неужели? А почему не Белому кресту?

Фонд Белого креста был создан для оказания помощи семьям работников Секретной службы, погибших при исполнении служебных обязанностей.

— Виноват, сэр.

Бонд не был готов к этому вопросу.

— Хм!

М. всегда отрицательно относился к женолюбию Бонда. Это травмировало его викторианскую душу, однако на сей раз он решил не развивать тему.

— Хорошо, ноль ноль семь, пока все. Остальное узнаете днем. Забавно получилось с этим Голдфингером. Странный малый. Я видел его пару раз в «Блейдс», он играет там в бридж, когда бывает в Англии. И это тот самый парень, чьей крови жаждет Английский банк. — М. помолчал и, ехидно глянув на Бонда, добавил: — А теперь и вы тоже.

6. Лекция о золоте

Бонд поднялся по ступенькам, вошел через красивые двери в большой холл Английского банка и огляделся по сторонам. Под ногами лежала золотистая мозаика работы Бориса Анрепа, на двадцатифутовых арочных окнах росли зеленая травка и герань, слева и справа все было выложено полированным хонтонвудским камнем, а над всем этим витал запах огромных денег.

Один из атлетически сложенных служащих, одетых в розовые фраки, подошел к нему:

— Что вам угодно, сэр?

— Я к полковнику Смизерсу.

— Вы коммандер [звание в ВМС Великобритании, примерно соответствующее капитану третьего ранга] Бонд? Сюда, пожалуйста.

Служащий повернул вправо между колоннами. Бронзовые двери скрытого за колоннадой лифта были открыты. Они поднялись на первый этаж и пошли по длинному коридору, застланному толстым бежевым ковром. Дубовые двери намного больше и элегантней обычных. Служащий постучал в последнюю из них.

За столом сидела женщина, выглядевшая так, как будто она только что приняла стакан двойного виски. Стенки были заставлены стеллажами из серого металла. Женщина что-то писала. Увидев вошедших, она улыбнулась несколько заговорщицкой улыбкой, взяла трубку и набрала номер.

— Пришел коммандер Бонд, — затем положила трубку и встала. — Прошу сюда.

Она пересекла комнату и открыла дверь, скрытую за зеленой занавесью, пропустив Бонда.

Полковник Смизерс поднялся из-за стола и серьезно произнес:

— Хорошо, что вы пришли. Присаживайтесь, пожалуйста.

Бонд сел.

— Курите?

Полковник Смизерс придвинул серебряную коробку с сигарами, сел сам и стал набивать трубку. Бонд достал сигареты и закурил.

Полковник Смизерс выглядел именно так, как должен выглядеть человек, которого зовут полковник Смизерс. Он явно был полковником, причем штабным. У него было гладкое лицо с серьезным от природы выражением, лицо, весьма соответствующее его имени. Однако очки в роговой оправе придавали ему вид умного, еще не

очень разжиревшего королевского придворного.

Бонд физически ощущал скуку, царящую в этой комнате. Он подбадривающе произнес:

— Говорят, вы можете рассказать мне все о золоте.

— Я получил указания от управляющего и, насколько я понимаю, не должен ничего от вас утаивать. Конечно, вы мистер Бонд, — полковник болезненно дернулся, — что золото привлекает самых крупных, самых хитроумных преступников. И их трудно, просто чрезвычайно трудно поймать.

— Может быть, это временное явление? Почему этот золотой дефицит должен быть продолжительным? По-моему, в Африке добывают много золота. Разве этого недостаточно? Разве это не самый обыкновенный черный рынок, который исчезает, как только исчезает дефицит? Помните, как это было с пенициллином после войны?

— Боюсь, вы не совсем правы, мистер Бонд. Все не так просто. Население Земли постоянно увеличивается на пять тысяч четыреста человек в час. Небольшой процент от этого количества становится золотодержателями, это люди, которые не доверяют деньгам, любят закапывать соверены в своем саду или хранить под крова-

тью. Еще небольшой процент нуждается в золоте для зубопротезирования, другие предпочитают драгоценности в золотой оправе, обручальные кольца. Этими людьми ежегодно изымаются из обращения тонны золота. Новые виды промышленности также нуждаются в золоте — провода, платы, амальгама. Золото обладает уникальными свойствами, которым находят все новое и новое применение. Это блестящий, ковкий, пластичный и самый плотный из известных металлов, за исключением платины. Возможности для его применения бесконечны. Но у него есть два недостатка: золото недостаточно прочно, оно быстро стирается, оставаясь в подкладке наших карманов, складках кожи. Каждый год за счет этого мировой запас золота незаметно убывает. Я сказал, что у золота два недостатка, — взгляд полковника Смизерса стал печальным. — Второй, и значительно более серьезный его недостаток — это то, что золото является, пожалуй, единственным лекарством против страха. Страх, мистер Бонд, изымает его из обращения и припрятывает на черный день. Я бы сказал, что весьма существенная часть золота, добываемого в одном уголке земли, тут же закапывается обратно в землю в другом.

Красноречие Смизерса вызвало у Бонда улыбку. Этот человек жил золотом, думал о золоте, видел золото во сне. Ну что ж, это весьма достойный внимания объект, и Бонд решил, что он вполне может присоединиться к коллективу его почитателей. В свое время, когда ему пришлось заниматься делом о бриллиантах. Бонд в первую очередь занимался изучением мифов и легенд об этом кристалле, дабы понять, в чем заключалась его привлекательность.

— Что еще мне необходимо знать, прежде чем мы перейдем непосредственно к волнующей нас проблеме? — поинтересовался Бонд.

— Вам не надоело? Ну раз так, продолжим. Вы сказали, что добыча золота на сегодняшний день настолько велика, что его должно хватить всем желающим? К сожалению, это не так. На самом деле мировые запасы золота практически выбраны. Вы, конечно, можете подумать, что на планете еще найдется достаточно мест, где можно найти золото. И ошибетесь. Сейчас фактически неизученными остались только морское дно и воды морей и океанов, которые содержат большое количество золота. Люди выскребали золото из земли на протяжении тысячелетий. Древний Египет, Микены, Монтесума, инки владели ко-

лоссальными золотыми сокровищами. Крез и Мидас очистили от золота Ближний Восток, европейцы выработали все золото своего континента — в долинах Рейна и По, в Малаге и на равнинах Гранады. Опустошены Кипр и Балканы. Золотая лихорадка охватила Индию. Муравьи, таскающие из-под земли крупицы золота, вывели индусов на россыпи. Древние римляне очистили месторождения Уэльса, Девона и Корнуолла, в средние века люди добрались до залежей в Мексике и Перу. Затем открыли Золотой берег в Африке, и пришел черед Америки. Знаменитые золотые лихорадки на Юконе ознаменовали конец первого современного века золота. После этого пришла очередь Австралии, а месторождения на Лене превратили Россию в крупнейшего золото-производителя XIX столетия. Затем наступил второй современный век золота — открыли Витватерсранд. Этому способствовал новый метод получения золота при помощи цианидов, заменивших ртуть. Мы с вами сейчас живем в период третьего века золота, начавшегося с открытия приисков в Оранжевой провинции, — полковник Смизерс взмахнул руками. — Золото теперь просто прет из земли! Производительность Клондайка и других северных месторождений, изумившая в свое время

весь мир, составляет теперь всего лишь двух-трехлетнюю производительность африканских месторождений! Для наглядности поясню, что за период с 1500 по 1900 год вся мировая добыча золота составила приблизительно восемнадцать тысяч тонн, а с 1900 года по настоящий день мы уже добыли сорок одну тысячу тонн! С такими темпами, мистер Бонд, — полковник наклонился вперед, — только, пожалуйста, нигде не ссылайтесь на меня, я не удивлюсь, если в ближайшие пятьдесят лет мы полностью исчерпаем все золото Земли!

Бонд, слегка ошарашенный этим потоком информации, сделал такую же серьезную и озабоченную мину, как у полковника.

— То, что вы рассказали, действительно впечатляет. А может, дела не так уж и плохи, как вам кажется? Ведется же морская добыча нефти. Может, найдут и способ морской добычи золота? Давайте перейдем к контрабанде.

Зазвонил телефон. Полковник Смизерс нетерпеливо схватил трубку.

— Смизерс слушает.

По мере того как он слушал, на лице его все явственней проступало раздражение.

— Я уверен, что передал вам все сведения о

летних соревнованиях, мисс Филби. Следующий матч состоится в субботу с Дискаунт-хаузом... — он выслушал, что ему говорили на другом конце провода. — Что ж, если миссис Флейк не хочет стоять в воротах, ей придется сидеть на скамейке запасных. Это единственное вакантное место в команде, которое мы можем ей предоставить. Не могут же все играть в нападении... Да, сделайте, пожалуйста... Скажите, что я буду ей очень обязан, если она согласится сыграть разок, передайте, я уверен в том, что она прекрасно с этим справится, что она именно тот человек, который нам нужен и все такое. Спасибо, мисс Филби.

Полковник Смизерс достал платок и вытер лоб.

— Извините. Похоже, в этом банке спорт и доходы становятся чем-то вроде фетиша. Мне на шею повесили женскую футбольную команду. Можно подумать, мне мало хлопот с предстоящими ежегодными спортивными играми. Однако, — полковник махнул рукой, как бы отмахиваясь от всех внешних раздражителей, — как вы сказали, пора перейти к проблемам контрабанды. Для начала возьмем только Великобританию и зону стерлинга. Это уже очень много. В нашем банке работают три тысячи сотрудников, мистер Бонд, из них не менее тысячи в отделе валютного

регулирования, а из этой тысячи, как минимум, половина, включая и мое небольшое подразделение, занимается валютными махинациями, контрабандой и нарушениями валютного регулирования.

— Это много. — Бонд сравнивал с Секретной службой, весь штат которой составлял две тысячи человек. — Не могли бы вы привести пример контрабандной операции? С золотом, я имею в виду. Никак не могу понять, в чем заключаются эти махинации.

— Хорошо. Представьте, что у вас в кармане лежит золотой слиток размером с две пачки сигарет «Плейере» весом около пяти фунтов с четвертью. Пока неважно, откуда он у вас: украли ли вы его или получили по наследству. Закон гласит, что вы должны продать слиток Английскому банку по цене двенадцать фунтов десять шиллингов за унцию, то есть стоимость его около тысячи фунтов. Но вас обуревает жадность. У вас есть друг, который едет в Индию, или у вас приятельские отношения с летчиком или стюардессой, летающими на Восток. Все, что от вас требуется, это распилить слиток на три пластины, а умельца, который это сделает, вы найдете быстро, зашить эти пластины размером меньше игральных карт

в хлопчатобумажный пояс и заплатить вашему приятелю комиссионные за то, что он его на себя наденет. Вы можете совершенно спокойно выложить за это сотню — расходы окупятся. Ваш приятель летит в Бомбей и спокойненько идет к первому же торговцу драгоценными металлами на ближайшем базаре. Тот выкладывает за ваш пятифунтовый брусок тысячу семьсот фунтов, и вы становитесь гораздо богаче, чем если бы вы пошли официальным путем. Замечу, — Смизерс взмахнул трубкой, — это только семидесятипроцентная прибыль. Сразу после войны вы могли получить триста процентов. Стоило вам проделать с полдюжины этих маленьких операций, и вы сейчас могли бы спокойно уходить в отставку.

— Почему в Индии такие высокие цены?

На самом деле Бонда это не интересовало, но он подумал, что М. может об этом спросить.

— Длинная история. Если вкратце, то в Индии нехватка золота значительно острее, чем где бы то ни было, особенно в торговле ювелирными изделиями.

— И каков же объем подобных операций?

— Колоссальный. Чтобы вы получили некоторое представление, скажу лишь, что только за

1955 год индийская секретная служба и таможня задержали сорок три тысячи унций золота, и я сильно сомневаюсь, что это составляет хотя бы один процент от общего объема. Золото стекается в Индию со всего света. Сейчас изобрели новый способ доставки: пролетая на самолете из Макао, сбрасывают в условленном месте на парашюте тонну золота за рейс. Вроде того, как мы снабжали участников Сопротивления в войну.

— Ясно. А где еще можно получить хороший навар с моего слитка?

— Небольшой навар вы можете получить во многих странах, в Швейцарии например. Но игра не стоит свеч. Основной рынок — Индия.

— Ладно, — сказал Бонд. — Кажется, я понял. Теперь выкладывайте конкретно, в чем дело.

Он поудобнее расположился на стуле и закурил. Ему не терпелось услышать о мистере Аурике Голдфингере.

Глаза полковника Смизерса снова стали внимательными и острыми.

— Есть человек, приехавший в Англию в 1937 году. Он беженец из Риги, зовут Аурик Голдфингер. Когда он приехал, ему было только двадцать лет, но, видимо, он был очень умен, если сумел почувствовать, что русские очень скоро снова

придут в Латвию. Он был ювелиром и золотых дел мастером, как его отец и дед, работавший у Фаберже. У него была небольшая сумма денег и, по всей видимости, тот самый пояс с золотом, о котором я упоминал. Украденный у отца, я думаю. Вскоре он получил гражданство. Он был совершенно безобидным малым с хорошей специальностью, поэтому легко получил необходимые бумаги. А потом он стал потихоньку скупать небольшие ломбарды по всей стране. Везде ставил своих людей, платил им хорошие деньги и менял названия на «Голдфингер». Затем начал продавать дешевые драгоценности и скупать старое золото. Голдфингер процветал. Он всегда выбирал самые выгодные места между богатыми и средними кварталами, никогда не прикасался к краденому и везде был в хороших отношениях с полицией. Живя постоянно в Лондоне, он раз в месяц объезжал все свои точки и изымал старое золото. Драгоценные камни его не интересовали, и он позволял своим управляющим делать с ними все, что им заблагорассудится.

Полковник хитро посмотрел на Бонда.

— Может показаться, что все эти медальоны, кресты и прочее золото составляют, в общем-то, мизер. В принципе, конечно, так оно и есть, но

если вы владеете двумя Десятками таких заведений, каждое из которых еженедельно приносят с полдюжины подобных вещичек, то получается вполне приличное количество. Потом началась война, и Голдфингеру, как и всем ювелирам, пришлось декларировать свой золотой запас. Я посмотрел по нашим досье, в общей сложности у него было пятьдесят унций, этого еле-еле хватало, чтобы снабжать его магазинчики обручальными кольцами и прочей мелочишкой. Естественно, ему это оставили. Он убрался в Уэльс — подальше от бомбардировок, но оставил функционировать столько магазинчиков, сколько смог. Должно быть, он неплохо поживился за счет «джи-ай», которые предпочитают передвигаться с золотыми в кармане. После войны Голдфингер снова выполз на свет божий, купил себе весьма претенциозный особняк в Рикалвере, что в устье Темзы, траулер и «Серебряную тень» — «роллс-ройс», бронированный лимузин, сделанный для какого-то южноамериканского президента, которого укокошили раньше, чем тот его получил. Он основал небольшое предприятие рядом со своей резиденцией, нанял немецкого металлурга из военнопленных, не пожелавшего вернуться на родину, и полдюжины корейцев, подобранных

в Ливерпуле. Эти последние не говорят ни слова ни на одном цивилизованном языке, поэтому абсолютно безо-опасны для него. Все, что нам известно о его дальнейшей деятельности, это то, что в течение десяти лет он раз в год отправлялся на своем траулере в Индию и несколько раз в год на машине в Швейцарию. Голдфингер основал недалеко от Женевы филиал своей фирмы, лавочки его продолжают работать, все золото он по-прежнему собирает сам, используя одного из своих корейцев как шофера. Может быть, мистер Голдфингер и не самый честный человек на Земле, но он ведет себя абсолютно корректно и дружит с полицией, а учитывая общую сложную обстановку в стране, до недавнего времени никто не обращал на него внимания.

Полковник прервал свое повествование и виновато посмотрел на Бонда.

— Я вас не очень утомил? Просто хотел дать вам наиболее точный портрет этого человека — спокойного, осторожного, законопослушного и целеустремленного. Мы слыхом о нем не слыхивали, пока его не постигла маленькая неудачка. Летом 1954 года его траулер при возвращении из Индии потерпел крушение, и он продал его Доверской спасательной компании. Когда те

начали разбирать судно, то нашли в трюме какую-то коричневую пыль, происхождение которой не смогли определить. Они отправили образец местному химику, и представьте их удивление, когда тот сказал, что это золото. Я не буду морочить вам голову всякими формулами, просто, видите ли, золото можно растворить в смеси кислот, а потом восстановить при помощи сернистого ангидрида или щавельной кислоты в виде коричневого порошка, который, в свою очередь, трансформируется в обычное золото при нагревании до тысячи градусов. Нужно быть поосторожней с хлорными испарениями, а так это несложный процесс. Один из сотрудников компании сообщил об этом таможне, а их рапорт, в свою очередь, пройдя через полицию и уголовный отдел, лег мне на стол вместе с копиями всех таможенных декларации Голдфингера. В них этот порошок был обозначен как минеральная основа для удобрений, вполне возможная вещь, поскольку в современных удобрениях в малых дозах присутствует чуть ли не вся таблица Менделеева. Все сразу встало на свои места. Голдфингер превращал свое золото в порошок и переправлял его в Индию под видом удобрений. Но можно ли схватить его за руку? Нельзя! Я изучил его

балансовые счета и налоги — у него двести тысяч фунтов, подоходный налог и налог с прибыли аккуратнейшим образом выплачивается, то есть обыкновенный процветающий ювелир. Мы направили двух сотрудников отдела по борьбе с валютными махинациями на его предприятие в Рикалвере: «Простите, сэр, инспекция министерства труда, отдел мелких предприятий. Мы должны проверить соблюдение правил техники безопасности». — «Пожалуйста, пожалуйста!» Голдфингер встретил их весьма любезно. Возможно, его предупредил кто-то из банка, а может, кто-нибудь еще, но предприятие занималось исключительно разработкой дешевых примесей для ювелирных изделий. Конечно, там имелись следы золота, были плавильные печи, способные поднимать температуру до двух тысяч градусов, и так далее, но в конце концов Голдфингер был ювелиром и владельцем плавильни, и все это вполне в рамках его деятельности. Поэтому ребята удалились ни с чем, а наши юристы сочли, что наличия этого золотого порошка в траулере недостаточно для возбуждения дела. И это все, за исключением того, — полковник Смизерс медленно выбил трубку, — что я дело не закрыл и начал собирать информацию во всем банков-

ском мире.

Он замолчал. За окном шумела улица. Бонд тихонько глянул на часы. Было уже пять. Полковник Смизерс поднялся со стула, положил руки на стол и наклонился вперед.

— У меня, мистер Бонд, ушло пять лет на выяснение того обстоятельства, что мистер Голдфингер является самым богатым человеком в Великобритании. В Цюрихе, Нассау, Панаме, Нью-Йорке у него в банках лежат золотые слитки на двадцать миллионов фунтов стерлингов, и эти слитки, мистер Бонд, отлиты не на Монетном дворе. На них нет никаких опознавательных знаков. Эти слитки мистер Голдфингер изготовил сам. Я был в Нассау и видел их — слитки на пять миллионов, которые он там держит в Королевском банке Канады. Как ни странно, но, видимо, как все художники, он не смог отказать себе в удовольствии оставить автограф на своей работе. Чтобы его увидеть, нужен микроскоп, но на всех голдфингеровских слитках стоит микроскопическая буква "Z". И все это золото, во всяком случае его львиная доля, принадлежит Англии. Банк не в силах что бы то ни было сделать, поэтому мы просим вас, мистер Бонд, помочь посадить Голдфингера за решетку и вернуть это золото

Британии. Вам ведь известно о кризисе и высоком банковском проценте? Конечно, известно. Короче, мистер Бонд, Великобритании необходимо это золото, и чем быстрее, тем лучше.

7. Путевые размышления

Бонду было приказано доложить начальству в шесть, что он и сделал. К этому времени М. уже не выглядел розовым и свеженьким. Сев на стул напротив М., Бонд заметил, какие усилия тот приложил, чтобы на время отодвинуть навалившиеся на него за день проблемы и включиться снова в бондовское дело. М. уселся поудобней и потянулся за трубкой.

— Ну?

Бонду была хорошо знакома псевдоагрессивность этого рявканья, поэтому он уложился в пять минут, доложив только основное. Когда он закончил, М. задумчиво произнес:

— Допустим, нам придется этим заняться. Лично я ничего не понимаю во всех этих фунтах, банковских курсах и всем прочем, но, кажется, всех это весьма заботит. Я всю жизнь полагал, что сила фунта зависит от того, насколько все мы хорошо работаем, а не от количества имеющегося у нас золота. У немцев после войны золота было немного, а посмотри, чего они достигли за десять лет! Как бы то ни было, это, видимо, очень

простой ответ для политиков или, что вероятней, очень сложный. Ладно, ну а по поводу этого малого, Голдфингера, есть какие-нибудь идеи? Как к нему подобраться? Предложить ему обстряпать для него какое-нибудь грязное дельце или что-то в этом роде?

— Я бы не стал собирать о нем сведения, просить его о работе и все такое, сэр. Мне кажется, этот человек уважает только тех, кто жестче и умней его самого. Один раз я переиграл его, и единственной его реакцией было предложение сыграть со мной как-нибудь при случае партию в гольф. Возможно, именно это и следует сделать?

— Чудесное времяпрепровождение для одного из лучших моих людей, — с едким сарказмом произнес М. — Ладно. Валяйте. Но если то, что вы сказали, верно, вам необходимо во что бы то ни стало обыграть его снова. Легенда у вас какая-нибудь есть?

— Я об этом не думал, — пожал плечами Бонд. — Может быть, так: мне надоело в «Юниверсал экспорт» — бесперспективно. Сейчас я в отпуске, подыскиваю более подходящий вариант. Подумываю об эмиграции в Канаду — в Англии надоело. Что-нибудь в этом роде. А может, буду действовать в зависимости от расклада. Мне

думается, это не тот человек, которого можно легко обмануть.

— Хорошо. Докладывайте по мере развития событий. И не думайте, что меня это дело не интересует, — интонация М. изменилась, как и выражение глаз. Они стали жесткими и требовательными. — Теперь я сообщу вам кое-какие сведения, которыми не располагает банк. Случилось так, что мне тоже известно, как выглядят слитки мистера Голдфингера. Не далее как сегодня я держал один такой в руках — с выцарапанной "Z" и все такое. Мы получили его в результате проведенной на той же неделе операции, когда «возник» пожар в офисе директора «Редланд резиденс» в Танжере. Это двадцатый по счету подобный слиток, который нам попадается со времен войны.

— Но этот танжерский слиток изъят из сейфа СМЕРШа, — прервал Бонд.

— Вот именно. Я потом проверил — все остальные слитки также были изъяты у сотрудников СМЕРШа.

М. помолчал, потом добавил:

— Знаете, ноль ноль семь, я не очень удивлюсь, если вдруг выяснится, что мистер Голдфингер является зарубежным банкиром, так сказать,

казначеем СМЕРШа.

* * *

Бонд мчался по трассе на своем «астон-мартине DB-III», он поехал в объезд, чтобы избежать вечной пробки в Рочестере. Выскочив на свободное пространство. Бонд снизил скорость, взял с сиденья большую металлическую коробку с сигаретами «Морланд», достал одну и закурил. Он специально выбрал этот путь, чтобы взглянуть поближе на рикалверские владения Голдфингера на Темзе.

Машина была из гаража Секретной службы. Ему предложили на выбор эту или «ягуар». Он предпочел DB-III. В принципе, любая из этих машин отвечала его легенде и соответствовала избранному им образу достаточно обеспеченного молодого человека несколько авантюрного склада, любящего красиво пожить. Но у DB-III были определенные преимущества: выигрышный серо-стальной цвет и кое-какие дополнительные устройства, которые могли пригодиться, например тумблеры, меняющие тип и цвет задних и передних фар на случай, если ему придется кого-нибудь преследовать в ночи или кто-нибудь будет преследовать его; усиленные стальные

бамперы, задний и передний; длинноствольный «кольт» сорок пятого калибра под водительским сиденьем; замаскированный под радиоприемник специальный аппарат для слежения, именуемый «Гомером», и множество тайников, которые вряд ли обнаружили бы даже самые дотошные таможенники.

Теперь следовало обдумать версию, выдвинутую М. Она была вполне логичной. Русские славились своими вечными проблемами с выплатой денег сотрудникам. Их резидентам вечно не хватало средств, и люди жаловались Москве, что не могут даже поесть нормально. Возможно, СМЕРШ не мог выбить денег у МГБ, а может быть, МГБ не могло вытрясти валюту у Минфина, но это была вечная история — бесконечные денежные проблемы, результатом которых были упущенные возможности, нарушенные обязательства и опасно длинные радиопереговоры. Поэтому было бы вполне логично иметь за границей своего банкира, который бы поставлял валюту не только Центру, но и получал достаточную прибыль, чтобы обеспечивать загрансеть СМЕРШа без помощи Москвы. И не только это. Голдфингер к тому же наносил значительный ущерб валютно-финансовой системе вражеской державы.

Если все действительно так, то это абсолютно в духе СМЕРШа — великолепно разработанный план, безошибочно осуществляемый выдающимся человеком. И этим, думал Бонд, мчась по серпантину дороги в Чатем, вполне можно было объяснить стремление Голдфингера иметь все больше и больше денег. Верность долгу. СМЕРШу, возможно, желание получить орден Ленина были вполне достаточными побудительными мотивами для получения дополнительных десяти — двадцати тысяч долларов при благоприятных условиях. Голдфингер делал деньги не для себя, он делал их, чтобы завоевать мир! Риск быть пойманным за руку, как в случае с Дюпоном, ничего не значил. Почему? А чем, собственно, грозило ему привлечение его к суду Английским банком, если, допустим, провалится одна из его контрабандных операций? Двумя годами? Тремя?

Бонд снова прибавил скорость, продолжая следовать своим мыслям.

Значит, в 1937 году юный Голдфингер был заслан СМЕРШем в Англию с потайным поясом, набитым золотом. Он, видимо, проявил свои незаурядные способности в период обучения в специальной школе в Ленинграде. Вероятно, ему было сказано, что скоро начнется война, ему

нужно закрепиться и начать спокойно аккумулировать средства. Голдфингер не должен был ни при каких обстоятельствах пачкать руки, встречаться с агентами, передавать сообщения. Видимо, какие-то условные знаки были оговорены: объявления в газетах, рекламные объявления и т.д., например: «Продается подержанный „бентли“. Цена 5000 фунтов стерлингов» или тысяча, или две, и Голдфингер в условном месте оставлял слитки на одну, две, пять тысяч. Определенный мост, дерево, камень в какой-нибудь речушке в любой точке на территории Великобритании. И он никогда не возвращался вновь к использованному «почтовому ящику». Изъятие оттуда сокровищ было уже заботой Центра. Позже, после войны, когда Голдфингер стал процветающим бизнесменом, значительной фигурой, мосты и деревья перестали служить «почтовыми ящиками». Теперь ему назначали даты и называли номера камер хранения на вокзалах. Но по-прежнему действовал приказ, запрещающий Голдфингеру возвращаться и подвергать себя риску. Возможно, он раз в год получал инструкции, во время случайной встречи в парке, в письме, сунутом в карман во время путешествия на поезде. Но всегда фигурировали золотые слитки, одинако-

вые, безликие, происхождение которых было невозможно установить, если не считать микроскопической буковки "Z", которой он тщеславно метил свои изделия и которую унылый бульдог, именуемый полковником Смизерсом из Английского банка, случайно обнаружил.

Бонд ехал теперь между бесконечными фруктовыми садами Фавершема. Сквозь смог пробилось солнце, слева вдалеке сверкала Темза, по которой шли танкеры, торговые суда, допотопные голландские баржи. Бонд свернул с Кентерберийского шоссе налево, поехал по дороге, идущей через мир бунгало — страну вечных каникул — Уитстабл, Херн-Бей, Бирчингтон, Маргейт. Он сбавил скорость до пятидесяти миль в час, сосредоточился, собирая мысли в единое целое, подобно тому, как два дня назад он собирал ночью фоторобот Голдфингера. Вливая ежегодно миллион, два в глотку СМЕРШа, продолжал размышлять Бонд, Голдфингер готовил запасы, трудился, откладывая полученную прибыль до той поры, когда в Кремле зазвучат фанфары и все золото пойдет в дело. И никто не подозревал, что Голдфингер — ювелир, металлург, обитатель Рикалвера и Нассау, уважаемый член клубов «Блейдс», «Ройал Сент-Марк» в Сандвиче — был

одним из величайших заговорщиков всех времен и народов, что он финансировал по всему миру агентуру СМЕРШа («Смерть шпионам») — аппарата смерти Высшего Совета. Только М. догадывался о том, что из себя представляет Голдфингер, и только Бонд об этом знал. И вот он. Бонд, волею случая и стечения обстоятельств, начавшихся с поломки самолета в другой части света, противостоит этому человеку. Бонд мрачно хмыкнул. Как часто в его профессии тоненькая ниточка совпадений вырастала в огромную паутину, закрывающую небо. И теперь ему снова предстояло очистить это небо. Интересно, чем? Сумкой с клюшками для гольфа?

Впереди появился небесно-голубой «форд» с желтыми крыльями. Бонд механически нажал на клаксон, дал два коротких вежливых гудка. Реакции не последовало. «Форд» продолжал ползти на скорости 40 миль в час. Кому может прийти в голову ехать быстрее, чем на этой вполне респектабельной скорости? И «форд» продолжал спокойно закрывать дорогу. Бонд сделал рывок, надеясь заставить водителя «форда» посторониться, однако в результате ему пришлось резко тормозить, поскольку реакции опять не последовало. Черт бы его побрал! Ну, конечно! Очередной

«чайник», весь напрягшийся, судорожно вцепившийся в руль, да еще и в котелке! Ладно, подумал Бонд, шут с ним! Он притормозил и обогнал «форд» справа. Дурак чертов!

Проехав еще пяток миль. Бонд оказался в Херн-Бей, Мэкстоун остался правее. Над головой пролетели три самолета «Супер сейбрз» и исчезли за горизонтом, как бы нырнув вниз. Бонд слышал, как взревели при посадке двигатели и замолчали после приземления. Он доехал до развилки. Левый дорожный знак указывал на Рикалвер. Бонд притормозил, но останавливаться не стал: нечего здесь лишний раз мелькать. Он двинулся дальше, внимательно глядя по сторонам. Береговая линия была слишком открытой, чтобы можно было здесь что-либо сделать с траулером, кроме как держать его тут на приколе. Вероятно, для загрузки Голдфингер использовал Рамсгейт, тихий маленький порт, где таможенники и полицейские были по преимуществу озабочены поисками бренди, вывозимого из Франции. Между дорогой и берегом шла густая полоса деревьев, виднелись крыши и фабричная труба средней величины, из которой тянулась тоненькая струйка дыма или пара. Должно быть, это было именно то, что он искал. Скоро появились ворота, перекрывающие

длинную дорогу. На них висела табличка «Тэнет Аллойз» и внизу «Вход воспрещен, кроме деловых визитов». Все выглядело вполне респектабельно. Бонд медленно ехал дальше. Больше смотреть было не на что, ион свернул вправо к Рамсгейту.

Наступил полдень. Бонд изучил свой двухместный номер с ванной комнатой на последнем этаже отеля «Ченнел пакет», разобрал багаж и спустился в бар. Там он выпил водки с тоником, съел пару великолепных сандвичей с ветчиной и большим количеством горчицы, сел в машину и неторопливо двинулся в клуб «Ройал Сент-Марк».

Бонд со своими клюшками прошел прямо в служебные помещения и увидел там Альфреда Блэкинга, приделывающего к тележке новое колесо.

— Привет, Альфред!

Тот резко поднял голову, и его загорелое лицо расцвело в широкой улыбке:

— Никак мистер Джеймс!

Они обменялись рукопожатиями.

— Прошло ведь лет пятнадцать — двадцать, нет? Что привело вас сюда снова, сэр? Только недавно мне кто-то говорил, что вы занимаетесь дипломатической работой или что-то в этом роде.

Все время за границей. Я очень рад! По-прежнему настильный замах, сэр?

Альфред Блэкинг изобразил ровный настильный удар клюшкой.

— Боюсь, что да, Альфред. Так и не нашлось времени заняться этим. Как поживают миссис Блэкинг и Сэсил?

— Не могу пожаловаться, сэр. Сэсил участвовал в прошлогоднем чемпионате в Кенте. Я надеюсь, что в этом году он выиграет, если, конечно, будет побольше времени проводить на площадке.

Бонд прислонил сумку с клюшками к стене. Было приятно снова оказаться здесь. С тех давних пор в клубе ничего не изменилось. Будучи подростком, он целые дни проводил на этой площадке. Блэкинг всегда говорил: «Немного практики, мистер Джеймс, и вы станете великим игроком. Правда, станете. Только вам необходимо избавиться от этого настильного замаха и побороть желание загнать мяч подальше с глаз, когда в этом нет необходимости. Год-два, и я сделаю из вас чемпиона». Но что-то подсказывало Бонду, что ему в жизни не придется много играть в гольф. Да, со времени его последней игры на этом поле прошло около двадцати лет. Он никогда не заезжал сюда, даже когда был занят делом под

кодовым названием «Лунный гребень» в Кингсдауне, что в десяти милях отсюда. Возможно, это просто сентиментальные чувства. После «Сент-Марка» Бонд достаточно часто играл в гольф по выходным, когда был в штаб-квартире, но всегда неподалеку от Лондона — в Хантеркоме, Суинли, Саннингдэйле, Беркшире. Его гандикап поднялся до девяти, но это была настоящая девятка.

— Как насчет игры, Альфред?

Блэкинг посмотрел на автостоянку за окном и покачал головой:

— Боюсь, что вряд ли, сэр. В это время года в середине недели мало кто приезжает.

— А с тобой?

— Извините, сэр, но я занят. Должен играть с членом клуба. Я с ним играю ежедневно в два часа. А Сэсил уехал на другую площадку потренироваться перед чемпионатом. Какая жалость! Ну надо же такому случиться! Сколько вы здесь пробудете, сэр?

— Недолго. Ладно, неважно. Я погоняю мяч с кэдди. А с кем ты играешь? — С мистером Голдфингером, сэр.

Альфред выглядел удрученным.

— Голдфингер? Я с ним знаком. Мы с ним встречались в Штатах.

— Правда, сэр? — Альфред явно не мог поверить, что кто-то может быть знаком с Голдфингером. Он внимательно смотрел на Бонда, ожидал продолжения.

— Он хорошо играет?

— Так себе, сэр, где-то на уровне девятки.

— Он, должно быть, весьма серьезно к этому относится, раз играет с тобой каждый день.

— В общем, да, сэр.

На лице Блэкинга появилось хорошо знакомое Бонду выражение, означавшее, что профессионал не очень лестного мнения о каком-то члене клуба, но он был слишком хорошим служащим, чтобы сказать об этом вслух.

Бонд улыбнулся.

— Ты все такой же, Альфред. Иначе говоря, ты имеешь в виду, что, кроме тебя, с ним больше никто играть не будет, так? Помнишь Фаркерсона? Самый медлительный игрок во всей Англии. Я помню, как ты с ним играл двадцать лет назад. Ладно, давай, выкладывай, что там с ним не так, с этим Голдфингером?

— Это вы не изменились, мистер Джеймс, — засмеялся Блэкинг. — Вы всегда отличались наблюдательностью.

Он подошел ближе и понизил голос:

— Дело в том, сэр, что некоторые члены клуба считают, что мистер Голдфингер не совсем честно играет, подправляет мяч и все такое.

Блэкинг взял клюшку и начал ею постукивать по полу возле воображаемого мяча, глядя при этом в сторону воображаемой лунки:

— Посмотрим, можно ли пробить одним ударом? Как вы считаете, кэдди? — Альфред фыркнул. — Ну и конечно, к тому времени, когда он перестает постукивать по земле, мяч уже поднялся на дюйм и его вполне можно добросить одним ударом.

Лицо Блэкинга снова стало замкнутым, и он уклончиво добавил:

— Но это сплетни, мистер Джеймс. Я никогда ничего не замечал. Очень спокойный джентльмен, живет в Рикалвере. Когда-то он бывал здесь почти постоянно, но в последние годы проводит в Англии всего несколько недель. Звонит и спрашивает, не хочет ли кто-нибудь сыграть, и, когда никого нет, играет с Сэсилом или со мной. Сегодня утром он тоже звонил, интересовался, нет ли желающих. Иногда сюда заезжает кто-нибудь посторонний.

Альфред Блэкинг вопросительно посмотрел на Бонда.

— Может быть, вы сыграете с ним сегодня? А то жалко — приехали сюда впервые за столько лет и не поиграете? К тому же вы с ним знакомы... А то он может подумать, что я специально держу его за собой, а это нехорошо.

— Глупости, Альфред. Тебе тоже нужно зарабатывать на жизнь. Почему бы нам не сыграть втроем?

— Он не согласится, сэр. Говорит, это слишком долго, и я полностью с ним согласен. И не беспокойтесь обо мне, у меня полно работы на складе, и я с удовольствием ею займусь. — Блэкинг глянул на часы. — Он должен явиться с минуты на минуту. У меня есть для вас кэдди. Помните Хоупера? — Он громко засмеялся. — Еще один человек, который будет рад снова увидеть вас здесь.

— Хорошо, спасибо, Альфред. Будет любопытно посмотреть, как этот малый играет. Но почему бы не сказать ему, что я заехал починить клюшку? Старый член клуба, играл здесь еще до войны. Держись естественно, не говори, что рассказывал мне о нем. А я пока останусь на складе и дам ему возможность сделать выбор, не оскорбляя меня. Вдруг ему моя физиономия не понравится, а? Договорились?

— Хорошо, мистер Джеймс, предоставьте это мне. А вот и его автомобиль, сэр.

Блэкинг указал на окно, в полумиле ярко-желтый лимузин сворачивал к клубу.

— Забавная колымага. Вроде тех, которые приезжали сюда, когда я был мальчишкой.

Бонд смотрел на старый «роллс-ройс» «Серебряная тень», важно плывущий по дороге. Красивая машина! На серебряном радиаторе и алюминиевом щите под лобовым стеклом ярко играло солнце. Багажник на крыше тяжелого лимузина — такого страшного двадцать лет назад и такого красивого теперь — был из отполированной латуни, так же как большой клаксон и две фары, глядящие на дорогу свысока. Весь лимузин, за исключением черной крыши и черных окантовок окон, был лимонно-желтого цвета. У Бонда мелькнула мысль, что этот южноамериканский президент явно скопировал его со знаменитого желтого экипажа, в котором лорд Лонсдэйл ездил в Дерби и Эскот.

За рулем виднелась фигура в плаще и фуражке песочного цвета, большое круглое лицо было наполовину закрыто защитными шоферскими очками. Рядом располагался коренастый человек в черном, в котелке, плотно сидящем на макуш-

ке. Оба смотрели прямо перед собой, сохраняя странную неподвижность, как будто они ехали в катафалке.

Машина приближалась. Казалось, что глаза сидящих в машине смотрят через стекло прямо в глаза Бонда. Он инстинктивно отступил в глубь помещения, улыбнулся, поймав себя на этом, взял чью-то клюшку и стал задумчиво постукивать ею по деревянному полу.

8. Игра ва-банк

— Добрый день, Блэкинг. Все в порядке? — Голос звучал очень важно. — Я видел машину на стоянке. Я думаю, это не на игру.

— Я не уверен, сэр. Это один старый член клуба заехал починить клюшку. Не хотите ли, чтобы я его спросил, сэр?

— Кто это? Как его зовут?

Бонд жестко усмехнулся, напрягая слух, не желая упустить ни малейшей подробности.

— Мистер Бонд, сэр.

Повисла пауза.

— Бонд?

Голос не изменился, слышалась лишь вежливая заинтересованность.

— Я недавно встречал человека с такой фамилией. Как его имя?

— Джеймс, сэр.

— Да, да.

На сей раз пауза была продолжительной.

— Он знает, что я здесь?

Бонд физически ощущал, как Голдфингер проигрывает ситуацию.

— Он на складе, сэр, и, должно быть, видел, как вы подъехали.

Альфред не солгал ни разу в жизни, подумал Бонд, и не сейчас начнет.

— Неплохая мысль.

Теперь голос Голдфингера смягчился. Он явно чего-то хотел от Альфреда Блэкинга, хотел получить информацию.

— Какую игру этот парень играет? Какой у него гандикап?

— Он хорошо играл, когда был мальчишкой, сэр, а с тех пор я его не видел в игре.

— Хм.

Бонд чувствовал, что Голдфингер взвешивает полученную информацию, и был уверен, что тот клюнет. Он взял из своей сумки клюшку и начал натирать рукоятку мелом, чтобы выглядеть занятым. Скрипнула половица. Бонд отодвинулся в сторону, продолжая стоять спиной к двери.

— Кажется, мы с вами встречались.

Голос, прозвучавший в дверях, был нейтрален и тих. Бонд быстро глянул через плечо.

— Боже, вы меня напугали. — Он изображал узнавание. — Голд... Голдман... Голдфингер?

Надеясь, что не переигрывает, Бонд сказал с легким оттенком неприязни и недоверия:

— Откуда вы свалились?

— Я говорил, что играю здесь. Помните?

Голдфингер проницательно смотрел на него широко открытыми глазами, и опять у Бонда возникло ощущение, что его череп просвечивается рентгеном.

— Нет.

— Разве мисс Мастертон не передала вам то, что я просил?

— Нет, а что это было?

— Я сказал, что буду здесь и хотел бы сыграть с вами в гольф.

— Ну что же, — произнес Бонд с холодной учтивостью, — когда-нибудь мы с вами сыграем.

— Я обычно играл с профессионалом. Буду вместо этого играть с вами.

Голдфингер просто констатировал факт. Вне сомнения, он клюнул. Теперь нужно аккуратно подсечь.

— Почему бы нам не сыграть в другой раз? Я приехал заказать клюшку. К тому же я давно не играл, и, скорее всего, нет кэдди.

Бонд был настолько груб, насколько это возможно. Было совершенно очевидно, что он абсолютно не желает играть с Голдфингером.

— Я тоже не играл некоторое время. (Чертов

лжец, подумал Бонд). А для того чтобы заказать клюшку, не нужно много времени.

Голдфингер обернулся назад.

— Блэкинг, у вас есть кэдди для мистера Бонда?

— Да, сэр.

— Тогда все в порядке.

Бонд резко засунул свою клюшку обратно в сумку.

— Ну ладно, хорошо.

Он придумал, как окончательно посадить Голдфингера на крючок, и грубо произнес:

— Но я должен предупредить, что предпочитаю играть на деньги. Я не могу тратить время на то, чтобы гонять мяч развлечения ради.

Бонду самому нравился изображаемый им типаж.

Сверкнули бледные глаза Голдфингера победным блеском, или это только показалось?

— Мне это подходит. Как вам угодно. Без гандикапа, конечно. Мне показалось, вы сказали, что у вас девять?

— Да.

— Где, могу я узнать? — осторожно спросил Голдфингер.

— Хантерком.

У него было девять и в Саннигдэйле, но площад-

ка в Хантеркоме была легче. Девять в Хантеркоме вряд ли напугают Голдфингера.

— У меня тоже девять. Здесь. Значит, это будет игра на равных. Так?

— Вы для меня слишком сильный игрок, — пожал плечами Бонд.

— Сомневаюсь. В любом случае, — Голдфингер не церемонился, — я вам скажу, что я сделаю. Эта небольшая сумма денег, которую вы взяли у меня в Майами. Помните? Там было десять. Я люблю играть, поэтому мне будет полезно постараться. Я предлагаю двойную ставку или равноценную.

— Это слишком много, — равнодушно сказал Бонд. Затем, как бы передумав, посчитав, что сможет выиграть, он добавил: — Конечно, можно сказать, что это «легкие деньги». Может, у меня опять получится. А, ладно, хорошо. Дешево досталось — легко потерялось. Годится. Пусть будет десять тысяч долларов.

Голдфингер повернулся к выходу, в голосе его появились неожиданно мягкие интонации:

— Значит, все в порядке, мистер Блэкинг. Премного благодарен. Запишите сумму, которую я должен вам за игру, на мой счет. Очень жаль, что наша игра сегодня не состоится. Теперь позвольте мне заплатить кэдди.

Альфред Блэкинг взял клюшки Бонда, посмотрев на него очень пристально.

— Помните, что я вам сказал, сэр. — Один глаз его открылся и закрылся. — Я имею в виду ваш настильный замах, сэр. Нужно помнить о нем все время, сэр.

Бонд улыбнулся. У Альфреда были большие уши. Он мог не уловить ставки, но знал, что игра будет крупная.

— Спасибо, Альфред. Я буду помнить.

Бонд вышел из помещения и направился к машине. Человек в котелке протирал ветошью «роллс-ройс». Бонд скорее почувствовал, чем увидел, что тот остановился и наблюдает, как Бонд достает свою сумку на «молнии» и направляется с ней в клуб. У человека было круглое желтокожее лицо. Возможно, один из корейцев?

Бонд уплатил необходимый взнос стюарду Хэмптону и прошел в раздевалку. Здесь тоже ничего не изменилось, стоял тот же терпкий запах старых ботинок, носков и пота. И почему во всех наиболее известных гольф-клубах гигиенические стандарты традиционно близки к частным школам викторианской эпохи? Бонд сменил носки на вязаные гольфы, черный пиджак на свитер, проверил, на месте ли сигареты и зажигалка. Он

был готов.

Бонд медленно вышел на улицу, мысленно готовясь к игре. Он сознательно втянул этого человека в игру с высокими ставками, теперь уважение Голдфингера к нему должно было возрасти и укрепиться его мнение о Бонде как о безжалостном авантюристе, который мог быть ему полезен. Бонд думал, что сможет обойтись тысячей фунтов, обычных для Нассау, но десять тысяч долларов! Никогда, наверное, не было таких высоких ставок за одну игру, не считая, может быть, американского чемпионата или Калькуттских игр, где болельщики, а не игроки делали ставки. Должно быть, личный счет Голдфингера понес существенный урон, и ему это не понравилось. Ему не терпелось получить свои деньги обратно, и когда Бонд предложил высокие ставки, он ухватился за это предложение. Так тому и быть. Но одно было совершенно очевидно — по тысяче причин Бонд не мог позволить себе проиграть.

Он зашел на склад и взял у Альфреда Блэкинга мячи и метки для них.

— Хоукер уже взял клюшки, сэр.

Бонд пересек площадку в пятьсот ярдов, ведущую к первым воротам. Голдфингер упражнялся

на лужайке возле лунки, кэдди стоял рядом, подкатывая ему мячи. Голдфингер гнал мяч в лунку новым способом — короткой клюшкой между ногами. Бонд приободрился. Он не верил в эту систему, к тому же он знал, что тренироваться самому бесполезно, так как тренировочная лужайка «Сент-Марка» отличается и по скорости, и по фактуре от игровой площадки.

Бонд увидел легкую фигуру своего кэдди, беззаботно гоняющего воображаемый мяч ударной клюшкой Бонда.

— Добрый день, Хоукер.

— Добрый день, сэр.

Хоукер протянул Бонду клюшку и выбросил три использованных мяча. Его симпатичное лицо расплылось в приветливой улыбке.

— Как поживаете, сэр? Играли ли в гольф за эти двадцать лет? По-прежнему можете загнать мяч под крышу домика стартера?

Это замечание напомнило о том далеком дне, когда Бонд перед игрой всадил два мяча точнехонько в окно домика.

— Проверим.

Бонд взял клюшку, взвешивая ее на руке и прикидывая расстояние. Удары по мячу на тренировочной площадке прекратились. Бонд

установил мяч, быстро замахнулся, поднял голову и отправил мяч почти под прямым углом. Он попытался еще раз, и теперь фут травы взлетел в воздух. Мяч пролетел ярдов десять. Бонд повернулся к Хоукеру, выражение лица которого стало более сардоническим.

— Все в порядке, Хоукер. Это просто шоу. А вот этот для тебя.

Он подошел к третьему мячу, медленно поднял клюшку и резко опустил. Мяч взлетел на сотню футов, элегантно завис, упал вниз на крышу домика и скатился на землю.

Бонд отдал клюшку обратно. Глаза Хоукера стали задумчиво веселыми. Он ничего не сказал, взял другую клюшку, протянул ее Бонду, и они вместе двинулись к первым воротам, беседуя о семействе Хоукера.

Голдфингер догнал их, спокойный и невозмутимый. Бонд поприветствовал его кэдди, подобострастного и разговорчивого человека по имени Фоуллс, который никогда ему не нравился. Бонд взглянул на клюшки Голдфингера. Это были новые клюшки американского производства с кожаными чехлами клуба «Сент-Марк». Сумка черной кожи, из тех, что любят американские профессионалы. Клюшки в индивидуальных

гнездах, их было легко доставать. Претенциозная экипировка, но лучшая из возможных.

— Разыграем?

Голдфингер достал монетку.

— Решка.

Выпал орел. Голдфингер взял клюшку и новый мяч.

— "Данлоп 65", номер один, — сказал он. — Всегда играю одними и теми же мячами. А вы?

— "Пенфолд".

Голдфингер язвительно посмотрел на Бонда.

— По жестким правилам?

— Конечно.

— Хорошо.

Голдфингер пошел к воротам, сделал пару прикидочных замахов. Этот тип замаха был хорошо знаком Бонду — отработанный механический замах человека, который изучал игру очень тщательно, прочитал все книжки и потратил пять тысяч фунтов на лучших профессиональных тренеров. Это ровный, сильный мах, который продержится всю игру. Бонд позавидовал ему.

Голдфингер примерился, клюшка в его руках описала ровную дугу, и мяч улетел на двести ярдов вперед. Это был великолепный удар, и Бонд знал, что Голдфингер будет повторять его снова и

снова различными клюшками, ведя мяч по всем восемнадцати лункам.

Бонд занял его место, примерился и ровным настильным ударом послал мяч вперед. Тот перелетел мяч Голдфингера и прокатился по земле еще пятьдесят ярдов.

Оба удара были великолепны. Протянув клюшку Хоукеру и направляясь вслед за более нетерпеливым Голдфингером, Бонд ощутил прелесть хорошей партии в гольф прекрасным майским днем, когда жаворонки поют над самым красивым в мире побережьем.

В гольф играет множество самых разных людей, включая слепых, одноруких и даже безногих. Зачастую игроки одеваются весьма своеобразно, и никому это не кажется странным, потому что для гольфа не предусмотрено никаких определенных требований к внешности. Это одна из его маленьких прелестей. Голдфингер, однако, позаботился о своей экипировке; все было настолько тщательно подобрано и так хорошо сидело, будто Голдфингер специально заказывал костюм своему портному: «Оденьте меня для гольфа, знаете, так, как одеваются в Шотландии». Бонд обычно мало обращал внимание на ошибки в светских правилах, однако в отношении Голдфингера

все было по-другому. С первой встречи все в этом человеке раздражало Бонда, и утонченная элегантность его одежды также была частью злобного животного магнетизма, исходящего от Голдфингера.

Голдфингер снова нанес свой механический четкий удар. Пятерка.

Бонд пошел к своему мячу. Он хорошо помнил поговорку «Выигрывать никогда не поздно», поэтому, исходя из удачного положения мяча, решил не обострять, а просто продвинуться вперед.

Ударив по мячу, он сразу понял, что дело плохо. В гольфе разница между хорошим ударом и плохим так же мала, как между красивой и симпатичной женщиной — вопрос миллиметров. В данном случае клюшка ударила по мячу на миллиметр ниже, чем нужно, и мяч улетел соответственно не туда, куда нужно.

Бонд никогда долго не переживал по поводу своих плохих ударов, он забывал о них и обдумывал следующие. Он сменил клюшку на ударную и прикинул расстояние. Двадцать ярдов. Требовался простейший удар, однако и на сей раз ему не повезло — теперь он задел вместе с мячом песок. Голдфингер спокойно пробил по мячу,

который остановился в трех дюймах от лунки и, не дожидаясь, когда ему дадут другую клюшку, повернулся к Бонду спиной и направился к следующим воротам.

Бонд поднял свой мяч и взял у Хоукера другую клюшку.

— Какой, он сказал, у него гандикап, сэр?

— Девять. Самый высокий. Придется постараться наверстать во втором круге.

— Еще не вечер, сэр, — ободряюще промолвил Хоукер.

Однако Бонд знал, что ему придется туго. Проигрывать всегда рано.

Голдфингер уверенно продвигался вперед по площадке, Бонд шел за ним следом, проигрывая по очкам.

— Как ваша агорафобия? Это открытое пространство вас не беспокоит? — внезапно спросил Бонд.

— Нет.

Бонд заметил, что Голдфингер по мелочам жульничает, однако в гольфе единственный способ борьбы с нечестным игроком — это никогда с ним не играть, но сейчас был не тот случай. Бонд не собирался снова играть с этим человеком, однако затевать спор типа «Вы сделали — нет,

я не делал» тоже не стоило, пока он не поймает Голдфингера на чем-то крупном. Сейчас ему оставалось только стараться выиграть при любых обстоятельствах.

Бонд сосредоточился на мяче, но в момент удара справа раздался шум. Мяч полетел не туда.

Разъяренный Бонд обернулся к Голдфингеру и кэдди.

— Извините, уронил клюшку, — выпрямляясь и равнодушно глядя на него, произнес Голдфингер.

— Не делайте этого больше, — коротко сказал Бонд, протягивая клюшку Хоукеру, который сочувствующе покачал головой. Они пошли дальше в молчании, внезапно нарушенном Голдфингером:

— В какой фирме вы работаете?

— "Юниверсал экспорт".

— И где она расположена?

— Лондон. Риджент-парк.

— А что вы экспортируете?

Бонд напрягся. Осторожно, будь внимателен. Это работа, а не игра. Ладно, пусть он мешает тебе играть, но нужно в первую очередь думать о своей «легенде» и не позволять ему вынудить тебя совершить ошибку.

— О, все, начиная от швейных машинок и кон-

чая танками.

— А на чем вы специализируетесь?

Бонд ощутил внимательный взгляд Голдфингера.

— Я занимаюсь продажей стрелкового оружия. Провожу большую часть времени, занимаясь сбытом различных железок шейхам и раджам — всем тем, кто, по мнению Форин офис, не будет из них палить в нас.

— Интересная работа, — равнодушно сказал Голдфингер.

— Не очень. Подумываю об уходе. Как раз приехал сюда отдохнуть недельку и поразмышлять на эту тему. Не вижу для себя перспективы в Англии. Пожалуй, поеду в Канаду.

— Неужели?

Они дошли до мячей, и снова, как только Бонд собрался нанести удар, справа раздалось на этот раз позвякивание. Бонд оглянулся. Голдфингер стоял к нему спиной, задумчиво глядя на море и «машинально» позвякивая мелочью в кармане. Бонд улыбнулся.

— Не могли бы вы не звенеть деньгами, пока я не ударю?

Голдфингер не обернулся и не ответил, но звук прекратился.

Бонд постепенно набирал очки, догоняя соперника.

На шестом участке, именуемом в просторечии «Девой», мяч Голдфингера попал в низинку. Удачно, подумал Бонд, чертовски трудно будет выбить его оттуда с нужной точностью. С замиранием сердца следил он за клюшкой, медленно и плавно идущей вниз. Подняв лишь небольшой песочный шлейф, мяч вылетел из глубокой ямки, один раз подпрыгнул и замер.

Бонд проглотил слюну. Каким образом, черт возьми, Голдфингеру это удалось? Теперь ему требуется предельная точность, чтобы получить максимальное количество очков. Три тысячи чертей! Мимо лунки на дюйм — и мяч откатывается еще на ярд в сторону.

Бонд был зол на себя. Он сам, без всяких помех не попал в эту лунку. Ему действительно пора собраться и начать играть.

— Вы видели, что он проделал на «Деве», сэр? — тихо спросил Хоукер.

— Да, черти б его драли. Это был потрясающий удар.

— О, значит, вы не видели, что он сделал, сэр? — удивился Хоукер.

— Нет, а что именно? Я был слишком далеко.

Голдфингера и его кэдди не было видно за склоном. Хоукер молча пошел к низинке, каблуком выдавил ямку и кинул туда мяч. Затем встал вплотную к наполовину закопанному мячу, сдвинув ноги и взглянув на Бонда.

— Помните, он подпрыгнул, чтобы посмотреть направление к лунке, сэр?

— Да, помню.

— Теперь смотрите, сэр.

Хоукер подпрыгнул, как Голдфингер, затем снова посмотрел на Бонда, указывая на мяч у своих ног. Тяжелый удар двух ног сзади мяча вышиб его из ямки и бить по нему теперь было легче легкого.

Мгновение Бонд молча смотрел на кэдди, затем произнес:

— Спасибо, Хоукер. Дайте мне мяч и клюшку. Кто-то будет вторым в этой игре, и будь я проклят, если этим вторым буду я.

Теперь Бонд едва глядел на Голдфингера, не испытывая ничего, кроме холодной, злой решимости. Впервые с начала игры к нему вернулась самоуверенность. Единственное, что ему требовалось, это знамение свыше, и все будет в лучшем виде.

— Кстати, что случилось с прелестной мисс

Мастертон? — спросил Бонд Голдфингера, нагнав его.

— Она от меня ушла, — Голдфингер смотрел прямо перед собой.

Рад за нее, подумал Бонд.

— Хотелось бы снова ее увидеть. Где ее можно найти?

— Не могу сказать, — и Голдфингер ушел вперед за своим мячом.

Бонд сейчас проигрывал всего одно очко, и наступил момент, когда малейшая допущенная им ошибка означала конец игры и проигрыш.

— Я думаю, вы его догоните, сэр, — тихо сказал Хоукер.

— Это не моя заслуга, Хоукер, а Альфреда Блэкинга, — Бонд достал сигареты, угостил кэдди и закурят сам. — Осталось три лунки, нужно быть повнимательнее. Понимаете, о чем я?

— Не беспокойтесь, сэр, я не спущу с него глаз.

Бонд удачно пробил к центру площадки, а Голдфингер на этот раз взял слишком вправо, и мяч улетел к кустам. Бонд постарался сдержать радость и не считать своих цыплят раньше времени.

Теперь, выиграв на этом участке, ему нужно было набрать только пол-очка, чтобы выиграть

игру. Он молился, чтобы мяч Голдфингера пришел в негодность, а еще лучше потерялся.

Хоукер ушел вперед. Он положил сумку и очень старательно, даже слишком старательно, по мнению Бонда, занимался поисками мяча Голдфингера.

Место было плохое — высокая трава, густые заросли. Им очень повезет, если мяч найдется. Внезапно Бонд на что-то наступил. Дьявольщина! Неужели мяч? Он наклонился. Да, это был «данлоп 65».

— Вот он, — произнес Бонд недовольно. — О нет, простите. Вы ведь играете номером один, не так ли?

— Да, — раздался нетерпеливый голос Голдфингера.

— Ну, а это номер семь.

Бонд поднял мяч и направился к Голдфингеру.

— Не мой, — и Голдфингер продолжил поиски.

Мяч был хороший, почти новый. Бонд сунул его в карман и стал искать дальше. Он глянул на часы. Отведенные по правилам на поиски пять минут почти истекли. Еще полминуты, и он сможет объявить эту лунку за собой. По жестким правилам, сказал Голдфингер. Хорошо, друг мой, ты их получишь!

— Боюсь, время почти истекло.

Голдфингер хмыкнул и начал было что-то говорить, как раздался крик его кэдди.

— Я нашел, сэр, вот «данлоп» номер один!

Бонд пошел следом за Голдфингером туда, где стоял на маленьком возвышении кэдди, указывая пальцем вниз.

Бонд наклонился и осмотрел мяч. Да, почти новый «данлоп» номер один и на редкость удачно лежащий прямо на линии. Это было чудо. Больше, чем чудо. Бонд перевел тяжелый взгляд с Голдфингера на кэдди.

— Просто на редкость счастливый удар, — произнес он.

Кэдди пожал плечами. Глаза Голдфингера были спокойными и ничего не выражающими.

— Похоже, что так. — Он повернулся к своему кэдди. — Думаю, Фоуллс, здесь мы обойдемся легким ударом.

Бонд задумчиво пошел прочь, затем обернулся, чтобы посмотреть удар. Он был отменным, точнехонько в цель.

Бонд направился к Хоукеру, который глядел на приземляющийся мяч, жуя длинную травинку. Бонд кисло улыбнулся и спросил ровным сдержанным тоном:

— Мой большой друг попал точно или рядом?

— Точно, сэр, — бесстрастно ответил Хоукер.

Бонд взял свой мяч. Теперь дело снова было дрянь. Опять ему придется драться за очки, и это после того, как выигрыш был практически у него в кармане.

— Просто чудо, что мяч нашелся, — сказал Бонд идущему рядом Хоукеру.

— Это не его мяч, сэр.

Хоукер просто констатировал факт.

— Что вы имеете в виду? — голос Бонда звучал напряженно.

— Деньги делают многое, сэр. Скорее всего, пятерка. Фоуллс, должно быть, кинул этот мяч через штанину.

— Хоукер! — Бонд резко остановился и огляделся. Голдфингер со своим кэдди был в пятидесяти футах, медленно двигаясь вперед. — Вы можете в этом поклясться? Откуда такая уверенность?

Лицо Хоукера искривилось в какой-то застенчивой улыбке, но в глазах светился воинственный свет.

— Потому что его мяч лежал под вашей сумкой, сэр.

Увидев изумленное лицо Бонда, он извиняющимся тоном добавил:

— Извините, сэр, но я должен был это сделать после всего того, что он делал вам. Я не собирался об этом говорить, но пришлось, поскольку он опять вас обманул.

Засмеявшись, Бонд восхищенно сказал:

— Ну, Хоукер, вы действительно фрукт! Вы, значит, собирались самолично выиграть мне игру, — и зло добавил: — Однако этот человек переходит все границы. Мне необходимо его умыть, просто необходимо. Теперь давайте думать.

Они медленно пошли дальше. Левой рукой Бонд машинально крутил в кармане брюк найденный в кустах мяч. Внезапно его осенило. Вот оно! Он придвинулся к Хоукеру, оглянувшись на соперника. Голдфингер доставал клюшку из сумки, стоя спиной к Бонду.

— Нате, возьмите это, — Бонд сунул мяч в руку Хоукера и тихо вымолвил: — Будьте первым на площадке у лунки, а когда достанете мячи из лунки, отдайте этот мяч Голдфингеру. Ясно?

Хоукер продолжал спокойно идти, лицо его оставалось бесстрастным.

— Понял, сэр, — сказал он обычным тоном.

Бонд достал сигареты и глянул на Голдфингера.

— Ну, теперь держись, сукин ты сын!

Как и было задумано, Хоукер наклонился и достал мячи. Один он отдал Бонду, а второй протянул Голдфингеру. Затем они пошли дальше, Голдфингер, как всегда, впереди. Бонд заметил, как Хоукер сунул руку в карман. Ну, раз Голдфингер ничего не заметил...

Когда игра идет к концу, пристально осматривать мяч не будешь, движения становятся более или менее автоматическими, обдумываешь удары, прикидываешь направление ветра, размышляешь о дальнейшей тактике и прочих вещах, необходимых для выигрыша или хотя бы ничьей.

Бонд с нетерпением ждал продолжения игры. Наверняка Голдфингер не заметил подмены. «Данлоп» номер семь слишком похож на номер один. Неужели этот замах никогда не кончится? Крак! Мяч полетел дальше по красивой дуге.

Сердце Бонда пело. Попался, стервец! Попался!

Теперь он мог не волноваться — Голдфингер уже проиграл, угодил, так сказать, в собственную яму.

Угрызения совести Бонда не мучили. Дважды Голдфингер безнаказанно обманул его. За все художества его следовало наказать. В конце концов, это только справедливо. К тому же это нечто

большее, чем просто игра в гольф. Долг Бонда — выиграть. Зная психологию Голдфингера, он просто обязан добиться этого. Если Голдфингер проиграет, то счет становится два — ноль в пользу Бонда. Совершенно неприемлемая ситуация для человека, который считает себя всемогущим, думал Бонд.

В этом типе. Бонде, должен сказать себе Голдфингер, что-то есть. Он обладает качествами, которые я могу использовать. Это авантюрист с кучей всяких трюков в запасе. И это тот человек, который мне нужен — для чего? Бонд не знал. Возможно, ни для чего, ведь его представления о Голдфингере могут быть ошибочны, но совершенно очевидно, что другого способа достать этого человека нет.

Бонд позволил Голдфингеру выиграть, эффектно промахнувшись в последнем ударе, после чего подошел к лунке и достал оттуда оба мяча, стараясь держать их на виду. Голдфингер подошел к нему, лицо его победно сияло.

— Что ж, спасибо за игру. Кажется, я в конечном счете действительно слишком сильный для вас соперник.

— У вас твердая девятка, — произнес Бонд с довольно кислым видом.

Он глянул на мячи, чтобы отдать мяч Голдфингера его владельцу, и изобразил удивление.

— Привет, — Бонд окинул Голдфингера острым взглядом. — Вы, кажется, играли «данлопом» номер один, не так ли?

— Да, конечно.

Голдфингер шестым чувством ощутил надвигающуюся катастрофу, и выражение триумфа слетело с его лица.

— А что? В чем дело?

— Ну, — извиняющимся тоном сказал Бонд, — похоже, вы играли не тем мячом. Вот мой «пенфолд», а вот «данлоп» номер семь.

Он протянул оба мяча Голдфингеру, который выхватил их у него и начал судорожно вертеть в руках.

Краска медленно сползла у него с лица, он переводил взгляд с мячей на Бонда и обратно, силясь что-то сказать.

— Плохо, что мы играли по строгим правилам. Боюсь, это означает, что вы проиграли, — мягко произнес Бонд, спокойно глядя Голдфингеру в глаза.

— Но, но...

Этого момента Бонд ждал. Внезапно гнев исказил обычно безмятежное лицо Голдфингера.

— Это «данлоп» номер семь, который вы нашли в кустах. Ваш кэдди подсунул мне его! На семнадцатой площадке. Он специально его мне подсунул, чертов...

— Эй, спокойно, — голос Бонда звучал мягко. — Если вы не будете поаккуратнее в выражениях, то рискуете быть привлеченным за клевету. Хоукер, вы дали мистеру Голдфингеру не его мяч?

— Нет, сэр.

Лицо Хоукера было бесстрастным, голос звучал равнодушно.

— Если хотите знать мою точку зрения, сэр, то я думаю, ошибка произошла на семнадцатом участке, когда джентльмен нашел мяч далеко за линией. Семерка очень похожа на единицу. Я думаю, так дело было, сэр. Это было бы чудом, если бы мяч джентльмена улетел так далеко, где его нашли.

— Совершенная чушь! — Голдфингер вспыхнул от возмущения и сердито повернулся к Бонду. — Вы видели, что мой кэдди нашел «данлоп» номер один?

Бонд с сомнением покачал головой.

— Боюсь, я внимательно не приглядывался, — голос его стал резким и деловым. — И вообще, это дело игрока — следить за своим мячом, не

так ли? Я не думаю, что можно кого-то винить в том, что вы играли чужим мячом. Как бы то ни было, — он направился к клубу, — спасибо за игру. Надо будет сыграть как-нибудь еще.

Голдфингер, гордо освещенный заходящим солнцем и оставляющий за собой длинную черную тень, медленно двинулся за Бондом, задумчиво глядя ему в спину.

9. В особняке Голдфингера

Есть богачи, использующие свое богатство как дубинку. Бонд, сибаритствуя в ванне, думал о том, что Голдфингер относится именно к таким. Он являл собой тип человека, считающего, что может купить всех и вся. Объявляя ставку в десять тысяч долларов — мелочь для него и явно состояние для Бонда, — Голдфингер рассчитывал ошеломить его. И в другом случае ему бы это удалось. Нужно иметь железные нервы, чтобы спокойно вести игру, зная, что от каждого твоего удара зависит твое благосостояние. Профессионалам, играющим ради куска хлеба с маслом для своих семей, хорошо знакомо это неприятное ощущение холодного дыхания работного дома в затылок, поэтому они ведут правильный образ жизни, не пьют, не курят. В результате обычно выигрывает тот, у кого менее развито воображение.

Однако в данной ситуации Голдфингер не мог знать, что вечное напряжение было естественным состоянием Бонда и чувство опасности, наоборот, расслабляло его. Не мог он также знать, что Бонд и собирался играть с ним по выс-

шей ставке, имея в своем распоряжении фонды Секретной службы на случай проигрыша. Голдфингер, привыкший дергать за веревочки, не заметил, что на сей раз кукловодом был не он.

Или заметил? Бонд задумчиво вылез из ванны и вытерся. Сейчас мощный компьютер, сидящий в большой круглой голове, должен был работать на полную мощность, размышляя о Бонде, понимая, что Бонд его обманул, и спрашивая себя, каким образом Бонд, дважды возникнув из ниоткуда, дважды же его обыграл. Верно ли Бонд повел игру? Удалось ли ему вызвать к своей персоне должный интерес, или чувствительный нос Голдфингера почуял жареное? Если так, то продолжения не будет. Бонду придется выйти из игры, а М. изобретать новые подходы к Голдфингеру. Когда станет ясно, попалась ли рыбка на крючок?.. Эта большая рыбина будет долго обнюхивать приманку... Хорошо было бы дать ей укусить разок, чтобы она знала, что наживка именно та, какая требуется.

В дверь спальни постучали. Бонд завернулся в полотенце и открыл. В холле стоял посыльный.

— Да?

— Вам телефонограмма от мистера Голдфингера, сэр. Он передает свои наилучшие пожелания

и спрашивает, не будете ли вы столь любезны приехать сегодня вечером к нему на ужин. Вилла «Грэйндж» в Рикалвере, сэр. К восемнадцати тридцати. Переодеваться не нужно.

— Пожалуйста, поблагодарите мистера Голдфингера за приглашение и скажите, что я буду счастлив отужинать с ним.

Бонд затворил дверь, подошел к окну и уставился на спокойное вечернее море.

— Ну-ну. Не поминай дьявола... — Бонд улыбнулся, — или потом поднимайся и иди с ним ужинать.

В шесть часом Бонд спустился в бар и заказал водку с тоником и ломтиком лимона. В баре было пустовато, только американские военные летчики из Мэнстоуна пили виски со льдом и болтали о бейсболе. Интересно, подумал Бонд, когда эти ребята болтались сегодня весь день в небе Кента, и в частности над площадкой, где они играли с Голдфингером, была ли у них на борту парочка водородных бомб? Не напивайтесь, кузены, зло пожелал им Бонд, расплатился и вышел.

Он медленно ехал в Рикалвер, наслаждаясь тихим вечером и ощущением растекающегося по телу тепла от выпитой водки. Ужин обещал быть интересным. Приближался момент, когда

ему нужно будет продать себя Голдфингеру. Малейшая ошибка — и он выйдет из игры, причем еще сильно осложнит работу тому, кто его заменит. Оружие он не взял — было бы смертельной ошибкой дать Голдфингеру хотя бы малейший повод для подозрения. На мгновение он ощутил дурноту. Однако не стоит опережать события — войны объявлено не было, даже наоборот. Когда они покидали гольф-клуб, Голдфингер был весьма любезен, даже медоточив. Он поинтересовался, куда прислать деньги, и Бонд дал ему адрес «Юниверсал экспорт». Голдфингер также спросил, — где Бонд остановился, и тот назвал ему гостиницу, добавив при этом, что пробудет в Рамсгейте всего лишь несколько дней, пока не определится со своими планами на будущее. Голдфингер выразил надежду сыграть как-нибудь еще партию, но, к сожалению, он завтра должен лететь во Францию и не знает определенно, когда вернется обратно. Самолетом? Да, из Лидса. Что же, спасибо за игру. И вам спасибо, мистер Бонд. Светлые глаза еще раз просветили Бонда, словно рентгеном, как бы намереваясь получше запечатлеть его в памяти, и большой желтый лимузин скрылся из виду.

Бонд успел внимательно рассмотреть шофера.

Это был коренастый плосколицый японец или, что вероятнее, кореец с диким, почти сумасшедшим взглядом узких глаз, место которым было скорее в японском боевике, чем в «роллс-ройсе» солнечным днем в графстве Кент. Вид его верхней губы навел Бонда на мысль о том, что у этого человека незаращение неба, так называемая волчья пасть, но поскольку тот не произнес ни слова, у Бонда не было возможности убедиться в правильности своих умозаключений. В своем узком, в обтяжку черном костюме и нелепом котелке он напоминал японского борца на отдыхе. Но вид его не вызывал улыбки. Если кому-нибудь и захотелось бы улыбнуться, глядя на него, то что-то необъяснимо зловещее, таящееся в ярком блеске его начищенных черных ботинок и в черных тяжелых перчатках, заставило бы человека изменить решение. Бонду почудилось что-то знакомое в силуэте корейца, но только когда машина отъехала и Бонд увидел его со спины, он сообразил, что это был водитель небесно-голубого «форда», упрямо взбиравшегося на Хери-Бей около полудня сегодня утром. Откуда он ехал? Бонд вспомнил, о чем говорил полковник Смизерс. Возможно, это тот самый кореец, который ездит по стране, забирая золото из принадлежа-

щих Голдфингеру лавочек? Не был ли багажник маленькой машины набит недельным урожаем часов, колец, медальонов, золотых крестов? Глядя вслед удаляющейся «Серебряной тени», Бонд решил, что «да» будет правильным ответом.

Бонд свернул с основной магистрали на боковую и поехал среди высоких вечнозеленых деревьев до поворота на гравиевую дорогу, ведущую к дому, носящему название «Грэйндж», — тяжелому, некрасивому особняку начала века с застекленными галереями и солнечной гостиной, запах застоявшегося солнца, каучуконосов и дохлых мух которой Бонд мысленно почувствовал еще до того, как выключил двигатель. Бонд вышел из машины и остановился, глядя на дом, уставившийся на него пустыми чисто вымытыми окнами-глазами.

Из-за дома доносился какой-то шум, тяжелое ритмичное пыхтение, как-будто там задыхалось какое-то огромное животное. Бонд решил, что звук доносится с завода, труба которого, подобно пальцу, торчала там, где по идее должны были находиться конюшня и гаражи.

Казалось, дом замер в ожидании, он ждал от Бонда каких-то действий, враждебных действий, на которые незамедлительно последовал бы от-

ветный удар. Бонд расправил плечи, отбрасывая мрачные мысли, поднялся по ступенькам к двери с матовыми стеклами и позвонил. Звонка он не услышал, но дверь медленно распахнулась. На пороге стоял шофер-кореец с котелком на голове. Он равнодушно смотрел на Бонда, держа дверь левой рукой, а правой, вытянутой наподобие семафора, указывал в направлении холла.

Бонд прошел мимо него, с трудом подавив желание либо наступить на ноту в начищенном ботинке, либо двинуть изо всех сил кулаком в затянутый в черное живот. Этот тип вполне соответствовал тому, что Бонд слышал о корейцах, да и вообще ему просто хотелось сделать что-нибудь такое, что могло бы поколебать тяжелую, наэлектризованную атмосферу, царящую в этом доме.

Мрачный холл являлся одновременно и гостиной. За решеткой большого камина потрескивал огонь, два кресла и софа бесстрастно смотрели на пламя. Между ними на низеньком диване стоял поднос, плотно уставленный бутылками. Огромное пространство, окружающее этот маленький очаг жизни, было заставлено массивной добротной и дорогой мебелью периода Второй империи. За этой музейной экспозицией темные панели уходили вверх, к галерее, куда можно

было подняться по крутой винтовой лестнице, видневшейся слева. Пол был выложен паркетом той же эпохи.

Бонд стоял, осваиваясь с окружающей обстановкой, когда кореец тихо подошел к нему, протянул свою руку-семафор в сторону подноса и кресел. Бонд кивнул и остался стоять на месте. Кореец прошел мимо него и исчез за дверью, которая, как предположил Бонд, вела к комнатам слуг. Тишина, усугубляемая мерным металлическим тиканьем прадедушкиных часов, сгустилась еще больше.

Бонд прошел вперед, встал спиной к слабому огню и воинственно оглядел помещение. Ну и сарай! Какое ужасное, гиблое место для жилья! Как можно жить в этом богатом морге, расположенном среди вечнозеленых деревьев, когда буквально в сотне ярдов свет, воздух и широкие горизонты? Бонд закурил. Какие у Голдфингера могут быть увлечения? Как он развлекается? Как занимается сексом? А может, ему просто всего этого не надо, охота за золотом удовлетворяет все его страсти?

Где-то зазвонил телефон. Послышался приглушенный голос, затем шаги, и дверь под лестницей распахнулась. Голдфингер вошел в холл и тихо

прикрыл за собой дверь. На нем был лиловый бархатный вечерний сюртук. Медленно пройдя по натертому деревянному полу, не протягивая руки и улыбаясь одними губами, он произнес:

— Очень мило, что вы приняли мое приглашение, мистер Бонд. Вы были в одиночестве, я тоже один, и мне пришло в голову, почему бы нам с вами не обсудить цены на зерно.

Это была реплика из тех, которыми обычно обмениваются между собой богатые люди. Бонда позабавила мысль, что он оказался временным членом корпорации.

— Мне было очень приятно получить ваше приглашение. Свои проблемы мне обдумывать уже надоело, а заняться в Рамсгейте особенно нечем.

— Да, действительно. Но сейчас я должен извиниться перед вами. Меня задержал телефонный звонок. У одного из моих сотрудников — кстати, у меня работают корейцы — небольшие неприятности с местной полицией. Мне придется поехать и утрясти это дело. Какой-то инцидент на ярмарке, насколько я понял. Корейцы легко выходят из себя. Меня отвезет мой шофер, и я вернусь максимум через полчаса. А пока я буду вынужден оставить вас в одиночестве, предоставить вас самому себе. Пожалуйста, не стесняйтесь, напитки

на подносе. Если хотите, вот журналы. Надеюсь, вы извините меня? Уверяю вас, это не больше чем на полчаса.

— Все в порядке, не беспокойтесь.

Бонд чувствовал какой-то подвох, но не мог понять, в чем дело.

Голдфингер направился к двери.

— Но я должен включить вам свет, здесь очень темно.

Он протянул руку к панели, за которой, видимо, находились выключатели. Теперь помещение было освещено, как съемочная площадка киностудии. Это было удивительное превращение. Полуослепший Бонд проводил взглядом уходящего Голдфингера. Через минуту раздался шум мотора удаляющегося автомобиля, но это был не «роллс-ройс». Инстинктивно Бонд подошел к двери и открыл ее. Гравиевая дорога была пустынна. Вдали виднелись сигнальные огни машины, поворачивающей влево на основную магистраль в сторону Маргейта. Бонд вернулся в дом и закрыл дверь. Некоторое время он тихо стоял, прислушиваясь. Если не считать тиканья часов, тишина была полной. Он подошел к двери под лестницей и открыл ее. Длинный темный коридор вел внутрь дома. Бонд наклонился впе-

ред, все чувства его были обострены до предела. Тишина, мертвая тишина. Бонд закрыл дверь и задумчиво оглядел ярко освещенный холл. Его оставили в доме одного, оставили наедине со всеми имеющимися здесь тайнами. Почему? Бонд налил себе джина с тони-ком. Телефонный звонок действительно был, но его легко можно организовать с завода. История со слугой звучала вполне правдоподобно, и со стороны Голдфингера было разумно поехать, чтобы лично разобраться с этим делом. Голдфингер дважды упомянул, что Бонд останется один в течение получаса, и в это время он будет «предоставлен самому себе». Это могло быть и вполне невинное замечание, а могла быть и провокация, попытка подтолкнуть Бонда на то, чтобы он совершил какой-нибудь промах. Следит ли за ним кто-нибудь? Сколько здесь этих корейцев и чем они заняты? Бонд глянул на часы. Прошло пять минут. Он принял решение. Ловушка это или нет, но такой шанс упускать никак нельзя. Он быстренько осмотрит окрестности. Вполне невинная прогулка, которой легко найти логичное объяснение. С чего начать? С завода. Легенда? У него по пути сюда забарахлил автомобиль, наверное, что-то с помпой, и он хотел выяснить, нет ли там механика, который мог бы

ему помочь. Слабовато, конечно, но сойдет. Бонд допил джин и решительно вышел в коридор.

Здесь имелся выключатель. Бонд включил свет, длинный коридор упирался в стену с двумя дверями. Бонд немного послушал у левой двери и различил звуки кухни. Он решительно открыл правую дверь и оказался, как и предполагал, в гараже. Единственное, что казалось здесь странным, это яркое дуговое освещение. Дальняя стена, видимо, была заводской, и ритмичный грохот агрегата слышался теперь совсем близко. Заметив в противоположной стене низкую деревянную дверь. Бонд подошел к ней, оглядываясь по сторонам. Дверь оказалась незапертой. Он осторожно открыл ее. За дверью оказался маленький пустой офис, освещенный голой лампой, свисающей с потолка. Стол с бумагами, часы, пара стеллажей и телефон. Еще одна дверь вела из офиса в цех, рядом было окно, позволявшее наблюдать за рабочими. Вероятно, это была комната мастера. Бонд подошел к окну и посмотрел. Он не знал, что, собственно, он ожидал увидеть, но на первый взгляд там стояло обычное оборудование небольшого металлоперерабатывающего предприятия. Прямо перед ним зияли открытые пасти двух доменных печей с погашенными огнями.

Рядом располагались формы для расплавленного металла, у стены стояли разнокалиберные и разноцветные металлические листы. Стальной стол с пилой, видимо алмазной, для разрезания листов, а слева в тени — мощный мотор. Пять человек в комбинезонах — из них четверо корейцев — трудились над «роллс-ройсом» Голдфингера. Он стоял, сверкающий и совершенно целый, не считая снятой правой дверцы, которая лежала рядом в разобранном виде. Бонд увидел, как двое рабочих взяли тяжелый лист металла цвета алюминия и подошли с ним к дверце. На полу лежали два клепальных молотка. Скоро, подумал Бонд, рабочие все поставят на место и покрасят в соответствующий цвет. Все это выглядело вполне невинно. Возможно, Голдфингер сегодня днем повредил дверцу, и теперь ее срочно чинят к его завтрашней поездке. Бонд быстро, но внимательно изучил обстановку, отвернулся от окна и вышел, мягко прикрыв за собой дверь. Черт побери, ничего такого, за что можно зацепиться. А теперь какую историю ему придумать? Что он не стал отрывать людей от работы, может, потом, после ужина, если у кого-нибудь из них будет время...

Бонд неторопливо проделал обратный путь и

вернулся в холл без всяких приключений.

Он глянул на часы. Оставалось еще десять минут. Теперь — второй этаж. Все домашние секреты обычно прячутся в спальнях и ванных комнатах. Это места личного пользования, где аптечки, трюмо и тумбочки приоткрывают интимные стороны жизни владельца, раскрывают его слабости. Значит, так: у него сильно разболелась голова, и он пошел поискать аспирин. Бонд разыграл небольшой спектакль для невидимой аудитории, потер виски, посмотрел на галерею, решительно прошел к лестнице и поднялся наверх. Галерея вела в ярко освещенный коридор. Бонд двинулся по нему, открывая подряд все двери и заглядывая внутрь. Все это были отдельные спальни с незастланными кроватями. В них стоял запах пыли, окна были закрыты. Откуда-то появился огромный рыжий кот и шел за Бондом по пятам, мяукая и обтираясь о брюки. Последней была та комната, которую он искал. Бонд вошел и закрыл за собой дверь.

Везде горели лампы. Может, в ванной комнате находится кто-то из слуг? Бонд осторожно заглянул. В ванной тоже горел свет, но никого не было. Просторная комната. Помимо ванны и унитаза, здесь находились различные тренаже-

ры. В аптечке, кроме различных слабительных не было ничего. Бонд вернулся в спальню. Типично мужская комната, удобная, обжитая, со множеством встроенные шкафов. Даже запах здесь стоял какой-то нейтральный. Возле кровати небольшой книжный шкаф, книги исторические и биографические, все на английском языке. В ящике тумбочки лежала книжка парижского издательства «Палладиум» под названием «Скрытая сторона любви» в желтой обложке.

Бонд снова посмотрел на часы. Еще пять минут. Пора уходить. Он в последний раз осмотрел комнату и направился к двери, но внезапно остановился. Что он почти подсознательно отметил сразу же, как вошел? Он напрягся. Что-то его насторожило. Что именно? Цвет? Предмет? Запах? Звук? Да, звук! Там, где он стоял, слышен был тонкий, почти неуловимый звук, похожий на комариный писк. Откуда он идет? В этой комнате присутствовало что-то такое, что так хорошо было знакомо Бонду. Ощущение опасности!

Бонд осторожно подошел к встроенному шкафу возле двери и открыл его. Да, звук шел именно отсюда, из-за спортивных костюмов, лежащих на трех полках. Бонд резко сдвинул вещи в сторону. Увидев то, что за ними скрывалось, он заскрипел

зубами.

В верхней части шкафа неторопливо перематывалась 16-миллиметровая кинопленка, уходящая за фальшивую перегородку. Бобина была наполовину пуста. Глаза Бонда округлились при виде трех кинокамер, объективы которых были направлены бог знает куда — в холл, в гараж, в эту комнату — и следили за каждым его шагом с того самого момента, как Голдфингер покинул дом, предварительно включив все оборудование и конечно же ослепительно яркий свет. Почему Бонд не догадался о назначении этого освещения? Почему ему не хватило элементарного воображения, чтобы увидеть ловушку, почувствовать ее? Легенды он придумал, как же! Кому они теперь нужны, когда он провел полчаса, вынюхивая по разным углам под объективами этих камер, да еще вдобавок абсолютно впустую! Он не обнаружил ничего интересного, не раскрыл никаких тайн. Идиотская трата времени! А теперь он у Голдфингера в руках. Ему конец, он безнадежно погорел. Но как же все-таки спасти положение? Бонд застыл, уставившись на медленно бегущую ленту.

Думать! Думать! Мысли мчались, отбрасывая один вариант спасения за другим. Что ж, во

всяком случае, открыв шкаф, часть пленки он засветил. А почему бы не засветить ее всю? Но можно ли будет это объяснить чем-то иным, кроме его. Бонда, действий? Из-за приоткрытой двери в спальню раздалось мяуканье. Кот! Почему бы этого не сделать коту? Хилое, конечно, но хоть какое-то алиби. Бонд открыл дверь, взял кота на руки и вернулся к шкафу. Кот мурлыкал. Бонд вытянул всю пленку, удостоверился, что она засвечена, и положил на кучу кота. Легко выбраться он не сможет, а если повезет, то устроится поудобнее и уснет. Бонд оставил приоткрытой дверь спальни и побежал по коридору. У лестницы он затормозил и медленно спустился вниз. Пустой холл зевал, глядя на его игру. Бонд прошел к камину, налил себе джина и взял один из номеров «Филда». Найдя статью Бернарда Дарвина о гольфе, он пробежал ее глазами, чтобы запомнить содержание, удобно устроился в одном из глубоких кресел и закурил.

Что же ему удалось узнать? Весьма немного. Он выяснил, что Голдфингер страдает запорами, имеет извращенный ум и подверг Бонда элементарной проверке. Весьма ловко, надо отметить. Дилетантом он явно не был. Техническое исполнение вполне отвечало стандартам СМЕРШа.

Голдфингеру определенно есть что скрывать. Что же теперь? Для того чтобы кот попал в комнату и заинтересовался шуршанием пленки, Голдфингеру нужно было оставить открытыми обе двери. Маловероятно, почти невозможно. Голдфингер будет уверен на девяносто процентов, что это дело рук Бонда. Но только на девяносто. Остается десять процентов сомнений. Будет ли Голдфингер знать о Бонде больше, чем раньше? Он ведь знает, что Бонд хитрый и находчивый малый, что он любопытен, возможно, и вор? Он, конечно, догадается, что Бонд был в спальне, но остальные его действия, в чем бы они ни заключались, останутся для него тайной, тайной на засвеченной пленке.

Бонд поднялся, взял пачку журналов и бросил их на пол возле кресла, на котором сидел. Единственное, что ему оставалось, — это всячески отрицать свою вину и запомнить на будущее, ежели таковое у него имелось, что надо быть собраннее и не совершать ошибок. Во всем мире не хватит рыжих котов, чтобы вытащить его из истории, в которую он влип.

Бонд не услышал ни шума подъезжающей машины, ни звука открывающейся двери, но по легкому дуновению вечернего ветерка он понял,

что Голдфингер снова в холле.

10. На все руки

Бонд бросил «Филд» и поднялся. Входная дверь с шумом закрылась. Бонд повернулся и сказал с вежливым удивлением:

— Привет. Не слышал, как вы подъехали. Ну, как дела?

Лицо Голдфингера было не менее вежливым. Они вполне могли сойти за старых друзей или соседей, привыкших заезжать друг к другу выпить рюмочку-другую.

— О, все разрешилось довольно просто. Мой малый сцепился в пивной с американским летчиком, обозвавшим его проклятым япошкой. Я объяснил полицейским, что корейцы не любят, когда их принимают за японцев. Они отпустили его, сделав предупреждение. Приношу извинения за столь длительное отсутствие. Надеюсь, вы не скучали. Пожалуйста, наливайте себе еще.

— Благодарю. Но мне показалось, что вы отсутствовали не больше пяти минут. Я тут штудировал статью Дарвина о гольфе. У него интересные взгляды по некоторым вопросам...

И Бонд стал пространно пересказывать статью,

делая свои комментарии. Голдфингер терпеливо стоял, пока Бонд не закончил. Затем произнес:

— Да, это сложное дело. Конечно, вы играете не так, как я, проще. С моей школой мне приходилось пользоваться всеми дозволенными клюшками. А теперь, если позволите, я поднимусь к себе, сполосну руки, и мы пойдем ужинать. Я быстро.

Бонд наполнил свой бокал, сел и взял следующий журнал. Под прикрытием журнала он проследил, как Голдфингер поднимается по ступенькам и исчезает в коридоре. Все его последующие действия можно было легко себе представить. Бонд обнаружил, что держит журнал вверх ногами, перевернул его и тупо уставился на картинку с изображением Бленхеймского дворца, ожидая развития событий.

Сначала сверху не доносилось ни звука, затем послышался шум воды и скрип закрывающейся двери. Бонд взял бокал, отпил большой глоток и поставил бокал рядом. Когда Голдфингер спустился вниз. Бонд листал журнал, небрежно стряхивая пепел сигары в камин.

Голдфингер направился к нему. Бонд опустил журнал и поднял глаза. В руках Голдфингер держал рыжего кота. Подойдя к камину, он на-

клонился и нажал кнопку звонка.

— Вы любите кошек? — спросил он, повернувшись к Бонду и глядя на него спокойным и равнодушным взором.

— Пожалуй, да.

В проеме двери появился шофер, по-прежнему в своем дурацком котелке и перчатках. Он бесстрастно смотрел на Голдфингера. Хозяин согнул палец, шофер, повинуясь жесту, быстро подошел и встал в круг света возле огня. Голдфингер повернулся к Бонду.

— Мой мастер на все руки.

Он тонко улыбнулся.

— Это что-то вроде шутливого прозвища. На Все Руки, покажи свои руки мистеру Бонду.

Голдфингер снова улыбнулся.

— Я зову его На Все Руки, потому что это наиболее полно характеризует его функции.

Кореец медленно стянул перчатки, подошел к Бонду на расстояние вытянутой руки и поднял руки ладонями вверх. Бонд встал и посмотрел на них. Руки были большие и мускулистые, все пальцы казались одинаковой длины, жесткие, как бы костяные.

— Поверни их и покажи мистеру Бонду ребра ладоней. Ребра ладоней тоже выглядели, как

кость.

Бонд поднял брови и глянул на Голдфингера.

— Сейчас нам с вами кое-что продемонстрируют, — сказал Голдфингер и указал на толстые перила лестницы, которые были размером приблизительно шесть на четыре дюйма.

Кореец послушно подошел к лестнице, поднялся на несколько ступенек, встал по стойке смирно и уставился на Голдфингера, как послушный пес. Голдфингер быстро кивнул. Кореец безмятежно поднял руку и резко опустил ее, как топор, на толстую полированную деревяшку. Раздался треск, и перила проломились ровно посередине. Рука еще раз поднялась и опустилась. Теперь перила развалились на две части и по полу разлетелись щепки. Кореец выпрямился, ожидая дальнейших приказаний. Лицо его раскраснелось и светилось от гордости. Голдфингер кивнул, и кореец вернулся к камину.

— Внешняя сторона стопы у него такая же. На Все Руки — каминная доска.

Голдфингер указал на толстую полку из резного дерева над камином на высоте семи футов, то есть на шесть дюймов выше котелка корейца. Шофер пробормотал что-то невнятное.

— Да, можешь снять плащ и шляпу, — Голдфин-

гер повернулся к Бонду.

— У бедняги волчья пасть, и я сомневаюсь, что его понимает кто-нибудь, кроме меня.

Очень полезно иметь раба, подумал Бонд, который может общаться с миром только через переводчика.

На Все Руки снял плащ и котелок, положил их на пол, закатал брюки до колен и встал в боевую стойку дзюдоиста. Казалось, что его не сдвинет с места даже атакующий слон.

— Вам лучше отойти в сторону, — сверкнул зубами Голдфингер, — этот удар ломает человеку хребет, как цветочный стебелек.

Голдфингер отодвинул в сторону диванчик с подносом, освобождая корейцу путь. Однако тот стоял лишь в трех шагах от цели. Каким образом он сможет достать высоко висящую каминную полку? Бонд смотрел как зачарованный.

Узкие глаза на плоской желтой маске горели теперь жестоким холодным огнем. Да, при встрече с подобным монстром не останется ничего другого, как встать на колени и ждать смерти, подумал Бонд.

Голдфингер поднял руку. Ноги в кожаных ботинках как бы вросли в землю. Кореец сделал шаг на согнутых в коленях ногах и взлетел, со-

единив в воздухе ноги, как в балете, но подняв их гораздо выше, чем любой танцовщик. Тело его откинулось назад и вниз, правая нога вылетела вперед, как из пушки. Раздался громкий треск, кореец грациозно приземлился на руки, резко оттолкнулся и оказался снова на ногах.

На Все Руки замер по стойке смирно. Глаза его сияли победным блеском при виде трехдюймового куска дерева, выбитого им из каминной полки.

Бонд смотрел на корейца с изумлением. Всего две ночи назад он. Бонд, работал над своим учебником самообороны без оружия! Да в сравнении с тем, что он только что видел, все, что читал, все, что он умел, было меньше, чем ничто! Это не был человек из плоти и крови, это была живая дубинка, возможно, самое опасное животное на Земле. Бонд почувствовал, что необходимо воздать должное этому уникальному человеку. Он протянул руку.

— Легонько, На Все Руки, — голос Голдфингера прозвучал, как удар бича.

Кореец наклонил голову и взял руку Бонда в свою, держа пальцы прямо, лишь чуть согнув в пожатии большой палец. У Бонда возникло впечатление, что он держит доску, а не руку че-

ловека. Кореец выпустил его ладонь и пошел к своей одежде.

— Прошу прощения, мистер Бонд, я признателен вам за ваш жест, — лицо Голдфингера выражало одобрение. — Но На Все Руки сам не знает своей силы, особенно когда он «включается», а руки у него как тиски. Он мог бы превратить вашу ладонь в кисель, сам того не желая.

Кореец уже оделся и стоял, почтительно держа руки швам.

— Что же. На Все Руки, ты хорошо поработал. Вижу, ты в отличной форме. Это тебе, — Голдфингер бросил кота корейцу, легко поймавшему животное. — Он мне надоел. Можешь съесть его на ужин.

Глаза слуги довольно блеснули.

— И скажи на кухне, чтобы подавали.

Кореец кивнул и удалился с котом в руках.

Бонд с трудом скрыл охватившее его отвращение. Он прекрасно понял значение этой демонстрации, говорившей: «Вы видели мое могущество, мистер Бонд. Я мог бы легко вас убить или покалечить. Скажем, На Все Руки демонстрировал свое искусство, а вы случайно оказались у него на дороге. Я был бы ни при чем, а На Все Руки отделался бы мягким приговором. Но вместо вас

будет наказан кот. Не повезло ему, конечно».

— Почему он все время в котелке? — спросил Бонд.

— На Все Руки!

Кореец, уже подошел к двери, замер.

— Шляпа, — Голдфингер указал на деревянную панель у камина.

Держа кота под мышкой, На Все Руки повернул обратно. Пройдя полпути, он, не замедляя шага, снял котелок, взял его за поля и изо всей силы метнул вперед. Котелок на полдюйма вошел в панель, на мгновение завис, затем упал и покатился по полу.

Голдфингер вежливо улыбнулся.

— Легкое, но очень мощное оружие, мистер Бонд. Боюсь, что фетр немного попорчен, но На Все Руки все починит. Он удивительно ловко орудует шилом и шнуром. Как вы догадываетесь, такой удар проламывает человеку череп или перерубает шею. Очень удобное и великолепно сделанное оружие, не правда ли?

— Да, несомненно, — Бонд столь же любезно улыбнулся. — Очень полезный малый.

На Все Руки подобрал свой котелок и исчез. Послышался удар гонга.

— А вот и ужин! Пойдемте.

Голдфингер направился к двери справа от камины, нажал на скрытую за панелью кнопку, дверь распахнулась, и они вошли.

Маленькая столовая вполне соответствовала богатому убранству холла. Она была ярко освещена. Огоньки свечей в высоких канделябрах отражались в серебряных бокалах. Они сели друг напротив друга. Двое желтолицых слуг в белых куртках разносили блюда с сервировочного стола. Первое блюдо было с рисом. Заметив нерешительность Бонда, Голдфингер ободряюще произнес:

— Все в порядке, мистер Бонд, это креветки, а не кот.

— А...

— Пожалуйста, попробуйте вино. Надеюсь, оно придется вам по вкусу. Это «Пиаспортер голдтронхейм» пятьдесят третьего года. Наливайте сами, а то эта публика может с таким же успехом налить вам в тарелку, а не в бокал.

Перед Бондом в ведерке со льдом красовалась тонкая бутылка. Он немного налил и попробовал. Нектар, амброзия. Бонд воздал должное хозяину. Голдфингер коротко кивнул.

— Я не пью и не курю, мистер Бонд. Считаю, что курение не только самая глупая из человеческих

привычек, но и абсолютно противоестественная. Можете вы представить себе корову или другое животное, набирающее полный рот вонючего дыма и выпускающее его через ноздри? Фу! — Голдфингер обнаружил редкую для него эмоциональность. — Это очень вредная привычка. А что касается пития, то, будучи в некотором роде химиком, мне не удалось пока обнаружить напитка, в котором отсутствовал бы какой-нибудь яд, причем зачастую смертельный. Небольшое количество некоторых из них, взятое в чистом виде, убило бы вас. В тех мизерных количествах, в которых они наличествуют в спиртном, они тоже дают болезненный эффект, в просторечии именуемый похмельем.

Голдфингер помолчал, затем продолжил:

— Раз уж вы пьете, я дам вам один хороший совет, мистер Бонд. Никогда не употребляйте напиток, именуемый «Наполеон», особенно если он выдержан в деревянных бочках. В этой жидкости содержится больше ядовитых веществ, чем в любой другой. Следующий по вредности — старый бурбон.

— Благодарю вас. Я запомню. Возможно, именно поэтому я в последнее время предпочитаю водку. Кажется, ее подвергают угольной фильтрации?

Бонд был доволен, что, пользуясь своими познаниями, почерпнутыми из прочитанного когда-то, он теперь смог дать Голдфингеру более или менее достойный ответ.

Голдфингер внимательно посмотрел на него.

— Кажется, вы кое-что понимаете в этой области. Изучали химию?

— Так, чуть-чуть.

Пора было начинать игру.

— Ваш шофер произвел на меня колоссальное впечатление. Где он научился этому фантастическому искусству? Это какая-то разновидность корейской борьбы?

Голдфингер, вытерев рот салфеткой, щелкнул пальцами. Слуги убрали со стола, поставили на него жареную утку и бутылку «Мутон Ротшильд» сорок седьмого года для Бонда, после чего вернулись к сервировочному столу и замерли.

— Вы слышали о каратэ? — спросил Голдфингер. — Ну так вот, На Все Руки — один из трех человек в мире, обладающих высшим даном по каратэ. Вы видели один из самых простых приемов, мистер Бонд. — Голдфингер вынул изо рта ножку, которую обгладывал. — Могу вам сказать, что если бы На Все Руки нанес удар по одной из семи точек на вашем теле, вы были бы сейчас

покойником, — и Голдфингер с удовольствием вновь принялся за ножку.

— Интересно, — сказал Бонд. — Мне известно только пять способов убить На Все Руки одним ударом.

Голдфингер, казалось, не слышал реплики. Он выпил; воды, сел поудобнее и, пока Бонд наслаждался великолепным жарким, продолжал:

— Каратэ, мистер Бонд, основывается на теории, что человек обладает пятью ударными поверхностями и имеет тридцать семь уязвимых мест. Уязвимых для мастера каратэ, чьи кончики пальцев, ребра ладоней и ноги жестки, как стебель кукурузы, а он значительно более крепок и гибок, чем кость. Всю свою жизнь, мистер Бонд, На Все Руки ежедневно тренируется в течение часа, отрабатывая удары либо на мешке с неочищенным рисом, либо на деревянном столбе, обмотанном в несколько слоев толстым канатом. Затем еще час он занимается физической подготовкой, напоминающей больше балет, чем гимнастику.

— А когда он тренируется в метании котелка?

Бонд не собирался поддаваться этой психологической обработке.

Голдфингер, недовольный, что его прервали, нахмурился.

— Этим я никогда не интересовался, — серьезно ответил он. — Но вы можете быть абсолютно уверены, что На Все Руки всегда тренируется очень тщательно. Однако вас интересует происхождение каратэ. Оно родом из Китая. Бродячие буддийские монахи легко становились жертвами бандитов и грабителей. Буддизм запрещает владеть оружием, поэтому им пришлось разработать этот вид самообороны. Позже, когда жителям Окинавы было запрещено носить оружие, они усовершенствовали это искусство до его современного вида. Они определили пять ударных поверхностей: кулак, ребро ладони, кончики пальцев, пятка и локоть — и задубили их до крепости кукурузного стебля. Особенность каратэ еще в том, что в момент удара каратист всегда сохраняет равновесие. На Все Руки способен делать удивительные вещи. Я видел, как он разбил три полудюймовые доски, сложенные одна на другую, ребром ладони. А что он может делать ногами, вы сами видели.

Бонд отпил глоток великолепного кларета.

— Это плохо отражается на вашей мебели.

Голдфингер пожал плечами.

— Я мало живу в этом доме. Мне показалось, что подобное шоу развлечет вас. Надеюсь, вы

согласны, что На Все Руки заработал своего кота?

Глаза Голдфингера остро глянули через стол на Бонда.

— Он любит кошатину?

— Для него это большой деликатес. Он распробовал их мясо в молодости, когда в Корее был голод.

Бонд решил, что пришло время копнуть глубже.

— Зачем вам такой человек? Вряд ли он является подходящим компаньоном?

— Видите ли, мистер Бонд, — Голдфингер щелкнул пальцами, подзывая слуг, — я состоятельный человек, очень состоятельный. А чем ты богаче, тем больше нуждаешься в охране. Обыкновенный телохранитель или детектив — это, как правило, бывший полицейский. Такие люди бесполезны. У них замедленная реакция, устаревшие методы, и их легко подкупить. Но что самое главное, они с уважением относятся к человеческой жизни. Это неприемлемо для меня, если я хочу выжить. Моим корейцам подобные чувства не свойственны. Именно по этой причине японцы использовали их в качестве надзирателей в лагерях для военнопленных. Мои служащие хорошо справляются со своими обязанностями,

не могу пожаловаться. И они тоже. Им хорошо платят, они обеспечены жильем. Когда им нужна женщина, для них из Лондона привозят уличных девок, которым также хорошо платят, а потом отвозят обратно. Как правило, эти женщины некрасивы, но они белые, а ведь все, что требуется моим ребятам — подвергнуть белую расу самым гнусным унижениям. Иногда, конечно, случаются эксцессы, но, — светлые глаза бесстрастно глядели на стол, — деньги — надежный саван.

Бонд улыбнулся.

— Вам понравился афоризм? Я сам его придумал.

Подали великолепное суфле и кофе. Они молча ели, оба как бы удовлетворенные и успокоенные этой доверительной беседой. Во всяком случае, именно так все это подействовало на Бонда. Голдфингер явно позволил себе немного приоткрыться, не сильно, чуть-чуть, но он продемонстрировал Бонду одну из своих скрытых сторон, ту, которая, как он считал, является для Бонда наиболее привлекательной: свой лик безжалостного и хладнокровного магната. В конце концов, вполне возможно, что шныряние Бонда по дому, о чем Голдфингер должен был, как минимум, подозревать, открыло в Бонде кое-что

привлекательное для Голдфингера. Например то, что Бонд на самом деле негодяй с внешностью джентльмена. Сейчас должна была последовать еще одна проверка, а затем, если повезет, предложение.

Бонд откинулся на стуле и закурил.

— У вас великолепный автомобиль. Должно быть, последняя модель этой серии?

— Совершенно верно. Однако я кое-что усовершенствовал, добавил пять листов на рессоры и поставил тормоза на задние колеса. Передних тормозов оказалось недостаточно.

— Да? А почему? Ведь максимальная скорость не выше пятидесяти миль в час? Не может же машина быть настолько тяжелой?

Голдфингер приподнял бровь.

— Вы так полагаете? Между тонной бронированной обшивки и тонной бронированного стекла существует разница.

— А, понятно, — улыбнулся Бонд. — Вы действительно очень о себе заботитесь. Но как же вы перелетаете через Ла-Манш? Ваша машина не проламывает днище самолета?

— Я фрахтую весь самолет. Компания «Сильвер-сити» знает мой лимузин. Я летаю регулярно дважды в год.

— Тур по Европе?

— Да, отдыхаю, играю в гольф.

— Здорово. Всегда об этом мечтал.

Но Голдфингер не ухватил приманку.

— Ну что ж, теперь вы можете себе это позволить.

— А, вы об этих десяти тысячах... Но они могут мне понадобиться, если я решу перебраться в Канаду.

— Вы полагаете, что сможете там хорошо заработать? Хотите иметь много денег?

— Очень хочу, — голос Бонда звучал решительно. — А иначе вообще не стоит работать.

— К сожалению, как правило, на составление большого капитала уходит много времени. Обычно, когда сколачивается нужная сумма, человек уже слишком стар, чтобы наслаждаться этим.

— В том-то и дело. Поэтому я вечно ищу, где можно добиться желаемого побыстрее. А здесь ничего не выйдет, налоги слишком большие. Верно. И законы очень жестокие. Знаю. Уже уяснил на собственном опыте.

— Неужели?

— Да. Занялся как-то торговлей героином. Еле ноги унес. Надеюсь, это между нами?

Голдфингер пожал плечами.

— Кто-то сказал, мистер Бонд, что закон есть кристаллизованные предрассудки общества. Я согласен с этим. И больше всего это относится к торговле наркотиками. Да и в любом случае я не собираюсь помогать полиции.

— Значит, дело было так... — и Бонд рассказал мексиканскую эпопею, поменявшись ролями с Блэкуэлом, а закончил словами: — Я еще дешево отделался, но это не прибавило мне популярности в «Юниверсал экспорт».

— Да, пожалуй. Интересная история. Кажется, вы не без способностей. А продолжать заниматься этим бизнесом вы не хотите?

— Слишком сложно, — пожал плечами Бонд. — Судя по этому плантатору, крупные дельцы в этой сфере сразу мельчают, когда начинает пахнуть жареным. Когда дела пошли вразнос, он и не пытался сопротивляться. Разве что словесно.

— Что же, мистер Бонд, — Голдфингер встал, и Бонд последовал его примеру, — это был интересный вечер. Не думаю, что я займусь героином. Существуют гораздо более безопасные способы делать деньги. Вы должны удостовериться, что обстоятельства вам благоприятствуют, и поставить все на кон. Выигрывать двойные ставки нелегко, да и нечасто выпадает такая возмож-

ность. Хотите еще один мой афоризм?

— С удовольствием.

— Ну что же, мистер Бонд, — Голдфингер улыбнулся покровительственной улыбкой магната. — Самый безопасный способ удвоить деньги — это сложить их пополам и сунуть в карман.

Бонд, словно вышколенный служащий банка, внимающий управляющему, улыбнулся, но комментарии оставил при себе. Этот афоризм был недостаточно хорош. Увы, кажется, он ничего не добился. Однако инстинкт подсказывал, что пережимать не стоит.

Они вернулись в холл. Бонд протянул руку.

— Благодарю за великолепный ужин. Однако пора ехать. Может быть, мы с вами встретимся еще когда-нибудь.

Голдфингер сжал протянутую руку и тут же отпустил, чуть ли не отбросил. Еще один «пунктик» миллионера, он подсознательно боится физического контакта. Голдфингер посмотрел на Бонда тяжелым взглядом:

— Я совсем этому не удивлюсь, мистер Бонд.

Всю обратную дорогу Бонд снова и снова прокручивал эту фразу. Он разделся и лег в постель, продолжая думать над ней. Она могла означать, что Голдфингер сам его найдет, но могла означать

и обратное — Бонду следует найти Голдфингера. Орел — первое, решка — второе. Бонд встал, достал из кармана монетку и подбросил. Решка. Значит, ему придется искать встречи с Голдфингером. Быть посему. Но ему придется хорошенько подумать над предлогом для следующей «случайной» встречи. Бонд лег и мгновенно уснул.

11. Долгая погоня за тенью

На следующее утро ровно в девять часов Бонд позвонил начальнику Штаба:

— Говорит Джеймс. Я видел владения. Обошел все что можно, а вчера вечером ужинал с хозяином. Я практически уверен, что мнение управляющего абсолютно правильное. Что-то там не так. Для общего доклада пока недостаточно фактов. Владелец завтра вылетает на континент из Феррифилда. Мне бы хотелось поближе познакомиться с «роллсом» — думаю подарить ему небольшой переносной приемник, отправляюсь на его поиски сегодня немного позже. Не могли бы вы попросить мою секретаршу зарезервировать мне место? Направление пока неизвестно. Я дам знать. У вас есть для меня что-нибудь?

— Как сыграли в гольф?

— Я выиграл.

На другом конце провода хмыкнули.

— Кто бы сомневался. Ставки были большие, верно?

— Откуда вы знаете?

— Из Скотленд-Ярда звонили вчера вечером.

Им сообщили по телефону, что некто с вашей фамилией владеет крупной суммой недекларированных долларов. Они интересовались, работает ли у нас такой и правда ли это. Звонил парень из младших, поэтому об «Юниверсал» он не знает. Я сказал ему, чтобы он поинтересовался у комиссара. Сегодня утром он звонил опять, извинялся. Одновременно ваша секретарша обнаружила конверт с десятью тысячами в почте. Этот ваш малый весьма ловок, а?

Бонд улыбнулся. Весьма характерно для Голдфингера — попытаться убрать его, втянув в историю с долларами. Наверное, он позвонил в Скотленд-Ярд сразу после игры. Хотел, видимо, продемонстрировать Бонду, что, нанося Голдфингеру удар, рискуешь, как минимум, занозить руку. Но «крыша» в виде «Юниверсал экспорт» вроде сработала.

— Здорово! Вот прохиндей! Можете передать управляющему, что на сей раз деньги пойдут Белому кресту. Все остальное сможете сделать?

— Конечно. Перезвоню через несколько минут. Будьте поосторожней за границей. Если соскучитесь и потребуется компания, сообщите нам. Пока.

— Пока.

Бонд повесил трубку и начал собираться. Сцену, происходящую сейчас в офисе, он представлял себе очень живо. Прослушивая запись беседы, начальник Штаба расшифровывал содержание беседы для мисс Манипенни: «Ноль ноль семь сказал, что, вероятно, Голдфингер замешан в каком-то преступном деле, но конкретно он пока не знает. Г. вылетает сегодня утром из Феррифилда со своим „роллсом“, ноль ноль семь хочет лететь за ним. Скажем, через пару часов, чтобы дать возможность Г. отъехать подальше. Забронируйте ему место, хорошо? Еще ноль ноль семь хочет, чтобы мы договорились с таможней, пусть дадут ему возможность осмотреть „роллс“ и сунуть в него передатчик — пометьте себе, пожалуйста. Если ему понадобится помощь, он с нами свяжется». И так далее.

Бонд закончил сборы, получив подтверждение из Лондона, спустился вниз, расплатился и быстро выехал из Рикалвера.

Лондон сообщил, что Голдфингер вылетает спецрейсом в двенадцать дня. Бонд был в Феррифилде в одиннадцать, представился начальнику паспортного контроля и таможенникам. Его уже ждали. Бонд убрал свою машину в пустой ангар — подальше с глаз и, болтая с таможенниками,

стал ждать Голдфингера. Таможенники приняло его за сотрудника Скотленд-Ярда, а Бонд не стал их разуверять.

Нет, сказал он, с Голдфингером все в порядке. Просто не исключена вероятность, что один из его сотрудников попытается кое-что вывезти. Естественно, эта информация строго конфиденциальна. Нельзя ли будет оставить его наедине с машиной минут на десять? Он хочет заглянуть в ящик с инструментами.

В одиннадцать сорок пять в дверь просунул голову один из таможенников и подмигнул Бонду.

— Приехали. В машине сидит шофер. Я попрошу их подняться на борт раньше, чем завезут машину. Расскажу сказочку насчет распределения веса на борту. Его старая развалюха нам хорошо знакома. Бронированная, весит порядка трех тонн. Когда все будет готов, вас позовут.

— Спасибо.

Комната опустела. Бонд достал из кармана хрупкий аппаратик, проверил его, сунул обратно и стал ждать.

В одиннадцать пятьдесят пять тот же таможенник позвал Бонда:

— Порядок. Они в самолете.

«Роллс-ройс» стоял перед зданием таможни. Ря-

дом находилась еще одна машина — маленький серый «триумф TR–3». Бонд подошел к задней части «роллса», таможенник своим ключом открыл багажник. Бонд придвинул ящик с инструментами и стал их перебирать. При этом он быстро засунул внутрь миниатюрный передатчик. Теперь все в порядке. Он выпрямился, отряхивая руки.

— Ничего нет.

Таможенник закрыл багажник.

— Там-полно пустот внутри, но добраться до них можно, только распотрошив всю машину. Ну что, можно выпускать?

— Да, и спасибо вам.

Бонд вернулся в помещение. Минутой позже автомобиль двинулся к самолету, сверкая на солнце. Бонд наблюдал за погрузкой. Грузовой отсек закрылся, двигатели взревели, и самолет пошел на взлет.

Пока лайнер разгонялся по взлетной полосе, Бонд сел в свою машину и нажал скрытую в панели кнопку. Мгновение было тихо, затем раздался писк сигнала. Бонд уменьшил громкость. По мере удаления самолета писк затихал. Через пять минут смолк совсем. Бонд повертел настройку и снова поймал сигнал. Минут пять он следил за

ним, пока самолет перелетал Ла-Манш, и выключил. Предупредив таможенников, что вернется к половине второго. Бонд направился в запримеченную им раньше пивную. Теперь, если он не станет удаляться от «роллс-ройса» больше чем на сто миль, «Гомер», маленький радиопередатчик, спрятанный им в машине Голдфингера, будет посылать сигнал на приемник Бонда. Ему остается только следить за настройкой и не дать сигналу пропасть. Это была простая форма слежки, позволяющая преследовать машину на значительном отдалении, что сводило к минимуму риск быть замеченным. По ту сторону канала Бонду надо будет определить, по какой дороге поехал Голдфингер, и держаться поближе к нему в больших городах, на ключевых перекрестках и развилках. Иногда, конечно, он будет ошибаться в направлении, и тогда ему придется устраивать гонки, чтобы исправить положение. Двигатель DB-III достаточно мощный для этого. Игра в догонялки по дорогам Европы могла оказаться забавной. Солнце ярко светило на голубом небосводе. По спине Бонда пробежал холодок. Он улыбнулся сам себе холодной и жесткой улыбкой. Голдфингер, подумал он, впервые в жизни у тебя будут неприятности. Крупные неприятности.

На опасном перекрестке возле Ле Туке всегда стоит полицейский. Да, конечно, он видел «роллс-ройс». Трудно не заметить такую машину. Аристократ среди автомобилей. Поехал направо, месье, к Аббевилю. Примерно час назад, но на вашей ракете...

Пройдя все формальности в аэропорту. Бонд сразу же поймал сигнал «Гомера». Но в каком направлении ехал Голдфингер — на север, в Нидерланды, Австрию или Германию, либо к югу, — определить было невозможно. Для точного определения нужно две оборудованные машины. Бонд помахал рукой полицейскому и тронулся. Ему нужно было быстро нагонять. Голдфингер, видимо, уже проехал Аббевиль и приближался к развилке дорог Н–1 на Париж и Н–8 на Руан. Если он ошибется, то потеряет много времени и сильно отстанет.

Бонд ехал по скверной, разбитой дороге. Дорога до Аббевиля заняла у него пятнадцать минут. Писк «Гомера» стал громче. Голдфингер был впереди не больше чем в 20 милях. Но в каком направлении? Подумав, Бонд свернул на Париж. Некоторое время сигнал не менялся, затем стал затухать. Дьявольщина! Вернуться или быстро проехать вперед, свернуть на Руан и перехватить

их там? Бонд терпеть не мог возвращаться. Не доезжая Бове, он свернул налево. Сначала дорога была отвратительной, но довольно быстро он выскочил на шоссе Н–30 и поехал к Руану вслед за сигналом «Гомера». В пригороде Руана он остановился и стал слушать, поглядывая на часы. Судя по звуку, он опередил Голдфингера. Но в этом месте была еще одна ключевая развилка, и если он снова ошибется, то взять след будет очень трудно. Голдфингер поедет либо в южном направлении — на Алансон, Ле-Ман и Тур, либо на юго-восток, минуя Париж на Эвре, Шартр и Орлеан. Позволить себе подъехать ближе к центру Руана и попытаться увидеть, на какую дорогу свернет «роллс-ройс», Бонд не мог. Приходилось ждать, пока «Гомер» не выйдет на прямую линию, а затем решать.

Только четверть часа спустя можно было с уверенностью сказать, что «роллс» ушел вперед. Бонд от развилки опять свернул влево, выжав газ до предела. Машина рванула вперед. Да, угадал, писк «Гомера» перешел в вой. Бонд снова взял след. Он сбросил скорость до пятидесяти миль, отрегулировал звук приемника и катил вперед, размышляя о том, куда бы это мог направляться мистер Голдфингер.

Пять часов, шесть, семь. Солнце клонилось к закату, а «роллс-ройс» все шел и шел вперед. Они уже проехали Дре и Шартр, приближались к Орлеану. Если Голдфингер собирался заночевать в Орлеане, то «роллс» сделал весьма неплохой пробег — более 250 миль за шесть часов. Голдфингер явно не был меланхоличным, когда дело доходило до езды. Совершенно очевидно, что крупных городов он по возможности избегал. Бонд начал потихоньку сближаться.

Вдалеке светились задние огни машины. Бонд переключил противотуманные фары на дальний свет. Впереди шла маленькая спортивная машина. «MG»? «Триумф»? «Остин хейли»? Это был темно-серый «триумф» с двумя пассажирами. Бонд выключил свет и обогнал машину. Впереди замаячили еще огоньки. Бонд выключил фары, оставив гореть только подфарники. Машина шла в миле от него. Бонд чуть-чуть прибавил скорость и на расстоянии в четверть мили на мгновение включил дальний свет. Да, это был «роллс». Бонд отстал на милю и так и держался, поглядывая в зеркало на огни идущего сзади «триумфа». На подъезде к Орлеану Бонд съехал на обочину и позволил ему обогнать себя.

Орлеан Бонду не нравился никогда. Это был

скучный серый город без веселья и блеска. Он жил историей и Жанной д'Арк, используя Деву для выколачивания денег у туристов.

Бонд глянул на часы. Голдфингер, вероятнее всего, остановится в пятизвездной гостинице, где ему подадут филе камбалы и жареного цыпленка. Значит, в «Аркадах» или «Модерне». Бонд предпочел бы остаться за городом и переночевать на берегу Луары в «Оберж де ля Монтеспан», поев фаршированной щуки. Однако придется быть поближе к дичи. Подумав, он решил остановиться в «Отель де ля гар» и поесть в привокзальном ресторане.

Когда возникали какие-либо сомнения, Бонд всегда предпочитал останавливаться в привокзальных гостиницах. Обычно они были вполне сносными, всегда имелось место для машины, а в ресторанах кормили, как правило, великолепно. К тому же там всегда можно было узнать, чем живет город. А от проходящих поездов веяло духом романтики и трагедии.

«Гомер» пищал в одной тональности уже десять минут. Бонд отметил про себя пути, ведущие к трем гостиницам, и осторожно поехал в город, медленно двигаясь вдоль реки по освещенным набережным. Он был прав. «Роллс» стоял возле

«Аркад». Бонд свернул и поехал к вокзалу.

«Отель де ля гар» оказалась именно такой гостиницей, как он и предполагал, — дешевой, старомодной и комфортабельной. Бонд принял ванну, сходил к машине убедиться, что «роллс» на месте, и двинулся в ресторан, где съел два своих любимых блюда: яйца, взбитые со сметаной, и большую камбалу (Орлеан расположен недалеко от моря, и рыба в Луаре зачастую пахнет тиной), а на закуску — хороший камамбер. Он выпил охлажденное розовое анжуйское и заказал коньяк с кофе. В десять тридцать он вышел из ресторана, проверил «роллс» и час гулял по вечернему Орлеану. Затем еще раз проверил «роллс» и лег спать.

В шесть утра «Серебряная тень» продолжала стоять на месте. Бонд рассчитался, выпил кофе на вокзале, проехал по набережной и припарковал машину на боковой улочке. На сей раз ошибиться было нельзя. Либо Голдфингер поедет через мост на юг, в направлении Ривьеры, либо на север вдоль Луары. Бонд вылез из машины и прислонился к парапету, поглядывая между платанами в сторону гостиницы. В восемь тридцать из «Аркад» вышли двое. «Роллс» тронулся. Бонд проводил его взглядом, пока тот не скрылся из виду, сел в машину и поехал следом.

Он ехал вдоль Луары, освещенной лучами раннего солнца. Это был один из его самых любимых уголков на Земле. Особенно сейчас, когда фруктовые деревья усыпаны белыми цветами, река еще полноводна после зимних дождей, а долина юна, зелена и готова к любви. Он как раз размышлял на эту тему, когда на подъезде к Шатонеф сзади раздался предупредительный гудок и его обогнал маленький «триумф». Машина шла с открытым верхом, и за рулем виднелась симпатичная женская мордашка, частично скрытая большими темными очками. Хотя Бонду удалось рассмотреть только профиль, красивый рот и развевающуюся прядку смоляных волос, выбившихся из-под розовой косынки в горошек, этого было достаточно, чтобы понять, что девушка красива. Гордая посадка головы выдавала привычку к поклонению, ну, и свою роль несомненно играло сознание того, что на нее смотрит мужчина в великолепном автомобиле.

Это могло бы произойти сегодня, подумал Бонд. Луара просто создана для таких вещей. Он ехал бы следом за девушкой, пока не настиг ее во время обеда, познакомился с ней в пустом ресторанчике у реки, за столиком на воздухе, под виноградной лозой. Жаркое с ледяным «Вувре», осторожное

взаимоизучение, затем езда друг за другом до самого вечера на юг — там должно находиться место, где они договорятся поужинать в сумерках. Оливы, стрекочущие цикады, открытие, что они нравятся друг другу и что конечная цель их поездки может и подождать... Затем следующий день. (Нет, нет, не сегодня! Я вас недостаточно хорошо знаю. К тому же я устала.) Они оставили бы ее машину в гараже и поехали на его автомобиле в неспешное (торопиться некуда) романтическое путешествие на запад, подальше от больших дорог. Что это за местечко, куда он всегда хотел съездить из-за названия. Да, Меж Двух Грудей, местечко возле Ле-Бо. Возможно, там даже нет гостиницы... Что же, тогда они поедут в Ле-Бо, что в устье Роны. Там они заняли бы смежные номера (не двойной, еще рано для этого) в великолепной гостинице «Боманьер», съели бы лангуста и, возможно, — такова уж традиция подобных вечеров — пили бы шампанское. А затем...

Бонд улыбнулся своей фантазии, особенно многоточию в конце. Не сегодня. Сегодня у тебя работа. Сейчас — только Голдфингер, любовь в другой раз. Единственный запах, который ты должен чувствовать, — это запах дорогого лосьона, которым пользуется Голдфингер, а

не... Интересно, какие у нее духи? Англичанки часто пользуются неподходящими духами. Он надеялся, что это что-нибудь легкое, воздушное. «Зеленый ветер» Болмэйна, например, или «Ромашки» Карона.

Бонд на всякий случай включил приемник и поехал вперед, размягченный своими мечтами о девушке, оттачивая детали. Конечно, он вполне может с ней встретиться еще, они двигаются в одном направлении. Она, наверное, провела ночь в Орлеане. Интересно где? Вот досада! Минуточку! Бонд мгновенно очнулся от грез. Он вспомнил.

Этот «триумф» он уже видел раньше. В Феррифилде, перед отлетом. Девушки он, правда, не заметил и на номер внимания не обратил, но машина была та же, это точно. А если это так, то она едет за Голдфингером вот уже три тысячи миль, и это вряд ли простое совпадение. А ведь это она ехала с потушенными фарами прошлой ночью! Так что же происходит?

Бонд прибавил скорость. Он приближался к Неверу, и в любом случае ему нужно было держаться поближе к Голдфингеру перед следующей развилкой. Он убьет одним выстрелом двух зайцев, а заодно выяснит, что же нужно этой девице. Если она будет держаться между ним и

Голдфингером, то ситуация потребует серьезного анализа. Эта девица будет чертовски мешать. И так довольно сложно «вести» Голдфингера, а еще один преследователь между ними значительно усложнит задачу.

Девушка ехала впереди, в двух милях от «ролл-са». Увидев сверкание бампера, Бонд резко снизил скорость. Так-так! Кто она такая? Что за чертовщина? Лицо Бонда стало напряженно задумчивым.

Маленький кортеж продолжал свой путь к сердцу Франции. В Мулене Бонд чуть не потерял след, ему пришлось разворачиваться и быстро нагонять. Голдфингер резко повернул налево и двигался теперь к Лиону и Италии либо к Макону и Женеве. Бонду пришлось отчаянно гнать, а в результате он чуть не влип. Все это время он не очень обращал внимание на «Гомера», рассчитывая на «триумф», чтобы успеть вовремя затормозить, поэтому рев, в который перешел писк, застал его врасплох. Бонду пришлось резко тормозить, чтобы не влететь в «роллс», стоящий в миле от него на обочине. Слава богу, в этом месте рос кустарник, за который он мог спрятать машину!

Взяв в руки морской бинокль. Бонд вышел из

автомобиля. Ну да, так и есть! Голдфингер сидел внизу на маленьком мостике и завтракал. Бонд почувствовал, что его рот наполняется слюной. Интересно, когда он сам сможет поесть? Он посмотрел на «роллс». Сквозь заднее стекло виднелся силуэт корейца. «Триумфа» нигде не было. Если девушка по-прежнему висела у Голдфингера на хвосте, то она не могла успеть сориентироваться, видимо, ей пришлось на большой скорости, пригнувшись, проскочить мимо. Теперь она была где-то впереди и ждала в укрытии. Или нет? Может, воображение завело его слишком далеко? Возможно, она сейчас едет на итальянские озера к своей тете, друзьям, любовнику.

Голдфингер поднялся и пошел к машине. Бонд быстро нырнул за кусты. «Роллс» тронулся. Он проводил его внимательным взглядом, пока тот не скрылся.

Это был симпатичный мостик через славную речушку, он соединял какой-то городок с магистралью. На нем стоял номер 79/6. Очень легко найти. Бонд быстро сбежал вниз. В воде плескались рыбки. Бонд скрупулезно изучил место, где сидел Голдфингер. Вот оно. Кусок дерна, лежащий у стенки. Бонд поднял его. Земля в том месте была свежевскопанной. Бонд разрыл ее пальцами.

Всего один гладкий на ощупь кирпичик. Чтобы поднять его, нужно приложить усилие. Бонд стряхнул землю с желтой поверхности, завернул тяжелый золотой слиток в платок, сунул его за пазуху и вернулся на дорогу.

12. «Если вы тронете меня еще раз...»

Бонд был доволен собой. Теперь на Голдфингера рассердится много народа. При помощи двадцати тысяч фунтов можно провернуть немало грязных дел. Теперь придется перекраивать планы, откладывать заговоры, возможно, будут спасены и жизни. И даже если СМЕРШ будет проводить расследование, что вряд ли, поскольку люди там все-таки реалисты, спокойно воспринимающие потери, то можно предположить, что слиток нашел какой-нибудь бродяжка.

Бонд открыл тайник под пассажирским сиденьем и бросил туда слиток. Опасная штука. Придется связаться с ближайшей станцией и отдать золото им. Пусть отправят в Лондон по дипломатическим каналам. Нужно быстро доложить, поскольку эта штуковина подтверждает многое. М., возможно, захочет предупредить Второе бюро, пусть проследят за мостом и выяснят, кто придет. Но Бонд очень надеялся, что этого не произойдет. Он не хотел никаких осложнений сейчас, когда он подбирался к Голдфингеру все

ближе и ближе. Наоборот, ему нужно было, чтобы небо над головой Голдфингера оставалось ясным и безоблачным.

Путешествие продолжалось. Нужно было подумать и о других вещах. Он не должен выпускать из виду «роллс» перед Маконом, чтобы не ошибиться на развилке дорог, одна из которых шла на Лион, другая на Женеву. Еще нужно разобраться с этой девицей и по возможности убрать ее с дороги. Красивая или нет, но она явно мешала. А еще ему нужно остановиться и купить себе попить-поесть. Был уже час дня, и вид завтракающего Голдфингера разбудил в нем аппетит. К тому же пора было заправиться и проверить воду и масло.

Писк «Гомера» усилился. Бонд приближался к Макону. Придется, несмотря на риск, подъехать поближе. Большое движение на дороге скроет его машину, а знать точное направление — через Сону на Бург или на Лион, совершенно необходимо.

Вдали на улице Рамбюто сверкнул желтый лимузин, проехал по мосту через железную дорогу и пересек маленькую площадь. Бонд видел, как прохожие оборачивались вслед сверкающему «роллсу». Вот и река. Свернет Голдфингер вправо

или поедет через мост? Прямо. Значит, Швейцария! Бонд поехал в предместье Сен-Лорана. Теперь к мяснику, пекарю и в винный магазин. Бонд глянул в зеркало. Так-так! Маленький «триумф» висел у него на хвосте на расстоянии одного фута. Интересно, давно она здесь? Бонд был так поглощен преследованием «роллса», что ни разу не посмотрел назад с момента въезда в город. Она, должно быть, пряталась в одной из боковых улочек. Все ясно! Теперь, конечно, ни о каком совпадении и речи быть не может. Нужно что-то делать. Извини, солнышко! Придется тебя слегка стукнуть. Постараюсь сделать это как можно мягче. Ну, держись! Бонд резко остановился перед лавкой мясника и сдал назад. Раздался звон и скрежет. Бонд выключил двигатель и вышел из машины.

Он обошел автомобиль. Девушка с перекошенным от злости красивым личиком уже поставила одну великолепную ножку в шелковом чулке на дорогу. Мелькнуло белое бедро. Девушка сняла свои очки и встала, расставив ноги и уперев руки в бока. Красивый рот был зло сжат.

Задний бампер «астон-мартина» плотно въехал в то, что осталось от фар и решетки радиатора «триумфа». Бонд любезно улыбнулся:

— Если вы тронете меня еще раз, вам придется мне жениться.

Он не успел договорить, как раздался звук пощечины. Бонд поднял руку и потер щеку. Вокруг собралась небольшая толпа. Оттуда раздавались подбадривающие выкрики:

— Давай, девушка, так его! А теперь — в нокаут!

Пощечина не смирила гнев девушки.

— Идиот чертов! Вы что натворили?!

Если бы симпатичные девушки постоянно пребывали в ярости, они были бы красавицами, подумал Бонд, а вслух произнес:

— Должно быть, у вас паршивые тормоза.

— У меня тормоза?! Что вы, черт побери, несете? Вы в меня въехали.

— Случайно. Я не знал, что вы так близко.

Пора было ее успокоить.

— Приношу глубочайшие извинения. Я оплачу вам ремонт и все остальное. Это просто несчастный случай. Давайте посмотрим, как сильно повреждена машина. Попытайтесь отъехать. Не обращайте внимания, если бамперы сцепились.

Девушка решительно села за руль. Мотор взревел, автомобиль вздрогнул, но не двинулся с места.

— Ну вот! Идиот несчастный! Сломал мне вентилятор.

На это Бонд и рассчитывал. Он сел в машину и отъехал от «триумфа». Куски «триумфа», освобожденного от бампера «астона», посыпались на землю. Бонд снова вышел из машины. Толпа к этому времени уже поредела. Среди оставшихся оказался человек в комбинезоне механика, он предложил вызвать аварийку. Бонд подошел к «триумфу». Девушка уже стояла на дороге и поджидала его. Выражение ее лица изменилось, стало решительным и собранным. Бонд отметил, что темно-синие глаза девушки внимательно изучают его.

— Все не так уж плохо. Скорее всего, просто отошел контакт. Думаю, к завтрашнему утру вам все сделают. Вот сто тысяч франков. Их должно хватить и на ремонт, и на гостиницу, и на звонки друзьям, и на все остальное. Пожалуйста, возьмите, и на этом покончим. Я с удовольствием остался бы с вами до утра, чтобы лично убедиться, что все в порядке, но, к сожалению, у меня на вечер назначена важная встреча, и я никак не могу ее пропустить.

Ее «нет» прозвучало холодно и решительно. Девушка сложила руки за спиной и ждала.

— Но...

Чего она ждет? Полицейских? Хочет привлечь его за неосторожное вождение?

— У меня тоже встреча сегодня вечером, и мне тоже необходимо там быть. Мне нужно в Женеву. Вы не отвезете меня? Это недалеко, всего около сотни миль. На вашей машине мы там будем через пару часов. Отвезете? Пожалуйста!

В голосе ее слышалось отчаяние. Не угроза, не жалоба, только отчаяние.

Бонд впервые глянул на нее не как на симпатичную девушку, хотевшую, возможно (во всяком случае, это было единственное объяснение, которое Бонд мог дать, чтобы свести все к общему знаменателю), обратить на себя внимание Голдфингера или имевшую какой-то компрометирующий материал, который она могла использовать для шантажа. Но она не казалась способной ни на то, ни на другое. Лицо ее было слишком характерным, слишком отрытым. И на искусительницу она мало походила. На ней была белая рубашка мужского покроя с расстегнутым воротом и подвернутыми длинными рукавами. Маникюр отсутствовал, а единственным украшением было золотое кольцо на пальце (интересно, настоящее или фальшивое?). Талия перетянута

широким черным кожаным ремнем с двойной пряжкой, юбка в темно-серую клетку выше колен. Ноги обуты в дорогие сандалии, очень удобные для вождения. Единственной яркой вещью была розовая косынка, которую она сняла с головы и держала в руке вместе с очками. Все это выглядело вполне привлекательно, но в то же время создавалось впечатление униформы, а не наряда молодой девушки. Было что-то мужское в ее внешности и манере поведения. Она вполне могла бы быть членом английской женской лыжной сборной или отдавать много времени охоте и верховой езде, подумал Бонд.

К тому же, несмотря на то что она была очень красива, девушка явно относилась к той категории женщин, которые равнодушны к своей внешности. Она даже не попыталась привести в порядок волосы, поэтому они торчали в разные стороны, как им заблагорассудится. Ее смоляные волосы резко контрастировали с бледным лицом, которое казалось как бы заключенным в темную раму. У нее были огромные синие глаза под темными бровями и чувственный рот, а высокие скулы и тонко очерченный подбородок придавали ей решительный и независимый вид. Фигура ее излучала ту же независимость. Она гордо

несла свое тело, ее великолепные груди стояли высоко и свободно под шелком рубашки. Поза ее, с широко расставленными ногами и руками за спиной, была помесью вызова и провокации.

Вся картина, казалось, говорила: «Ну, ты, симпатичный ублюдок, не надейся, что сможешь так легко от меня отделаться. Ты меня в эту историю втянул, ты меня и вытащишь! Ты можешь быть очень привлекательным, но у меня свои заботы, и я знаю, чего хочу».

Бонд взвесил все «за» и «против». Насколько она может ему помешать? Как скоро он сможет от нее отделаться и заняться своими делами? Велик ли риск? На другой чаше весов были любопытство (ему хотелось знать, кто она, какую цель преследует), та сказка, которую он себе выдумал и которая теперь становилась реальностью, и, наконец, обычная проблема «девушки в трудном положении» — вечная просьба женщины о помощи.

— Я с удовольствием отвезу вас в Женеву, — коротко сказал Бонд, открывая багажник своей машины. — Давайте переложим ваши вещи. Пока я буду выяснять насчет гаража, вот вам деньги — купите, пожалуйста, нам поесть. Себе — все, что захотите, а мне толстый кусок лионской кол-

басы, хлеб, масло и пол-литра вина.

Глаза их встретились. Девушка взяла деньги.

— Спасибо. Себе я возьму то же самое.

Она подошла к «триумфу» и открыла багажник.

— Нет-нет, не беспокойтесь. Я сама, — извлекла оттуда сумку с клюшками для гольфа, наглухо застегнутую, и маленький дорогой чемоданчик. Она перенесла все это к «астон-мартину» и, опять отказавшись от помощи, поставила рядом с вещами Бонда. Проследив, как Бонд запирает багажник, она вернулась к «триумфу» и достала большую кожаную сумку через плечо.

— Какое имя и адрес мне давать? — спросил Бонд.

— Что?

Бонд повторил вопрос, прикидывая, в чем она соврет — в имени или в адресе? Или все вместе?

— Я буду ездить туда-сюда, так что лучше всего дать гостиницу «Берг» в Женеве, фамилия Сомс. Тилли Сомс, — ответила девушка не задумываясь и направилась в мясную лавку.

Четверть часа спустя они уже ехали в Женеву.

Девушка сидела прямо и смотрела на дорогу. Писк «Гомера» был едва слышен, должно быть, «роллс» ушел миль на пятьдесят вперед. Бонд

увеличил скорость. Они проскочили Бург и реку через мост Пон-д'Эн. Теперь они были в предгорье Юры, через которое вел серпантин. Бонд полетел по нему с такой скоростью, как будто принимал участие в гонке «Альпийские испытания». Стукнувшись пару раз о его плечо, девушка ухватилась за ручку под дверью и ехала, как его штурман. Однажды, после особенно крутого виража, когда они чуть не свалились в пропасть. Бонд глянул на нее. Рот девушки слегка приоткрылся, ноздри раздулись, глаза блестели. Ей явно это нравилось. Они поднялись на перевал и поехали вниз к швейцарской границе. «Гомер» ревел. Надо бы потише, подумал Бонд, не то влетим в них на таможне. Он уменьшил звук и съехал на обочину. Они сидели в машине и задумчиво жевали, почти в абсолютном молчании, ни один не желал заводить разговор, занятый своими мыслями. Через десять минут они тронулись в путь. Бонд спокойно и уверенно вел машину вниз по серпантину, любуясь молодыми елями по обочинам.

— Что это за шум? — спросила девушка.

— Да магнето шумит, особенно на скорости. Началось еще в Орлеане. Вечером займусь.

Она, казалось, вполне удовлетворилась этой

белибердой.

— А куда вы, собственно, направляетесь? Надеюсь, я не очень нарушила ваши планы?

— Вовсе нет, — дружелюбно ответил Бонд. — На самом деле я тоже еду в Женеву. Но я вряд ли останусь там сегодня, вечером мне, возможно, придется ехать дальше. Все будет зависеть от результатов встречи. А вы как долго там пробудете?

— Не знаю. Я играю в гольф. В Давонне проходит женский открытый чемпионат, Швейцарии. У меня вообще-то уровень не тот, но я подумала, что попробовать стоит. Потом я собиралась поиграть на других площадках.

Годится. Вполне. Почему бы этому не быть правдой? Но Бонд был уверен, что это не все.

— И много вы играете? Какая ваша основная площадка?

— Много. В Темпле.

Вопрос был абсолютно банальным. Был ли ответ правдив, или она назвала первую пришедшую на ум площадку?

— Вы где-то живете неподалеку?

— У меня в Хенли живет тетя. А вы что делаете в Швейцарии? У вас отпуск?

— Бизнес. Экспорт-импорт.

— А...

Бонд внутренне улыбнулся. Их беседа походила на театральный диалог. Голоса были ровные и вежливые, как на сцене. Он вполне мог представить себе излюбленную мизансцену английских театров: комнату, залитую солнцем, пару, сидящую по краям дивана, она разливает чай. «Вам с сахаром?»

Они спустились в предгорье. Длинная прямая дорога, шла вперед к французской таможне.

Девушка не предоставила ему ни малейшего шанса заглянуть в ее паспорт. Как только машина остановилась, она пробормотала что-то насчет усталости и исчезла в дамской комнате. Бонд прошел таможню и возился с багажом, когда она появилась с проштампованным паспортом. На Швейцарской таможне ей что-то срочно понадобилось в чемодане, и Бонд не успел посмотреть ее документы.

Они быстро доехали до Женевы, и Бонд затормозил у входа в «Берг». Носильщик взял ее вещи. Стоя на ступеньках, девушка протянула руку.

— До свидания, — ее невинные глаза смотрели прямо. — И спасибо. Вы великолепно ведете машину, — тут она улыбнулась. — Странно, что вы случайно дали задний ход в Маконе.

— Это редко случается, — пожал плечами Бонд. — Но я рад, что так вышло. Если я покончу со своими делами, может, мы могли бы встретиться?

— Это было бы славно, — тон говорил об обратном.

Девушка повернулась и скрылась за вертящейся дверью.

Бонд побежал к машине. А ну ее к дьяволу! Теперь нужно отыскать Голдфингера, затем заскочить в маленький офис на набережной Уилсона. Он включил «Гомера» и подождал пару минут. Голдфингер был где-то рядом, но постепенно удалялся. Он мог ехать либо по правому, либо по левому берегу озера. Судя по звуку, он был, как минимум, в миле от города. В каком направлении? Налево к Лозанне? Направо к Эвиану? Бонд уже выехал на левую дорогу и решил положиться на свое чутье.

Желтый лимузин возник перед ним не доезжая Копэ, маленького местечка на берегу озера, ставшего знаменитым благодаря мадам де Сталь. Он быстро спрятался за кустами, а когда выехал оттуда, «роллс» исчез. Бонд двинулся вперед, глядя на левую сторону. У въезда в деревушку стояла высокая стена с большими крепкими металличе-

скими воротами. В воздухе висела пыль. Вверху на стене была скромная табличка с надписью желтыми буквами по синему фону «Энтерпрайз Аурик А.Г.» Лиса ушла в нору!

Бонд проехал дальше, пока не увидел съезд налево. Он двинулся в этом направлении и выехал на дорогу, идущую через виноградники к лесу за Копэ и замку мадам де Сталь. Бонд остановил машину среди деревьев. По идее он должен сейчас находиться над территорией «Энтерпрайз Аурик». Взяв бинокль. Бонд пошел по тропинке по направлению к деревне. Вскоре справа он увидел железное заграждение, обмотанное колючей проволокой. Сотней ярдов ниже оно упиралось в высокую каменную стену. Бонд медленно пошел вдоль него в поисках лазейки, которую, несомненно, должны были проделать местные ребятишки, чтобы лазать за орехами. И он нашел ее — два прута были сдвинуты, чтобы маленькое тельце могло протиснуться между ними. Бонд налег на одну из железяк всем своим весом, расширил лаз и проник на территорию.

Он шел среди деревьев, аккуратно ставя ноги, чтобы не наступить на сухую ветку. Деревья постепенно редели. Возле небольшой мызы виднелись невысокие корпуса. Бонд спрятался за

толстым пнем и посмотрел вниз. На открытой площадке прямо посередине стоял запыленный «роллс-ройс». Бонд взял бинокль и стал внимательно рассматривать территорию.

Дом представлял из себя добротное квадратное здание из красного кирпича, двухэтажное, с аттиком. Вероятно, четыре спальни, две гостиные. Стены были частично закрыты зарослями вьющихся лиан в полном цвету. Симпатичный дом. Бонд мысленно представил себе белую внутреннюю отделку, запах комнат, согретых солнцем. Черный ход выходил во двор, где стояла «Серебряная тень». С той стороны, откуда смотрел Бонд, двор был открыт, по боками его закрывали два цеха, на стыке которых торчала высокая труба, увенчанная устройством, похожим на навигационный радар наподобие тех, которые можно увидеть на мостике любого корабля. Аппарат медленно вращался. Бонд совершенно не представлял, для чего могла понадобиться эта штука на крыше маленького предприятия, затерянного среди деревьев. Внезапно тишина и покой этого мирного пейзажа были нарушены. Где-то часы пробили пять. По этому сигналу черный ход открылся, и появился Голдфингер, по-прежнему в светлом дорожном костюме, но уже без шлема. За

ним следовал маленький невзрачный человечек с усиками щеточкой и в роговых очках. Голдфингер выглядел вполне довольным. Он подошел к машине и похлопал по ее капоту. Человечек вежливо засмеялся. Он достал из правого кармана свисток и посвистел. Дверь правого цеха распахнулась, оттуда вышли четверо рабочих в комбинезонах и направились к машине. Из открытой двери доносился шум — это работал тяжелый агрегат, его ритм был хорошо знаком Бонду по Рикалверу.

Четверка расположилась вокруг машины. По сигналу маленького человечка, видимо мастера, ее начали разбирать на части.

Когда рабочие сняли двери, капот и стали снимать брызговик, Бонд сообразил, что они методично снимают с машины броню.

Почти одновременно с тем как Бонда осенила эта мысль, в двери дома появился На Все Руки в своем вечном котелке и издал какой-то звук. Сказав что-то мастеру, Голдфингер ушел в дом, оставив рабочих доделывать свое дело.

Пора было уходить. Бонд еще раз внимательно огляделся, запоминая место, и исчез среди деревьев.

* * *

— Я из «Юниверсал экспорт».

— Слушаю.

За столом на стене висел портрет королевы работы Аннигони. На других стенах висели плакаты, рекламирующие трактора фирмы «Фергюсон» и другую сельскохозяйственную технику. Из большого открытого окна, доносился шум машин, проходящих по набережной Уилсона. Где-то прогудел паром. Бонд выглянул в окно и какое-то время смотрел, как паром идет по озеру. От парома шла волна, будоражащая спокойную гладь. Бонд снова глянул в вопрошающие глаза бесстрастно вежливого бизнесмена.

— Мы надеялись начать с вами совместное дело.

— Какое именно?

— Крупное.

Лицо человека расплылось в улыбке:

— Вы ноль ноль семь, не так ли? Кажется, я вас узнал. Чем могу быть полезен? Только вот что, — голос его стал озабоченным. — Давайте побыстрее. После того дельца с Дюмоном здесь стало жарковато. Меня обложили и местные, и красные. Конечно, все тихо-мирно, но мне дума-

ется, что лишнее внимание вам ни к чему.

— Я почему-то так и думал. Вот, — Бонд расстегнул рубашку и извлек тяжелый золотой кирпичик. — Отправьте его, хорошо? И при возможности передайте следующее...

Агент застенографировал информацию, продиктованную Бондом, и положил листок в карман.

— Да, серьезная штука. Я выхожу на связь в полночь. А это, — он указал на слиток, — уйдет в Берн, в диппочту. Еще что?

— Слышали что-либо об «Энтерпрайз Аурик» в Копэ? Знаете, чем они занимаются?

— Я знаю все производства в окрестностях. Пришлось. В прошлом году пытался продать им кое-какие инструменты. Они делают металлическую фурнитуру, высококачественную. Их клиентами являются швейцарские железные дороги и авиакомпании.

— Знаете, какие авиакомпании?

Агент пожал плечами.

— Я слышал, они делали всю работу для «Мекки», крупной чартерной линии на Индию, терминал в Женеве. «Мекка» — основной конкурент «Транс Индии». Принадлежит частному капиталу. Вообще-то, я слыхал, что «Аурик и Ко»

является одним из пайщиков, поэтому ничего удивительного, что они получили контракт.

Лицо Бонда искривила медленная ехидная улыбка. Он встал и протянул руку.

— Вы, конечно, об этом не догадываетесь, но сейчас за одну минуту вы сложили головоломку. Премного благодарен. Удачи в тракторном бизнесе. Может, когда и встретимся.

Выйдя на улицу. Бонд быстро сел в машину и поехал по набережной в «Берг». Значит, вот оно как! Два дня он преследовал «Серебряную тень» по всей Европе. Бронированный «роллс-ройс». Он видел, как на него крепили броню в Кенте, наблюдал, как ее снимали в Копэ. Эти листы уже плавились в печах, из них сделают семьдесят кресел для авиакомпании «Мекка». Через несколько дней в Индии их снимут и заменят на алюминиевые. А Голдфингер получит сколько? Полмиллиона фунтов стерлингов? Миллион?

«Серебряная тень» вовсе не была серебряной, о нет! Это была «Золотая тень» — две тонны золота. Хорошего, высокопробного золота!

13. Дела, творящиеся темными ночами

Бонд поселился в гостинице «Берг», принял ванну и переоделся. Взвесил в руке свой «Вальтер», размышляя, стоит взять его с собой или нет, и решил, что не стоит. Он не собирался попадаться кому-либо на глаза на территории «Энтерпрайз Аурик». Если же, к несчастью, его застукают, то вступать в драку было бы непростительной ошибкой, которая могла сорвать все дело. На этот случай им была выработана версия, довольно хилая, правда, но по крайней мере позволяющая сохранить «легенду». Придется довольствоваться ею. Бонд выбрал пару ботинок, особенных ботинок, которые были значительно тяжелее, чем казались.

В холле он поинтересовался, проживает ли в гостинице мисс Соме, и совсем не удивился, когда дежурный администратор сказал, что такой здесь нет. Интересно, выехала ли она до того, как приехал Бонд, или зарегистрировалась под другим именем.

Бонд поехал через мост Монблан по ярко осве-

щенной набережной в «Баварию», скромную эльзасскую пивную, место встречи сильных мира сего в период Лиги наций. Сидя у окна с кружкой светлого «левенбрау» и бутылкой водки, он размышлял о Голдфингере. Теперь уже его род занятий не вызывал никаких сомнений. Он финансировал шпионскую сеть, вероятно СМЕРШа, и наживал капитал на контрабанде золота в Индию, страну, где ему обеспечивалась максимальная прибыль. Потеряв свой траулер, он нашел новый путь. Сначала он приучил всех к своему бронированному лимузину, что скорее всего было расценено как эксцентрическая выходка богача. Многие английские автомобилестроители экспортировали такие лимузины. Раньше их покупали индийские раджи, теперь — аравийские шейхи и латиноамериканские президенты. Голдфингер выбрал «Серебряную тень», потому что после усовершенствования ее шасси стали достаточно прочными, а корпус позволял легко приделать металлические щиты. Возможно, Голдфингер переправлялся на этой машине через Ла-Манш, чтобы привыкли таможенники Феррифилда. Затем он у себя в Рикалвере заменил броню на золото, восемнадцатикаратное белое золото. Его сплав с никелем и

серебром достаточно прочен, цвет вполне подходящий, и в случае попадания в аварию или если оцарапается корпус, никто не заметит ничего подозрительного. Затем — Швейцария и маленький заводик. Там рабочие аккуратно снимают золотые листы, переплавляют их, делают самолетные сиденья, которые устанавливают на самолеты авиакомпании «Мекка» под наблюдением одного из голдфингеровских людей, получающего за это определенную мзду с каждого рейса. Во время таких рейсов — один, два, три в год? — самолет берет на борт лишь легкий груз и несколько пассажиров. В Бомбее или Калькутте самолет загоняют в ангар авиакомпании и там меняют сиденья на алюминиевые. А золотые идут золото-торговцам, и Голдфингер получает свои стерлинги либо в Нассау, либо еще где-то. На каждой операции у него стоили двухстопроцентная прибыль, и все начинается снова, от сети магазинчиков, скупающих золотые изделия в Британии, дальше по цепочке Рикалвер — Женева — Бомбей.

Да, думал Бонд, глядя на блестящую воду озера, именно так это все и выглядело — перманентная контрабандная карусель с минимальным риском и максимальной прибылью. Как должен был веселиться Голдфингер, нажимая на клаксон и

проезжая мимо восхищенных полицейских трех стран! Он, казалось, обладал вечной тайной — философским камнем, золотым пальцем. Если бы он не был таким неприятным человеком и не работал на СМЕРШ, Бонд испытывал бы восхищение перед столь выдающимся мошенником, деятельность которого была настолько масштабной, что привела в волнение даже Английский банк. Но в данной ситуации Бонд хотел только уничтожить Голдфингера, заполучить его золото и посадить его самого за решетку. Страсть Голдфингера к золоту была слишком всепоглощающей, слишком безжалостной, слишком опасной, чтобы позволить ему действовать и дальше.

Было восемь часов вечера. «Энциан», дистиллированная огненная вода, причина хронического алкоголизма швейцарцев, потихоньку согревала желудок Бонда и снимала напряжение. Он заказал еще двойную порцию водки, капусту и графин вина.

Так, а что с девушкой, этой симпатичной шутницей, возникшей вдруг по пути? Что же ей, черт побери, нужно? Эта ее история с гольфом. Бонд встал и пошел к телефону, висящему в будке в конце зала. Он позвонил в «Журналь де Женев» спортивному редактору. Тот информацию дал, но

был очень удивлен. Нет. Конечно, в Швейцарии летом проводятся многие чемпионаты, когда заканчиваются национальные розыгрыши. То же самое происходит и в других европейских странах. Они любят привлекать как можно больше английских и американских игроков, это увеличивает посещаемость. Не за что, месье.

Бонд вернулся к столу и приступил к ужину. Вполне достаточно. Кем бы она ни была, она явно дилетантка. Ни один профессионал не воспользуется «легендой», которую можно разрушить одним звонком. В глубине мозга Бонда — абстрактно, поскольку девушка ему нравилась и возбуждала его, — сидела мыслишка, что она могла быть агентом СМЕРШа, следящим за Голдфингером, Бондом или ими обоими. Она обладала некоторыми качествами тайного агента — независимостью, сильным характером, способностью действовать самостоятельно. Но эта версия отпадала. У нее явно отсутствовала подготовка.

Бонд заказал кусочек грюйера, ржаной хлеб и кофе. Нет, она все-таки оставалась загадкой. Бонд только молился, чтобы у нее не оказалось каких-нибудь персональных идей, связанных с Голдфингером или с ним самим, которые сорвали

бы ему всю операцию.

А его задание было так близко к завершению! Все, что оставалось, — это воочию убедиться в правильности его предположений. Один взгляд на цех в Копэ, одна крупинка золотой пыли — и он может этой же ночью ехать в Берн и там передать все это в посольство. Потом Английский банк тихо-мирно заморозит все счета Голдфингера во всем мире, и, возможно, уже завтра специальное подразделение швейцарской полиции постучит в дверь «Энтерпрайз Аурик». Последует конфискация. Голдфингера отправят в Брикстон, и начнется спокойное, довольно сложное дело в одном из судов — Мэйдстоуне или Льюисе, — специализирующихся на контрабанде. Голдфингер получит несколько лет, его натурализацию аннулируют, а его золото, нелегально экспортированное, вернется в сейфы Английского банка. СМЕРШ будет скрежетать зубами и добавит еще один лист в пухнущее досье Бонда.

Пора было двигаться. Бонд расплатился, сел в машину, пересек Рону и медленно поехал по набережной. Для его целей ночь была не очень подходящей. Луна освещала дорогу, выглядывая из-за облаков, не было ни малейшего ветерка, который помог бы ему скрытно прокрасться че-

рез лес к строениям. Что ж, торопиться некуда. Они, вероятно, будут работать всю ночь. Ему придется быть крайне осторожным. Бонд мысленно представил себе место предстоящих действий, которое он хорошо запомнил в предыдущий визит.

Он ехал той же дорогой, что и днем. Съехав с основной магистрали, он погасил дальний свет, оставив только подфарники. Развернув машину в обратную сторону. Бонд выключил двигатель. Некоторое время он тихо сидел, прислушиваясь. В звенящей тишине слышно было лишь потрескивание остывающего двигателя и тиканье часов на приборной панели. Бонд вылез из машины, закрыл дверцу и бесшумно двинулся вниз по узкой тропинке между деревьев.

Теперь стал слышен звук работающего генератора. Казалось, он был наполнен скрытой угрозой. Бонд пролез между металлическими прутьями и остановился, вслушиваясь. Пуфф... Пуфф... Пуфф... Огромная железяка стучала прямо в мозгу. Бонд ощутил дрожь, знакомую каждому человеку со времени его первой в жизни игры в прятки в темноте, и усмехнулся своей животной реакции на опасность. Какие первобытные ассоциации вызвал этот звук работающего механизма, идущий из-под крыши с длинной трубой?

Дыхание динозавра в пещере? Бонд напрягся и шаг за шагом начал продвигаться вперед, избегая наступать на маленькие ветки, ставя ноги так аккуратно, как будто шел по минному полю.

Деревья редели. Скоро он дойдет до места, которое облюбовал днем. Он присмотрелся и замер, сердце бешено колотилось. Возле его пня, распластавшись на земле, лежал человек.

Бонд глубоко и медленно задышал, стараясь унять волнение. Он вытер вспотевшие ладони о штаны, медленно опустился на четвереньки и пополз вперед.

Человек зашевелился, чуть изменив позу. Легкий ветерок качнул кроны деревьев, и мелькнувшая луна на мгновение осветила лежащего. Бонд успел заметить черные волосы, черный свитер, узкие черные брюки. И еще — металлический блеск.

Бонд медленно наклонил голову и посмотрел вниз между раздвинутыми руками. Под ним лежала та девушка, Тилли. Она наблюдала за строениями внизу. Рядом с ней — готовая к стрельбе винтовка, видимо, до этого спрятанная среди клюшек для гольфа. Вот дура чертова!

Бонд медленно расслабился. Не важно, кто она и что ей нужно. Он прикинул расстояние, рассчи-

тывая каждый шаг, траекторию прыжка. Левая рука — на шею, правая — на винтовку. Пошел!

Бонд приземлился девушке на спину. От удара у нее перехватило дыхание. Пальцы Бонда нашли и зажали сонную артерию, другая рука легла на винтовку. Он ощупал ее, убедился, что предохранитель не снят, и отшвырнул оружие в сторону.

Затем он ослабил хватку и убрал руку с горла девушки, предварительно зажав ей рот. Он чувствовал, как тело под ним дергается, требуя кислорода. Девушка была без сознания. Бонд осторожно завел ей руки за спину и крепко сжал. Девушка забилась и начала брыкаться. Бонд навалился животом ей на ноги, прижимая их к земле, отметив про себя крепость ее мускулатуры. В руку, зажимавшую рот, пытались вцепиться зубы. Бонд приник к уху девушки и зашептал:

— Тилли, ради бога! Успокойтесь! Это я. Бонд. Я ваш друг. Это очень важно. Вы ничего не знаете и не понимаете. Успокойтесь и выслушайте меня!

Зубы перестали скрести по ладони, тело расслабилось, сопротивление стихло. Немного спустя девушка кивнула.

Бонд сполз с нее и лег рядом, по-прежнему не отпуская ее руки.

— Отдышитесь. Только ответьте. Вам нужен

Голдфингер?

Бледное лицо отвернулось в сторону, и девушка произнесла:

— Я хотела убить его.

Хм, еще одна девица, которую Голдфингер направил на путь истинный. Бонд отпустил ее руки. Все тело девушки сотрясалось от усталости и нервного напряжения, плечи вздрагивали. Бонд протянул руку и стал успокаивающе и нежно гладить ее по голове. Глаза его были устремлены на спокойный, неизменный пейзаж внизу. Неизменный? Что-то было не так. Радар на крыше. Он больше не двигался, остановившись в их направлении. Бонд не придал этому значения. Девушка больше не плакала. Бонд снова приник к ее уху. Волосы Тилли пахли жасмином. Он прошептал:

— Не волнуйтесь, мне он тоже нужен. И я смогу причинить ему гораздо больше вреда, чем вы. Меня прислали из Лондона специально по его душу. Что он вам сделал?

Она прошептала очень тихо:

— Он убил мою сестру. Вы ее знали — Джил Мастертон.

— Как это произошло? — резко спросил Бонд.

— Раз в месяц он спит с женщинами. Джил мне рассказала об этом, как только поступила к нему

на службу. Он их гипнотизирует, а потом он... он покрывает их золотом.

— Боже! Но зачем?

— Не знаю. Джил говорила, что он помешан на золоте. Мне кажется, что он думает... ну, думает, что таким образом он овладевает им. Ну, вроде как женится на золоте, в буквальном смысле. Его корейский слуга красит их, оставляя непокрытым только позвоночник. Джил не могла этого объяснить. Я выяснила, что в этом случае они не умирают. Если покрасить все тело, то кожа перестает дышать — поры закупориваются. И тогда человек умирает. Потом кореец их чем-то отмывает, Голдфингер платит им тысячу долларов и отправляет домой.

Бонд представил себе монстра На Все Руки с горшочком золотой краски, горящие глаза Голдфингера, устремленные на сверкающую живую скульптуру.

— Что произошло с Джил?

— Она позвонила и попросила приехать. Она лежала в реанимации в госпитале Майами. Голдфингер вышвырнул ее. Она умирала. Врачи не могли понять, в чем дело. Она успела рассказать мне, что произошло, что он с ней сделал. В ту же ночь она умерла. — Голос девушки звучал

сухо, без интонаций. — Вернувшись в Англию, я пошла к Трэйну, крупнейшему специалисту-дерматологу, и он объяснил мне про закупорку пор. Такая вещь случилась однажды с актрисой кабаре, изображавшей серебряную статую. Он рассказал мне в деталях об этом случае и показал результаты вскрытия. И тогда я поняла, что случилось с Джил. Голдфингер покрасил ее всю. С ног до головы. Он убил ее. Это была месть. Месть за то, что она пошла с вами.

Помолчав, девушка грустно продолжала:

— Она рассказала мне о вас. Вы... вы ей нравились. Она просила меня, если я вас встречу, отдать вам вот это кольцо.

Бонд закрыл глаза, пытаясь справиться с накатившей на него волной отвращения. Еще смерть! Еще кровь на его руках! Теперь это последствия небрежного жеста, совершенно ненужной бравады, приведшей к приятно проведенному времени с красивой девушкой, которая ему понравилась. А под конец даже больше, чем понравилась. И этот мелкий укол, нанесенный им Голдфингеру, был возвращен ему сторицей.

«Она от меня ушла»... Спокойные слова, произнесенные два дня назад в Сандвиче. Как должен был веселиться Голдфингер, произнося их! Бонд

сжал кулак так, что ногти впились в ладонь. Он во что бы то ни стало повесит на Голдфингера это убийство, пусть даже это будет последним деянием в его жизни. Что же до него самого... Бонд знал, что эту смерть он не сможет списать на специфику своей работы. Гибель Джил будет на его совести до конца дней.

Девушка между тем сняла с пальца кольцо — руки, держащие золотое сердце, — и протянула его Бонду. Узенький золотой кружочек сверкнул в лунном свете.

Звук, донесшийся до слуха Бонда, был чем-то средним между шипением и свистом. Раздался глухой стук, и перед глазами Бонда затрепетало алюминиевое оперение стальной стрелы, впившейся в дерево. Золотое кольцо Джил, нанизанное на стрелу, с тихим звоном скользнуло вниз по древку.

Медленно и почти равнодушно Бонд повернул голову. Ярдах в десяти, наполовину в тени, наполовину на свету стоял в стойке дзюдоиста человек в котелке. В руках он держал натянутый лук, нацеленный в промежуток между лицами Бонда и Тилли.

— Не двигайтесь, — выдохнул Бонд и громко произнес: — Привет, На Все Руки. Великолепный

выстрел!

На Все Руки приподнял стрелу вверх. Бонд поднялся на ноги, прикрывая собой девушку.

— Он не должен видеть винтовку, — произнес Бонд, чуть шевеля губами, и обратился к На Все Руки, стараясь говорить спокойно и отчетливо. — Славное местечко облюбовал себе мистер Голдфингер. Я бы с удовольствием перекинулся с ним при случае парой слов. Сегодня, пожалуй, поздновато. Ты можешь сказать ему, что я приду завтра, — он повернулся к девушке. — Пойдем, дорогая. Мы уже нагулялись по лесу, пора возвращаться в гостиницу.

Бонд сделал шаг в направлении чащи. На Все Руки переступил с ноги на ногу, и наконечник стрелы смотрел теперь Бонду в живот.

— Ургх, — На Все Руки мотнул головой в сторону дома.

— О, ты считаешь, что он захочет нас увидеть сейчас? Хорошо. Но ты уверен, что мы его не потревожим? Пойдем, дорогая.

Бонд пошел налево от дерева, уходя дальше от лежащего в траве ружья.

Пока они медленно спускались вниз. Бонд тихо говорил девушке:

— Запомните, вы — моя подружка. Я привез вас

с собой из Англии. Изображайте удивление и интерес к нашему небольшому приключению. Мы попали в скверный переплет, но не пытайтесь ничего предпринять, — Бонд мотнул головой назад. — Этот человек — убийца.

— Если бы вы не встряли... — зло сказала девушка.

— К вам это тоже относится, — Бонд был резок. Затем смягчился. — Извините, Тилли, я не хотел. Но я сомневаюсь, что вам удалось бы завершить задуманное.

— У меня был четкий план, к полуночи я была бы уже за границей.

Бонд не ответил. Кое-что привлекло его внимание. Радар на высокой трубе снова начал вращаться. Так вот что выдало их присутствие, обнаружило их! Должно быть, эта штука — акустический детектор. Поистине, это не человек, а ящик с сюрпризами! Бонд не склонен был недооценивать Голдфингера. Может, стоило попробовать освободиться? Возможно, возьми он с собой «вальтер»... Нет. Бонд знал, что ему с корейцем не справиться. Теперь уже не справиться. Этот монстр был сама смерть. Был бы Бонд вооружен или нет, значение не имело: пытаться напасть на корейца все равно что атаковать танк.

Как только они вошли во двор, из двери черного хода выбежали еще двое корейцев, вероятно слуги из Рикалвера, и направились к ним. В руках у них были дубинки.

— Стоять!

У обоих на лицах были те самые улыбочки, которые столь живописно описывали Бонду люди станции «Джей», побывавшие в японских лагерях для военнопленных.

— Мы — обыскивать. Спокойно, иначе... — человек, произнесший эти слова, рубанул дубинкой по воздуху. — Руки вверх!

Бонд медленно поднял руки.

— Не реагируйте ни на что, что бы они ни делали, — сказал он девушке.

На Все Руки подошел ближе и грозно стоял рядом, наблюдая за обыском, который был сделан весьма профессионально. Бонд хладнокровно смотрел на руки, шарящие по телу девушки, на ухмыляющиеся физиономии.

— Хорошо. Пошли.

Их повели через дверь по каменному коридору в узкий холл перед входом в основное здание. В доме пахло именно так, как Бонд и предполагал: плесенью, благовониями и летом. Они подошли к белым дверям, и На Все Руки постучал в одну

из них.

— Да?

На Все Руки распахнул дверь и втолкнул Бонда и девушку внутрь.

Голдфингер сидел за большим столом, заваленным документами. Рядом стояли металлические стеллажи с досье, на низеньком столике на расстоянии вытянутой руки — коротковолновый передатчик. Там же были панель управления и аппарат, похожий на барограф. Бонд решил, что вся эта техника связана с обнаружившим их радаром.

Голдфингер был одет в пурпурный смокинг и белую шелковую рубашку с открытым воротом, откуда виднелась рыжая растительность на груди. Он сидел, выпрямившись на стуле с высокой спинкой, его светло-голубые глаза были устремлены на Бонда. На девушку он даже не взглянул. В его глазах не было удивления, не было ничего, кроме холодной суровости.

— Послушайте, Голдфингер, какого черта! — взревел Бонд. — Вы натравили на меня полицию из-за каких-то десяти тысяч долларов. Мне очень захотелось узнать, зачем вам это понадобилось! Я поехал за вами следом с моей девушкой, мисс Соме. Мы с ней прошли по лесу, я знаю, мы нару-

шили право собственности, но мне необходимо было вас поймать, пока вы опять куда-нибудь не удрали, не могу же я вечно за вами гоняться. А тут является эта ваша обезьяна и чуть не пристреливает нас своими стрелами! Потом еще пара ваших вшивых корейцев хватает нас и обыскивает! В чем дело, черт побери?! Если вы не дадите мне удовлетворительного ответа и не принесете извинения, я натравлю на вас полицию!

Спокойный, холодно равнодушный взгляд Голдфингера не изменился. Казалось, он не слышал этого взрыва негодования рассерженного джентльмена. Узкие губы чуть раздвинулись, и он произнес:

— Мистер Бонд, в Чикаго говорят: «Однажды — это случайность, дважды — совпадение. Трижды — враждебные действия». Майами, Сандвич, теперь Женева. Я хочу выжать из вас правду.

Он медленно перевел глаза за голову Бонда.

— На Все Руки. Комната испытаний.

14. Комната испытаний

Реакция Бонда была чисто рефлекторной, никакой причины для этого не было. Он сделал быстрый шаг вперед и бросился через стол на Голдфингера. Его тело проехало по столу среди бумаг, и он врезался головой прямо в грудь Голдфингера. Удар заставил Голдфингера пошатнуться. Бонд откинулся назад на край стола, оттолкнулся и ринулся снова вперед. Стул опрокинулся, оба упали на пол, пальцы Бонда вцепились в горло Голдфингера и надавили со всей силой.

Затем весь дом обрушился на Бонда, кусок дерева ударил его в основание черепа, он скатился с Голдфингера на пол и затих.

Круги света, среди которых вращался Бонд, постепенно превратились в один циклопий глаз. Вокруг горящего зрачка было что-то написано. Это было послание, важное послание для него. Он должен его прочесть. Осторожно, разбирая по буковке. Бонд прочитал — Акционерное общество «Мазда». Что это означало? В лицо Бонда плеснула тугая струя воды. Вода залила ему глаза и рот. Отплевываясь, он попытался пошевелиться. И

не смог. В глазах его просветлело, в мозгу тоже. Основание черепа болело ужасно. В глаза Бонду светила мощная многоваттная лампа. Он лежал на чем-то вроде стола, руки и ноги его были привязаны к ножкам. Он пощупал поверхность пальцами — полированный металл.

Бесцветный и равнодушный голос Голдфингера произнес:

— Теперь можно начинать.

Бонд повернул голову на голос. В глазах рябило от света. Он сильно сжал веки и открыл глаза снова. Голдфингер сидел в плетеном кресле. Он снял с себя смокинг и был в одной рубашке. На шее у него были видны красные полосы. На стол рядом с ним находились различные приспособления, металлические инструменты и панель управления. По другую сторону стола сидела Тилли Мастертон. Она была привязана к стулу за запястья и щиколотки. Тилли, сидевшая ровно и прямо, как школьница в классе, была очень красива, но выглядела обалдевшей и несколько пришибленной. Она смотрела на Бонда отсутствующим взглядом. Либо загипнотизирована, либо накачана наркотиками.

Бонд повернул голову вправо. В нескольких футах от стола стоял кореец. Голый по пояс, он по-

прежнему был в котелке. Грудные мышцы были величиной с большие тарелки, а живот выглядел впалым под широченной грудной клеткой. Бицепсы и предплечья были толстыми, как бедра. Раскосые глаза маслились от удовольствия. Рот, полный черных зубов, был растянут в плотоядной ухмылке.

Бонд приподнял голову и глянул по сторонам, превозмогая боль в затылке. Они находились в одном из цехов. Горели электрические печи, откуда-то доносился звук работающего генератора, приглушенный шум пресса и далекий рокот электростанции.

Бонд посмотрел на стол, к которому был привязан. Посередине полированной поверхности стола шла узкая щель. В конце, между его раздвинутыми ногами, была установлена циркулярная пила.

Бонд уставился на маленькое послание, написанное на лампе. Голдфингер заговорил спокойным тоном, как будто вел светскую беседу. Бонд постарался включиться и стал слушать.

— Мистер Бонд, слово «боль» [pain (англ.)] происходит от латинского «poena», что означает «наказание», то есть расплату. Вы теперь должны заплатить за любопытство, проявленное в отно-

шении моей деятельности и, как я предполагаю, отнюдь не с дружественной целью. Как говорят, любопытной Варваре на базаре нос оторвали. На сей раз мне придется «оторвать нос» двум Варварам, поскольку, я боюсь, девушку тоже придется отнести к категории врагов. Она сказала, что остановилась в «Берге». Одного телефонного звонка хватило, чтобы выявить ложь. Я послал На Все Руки туда, где вы прятались, и он нашел там винтовку и кольцо, которое я опознал. А под гипнозом она рассказала и все остальное. Эта девушка пришла сюда, чтобы убить меня. Возможно, и вы тоже. Вы оба провалились. Теперь пришло время для «poena». Мистер Бонд, — голос звучал устало и равнодушно, — у меня в свое время было много врагов. Я очень удачлив и неимоверно богат, а богатство, позвольте познакомить вас с еще одним моим афоризмом, не прибавляет друзей, но сильно увеличивает количество врагов.

— Вот это сказано очень точно.

Голдфингер проигнорировал реплику.

— Если бы вы были свободны от государственной службы, с вашим розыскным талантом вам удалось бы обнаружить по всему миру останки тех, кто желал мне вреда или кто пытался убрать

меня.

Как я уже сказал, таких людей было много, и вы, мистер Бонд, увидели бы, что их останки похожи на то, что остается от ежей, размазанных на дороге колесами автомобилей.

— Очень поэтическое сравнение.

— Я поэт в своих действиях, мистер Бонд, а не в словах. Всем своим действиям я стараюсь придать наиболее оптимальную форму. Но это просто к слову. Я хотел донести до вас, что тот день, когда вы впервые встали на моем пути, был вашим самым несчастным днем, ведь хоть и незначительно, вы повредили маленькому проекту, над которым я работал. В тот раз кто-то другой получил «poena», которая предназначалась вам. Око за око, но в тот раз не ваше. Вам повезло, и если бы вы обратились за консультацией к оракулу, он бы сказал вам: «Мистер Бонд, вам очень повезло. Держитесь подальше от Аурика Голдфингера. Это очень могущественный человек. Если бы мистер Голдфингер хотел уничтожить вас, ему достаточно было бы шевельнуть мизинцем».

— Вы очень живо излагаете ваши мысли.

Бонд повернул голову. Большая огненная мячеподобная голова слегка наклонилась вперед. Круглое луновидное лицо было бесстрастным

и равнодушным. Рука потянулась к панели управления и нажала на рычаг. В конце стола, на котором лежал Бонд, раздался металлический скрежет, быстро перешедший в гудение, а потом в почти неслышный свист. Бонд отвернулся. Насколько быстро он умрет? Может ли он каким-то образом избежать смерти? Один его друг пережил пытки в гестапо. Он рассказывал Бонду, как пытался покончить с собой, задержав дыхание. Сверхчеловеческим усилием воли задержав дыхание на несколько минут, он впал в бессознательное состояние, но вместе с потерей сознания отключилась и воля. И врожденный инстинкт, тяга к жизни заставила легкие снова заработать. Но попробовать можно. Ничто другое не поможет ему не чувствовать боли, пока не наступит благословенное небытие. Смерть была единственным выходом. Он знал, что не сможет умолять Голдфингера и потом спокойно жить, даже если, что весьма маловероятно, от Голдфингера можно откупиться правдой. Нет, ему нужно придерживаться своей хилой легенды и надеяться на то, что тем, кто после него пойдет по следу Голдфингера, повезет больше. Кого выберет М.? Наверное, 008, второго по списку убийцу в их маленьком отделе из трех человек. Он был сильным

агентом, более осторожным, чем Бонд. М. узнает, что Голдфингер убил Бонда, и даст 008 разрешение убить его в ответ, 258-й в Женеве введет его в курс дела, закончив отчетом Бонда о первом визите на «Энтерпрайз Аурик». Да, судьба настигнет Голдфингера, если Бонд будет держать язык за зубами. Если же он расколется, Голдфингер выйдет сухим из воды. Этого допустить нельзя.

— Ну, мистер Бонд, хватит любезничать, — голос Голдфингера стал резким. — Пойте, как говорят мои чикагские друзья, и вы умрете быстро и безболезненно. И девушка тоже. А не запоете, ваша смерть будет как один долгий крик. А девушку я отдам На Все Руки, как кота, на ужин. Что вы предпочитаете?

— Не будьте идиотом, Голдфингер. Я сказал друзьям в «Юниверсал», куда я иду и почему. Родители девушку знают, что она поехала со мной. Я навел справки об этом вашем предприятии перед тем, как идти сюда. Наш путь легко проследить. «Юниверсал» — могущественная фирма. Полиция вами займется через несколько дней после нашего исчезновения. Давайте договоримся. Вы делаете глупейшую ошибку. Мы с девушкой абсолютно невинные люди.

— Боюсь, вы не понимаете, мистер Бонд, — про-

изнес Голдфингер скучным тоном. — Что бы вам ни удалось узнать обо мне, а я думаю, узнали вы немного, это капля в море. Я связан с огромными предприятиями. Отпустить кого-нибудь из вас было бы верхом глупости. Это не подлежит обсуждению. Что касается полиции, то я буду счастлив принять их у себя. Те из моих корейцев, кто умеет разговаривать, будут молчать, так же как и мои электрические печи, где мы сожжем вас и все ваши принадлежности при температуре две тысячи градусов.

Нет, мистер Бонд, выбирайте. Может быть, я подтолкну вас к принятию решения (скрежет пилы усилился). Теперь пила приближается к вашему телу со скоростью дюйма в минуту. А пока, — он глянул на На Все Руки и поднял палец, — небольшой массаж. Для начала только первой степени. Вторая и третья степени более убедительны.

Бонд закрыл глаза. Тяжелый звериный запах корейца обволакивал его. Большие жесткие пальцы методично и аккуратно начали обработку. Нажим здесь одновременно с нажимом там, внезапное сжатие, пауза, затем быстрый резкий удар. Бонд сжал зубы, рискуя сломать челюсть. От боли у него перед глазами заходили круги.

Скрежет пилы становился все громче. Этот звук напомнил Бонду о давних летних вечерах дома в Англии. Дом? Вот его дом, этот кокон опасности, в котором он предпочитает жить. А здесь он будет похоронен в углу плавильной печи с температурой 2000оС. Боже, упокой душа джентльмена из Секретной службы! Какую бы эпитафию он себе выбрал? Каким должно быть его знаменитое последнее слово? У человека нет выбора при рождении, но он может сам выбрать, какой смертью ему умирать. Да, это хорошо должно выглядеть на надгробной плите — не «Уметь жить», а «Уметь умереть».

— Мистер Бонд, — в голосе Голдфингера появилась напряженная нотка. — Неужели это так необходимо? Только скажите мне правду. Кто вы? Кто вас сюда направил? Что вам известно? Потом все будет очень просто. Вам обоим дадут по таблетке. Никакой боли. Все равно что принять снотворное. А иначе это будет так грубо, грубо и мучительно. Разве это честно с вашей стороны по отношению к девушке? Разве это соответствует кодексу чести английского джентльмена?

На Все Руки остановился. Бонд медленно повернул голову на голос и открыл глаза.

— Голдфингер, мне больше нечего сказать, по-

тому что нечего говорить. Если мое предложение вас не устраивает, я сделаю другое. Девушка и я будем работать на вас. Как насчет этого? Мы с ней способные люди. Вы могли бы нас хорошо использовать.

— И получить нож, даже два в спину? Благодарю покорно, мистер Бонд, нет.

Бонд решил, что пора замолчать. Пора было собирать всю волю в кулак и держаться, пока не умрет. Бонд вежливо сказал:

— В таком случае вы можете поиметь самого себя.

Он выдохнул весь воздух из легких и закрыл глаза.

— Даже я не могу этого, — ответил с юмором Голдфингер. — Теперь, поскольку вы выбрали путь стоика, а не слизняка, я должен получить как можно больше от вашего решения. Придется сделать ваш путь как можно более тернистым. На Все Руки, вторая степень.

Пила приближалась. Теперь Бонд ощущал ветерок между колен от ее вращения. Руки снова коснулись его тела.

Бонд считал медленный пульс, который заполнил казалось, все тело. Он был похож на тяжелый ритм электростанции в другом конце завода,

но постепенно замедлялся. Если бы он мог затихать побыстрее. Что за идиотская воля к жизни, которая отказывается подчиняться мозгу? Что заставляет мотор работать, когда бак уже пуст? Но ему нужно освободить голову от мыслей, как тело от кислорода. Он должен превратиться в вакуум, глубокий колодец небытия.

Свет по-прежнему пробивался сквозь веки. По-прежнему он ощущал нарастающее давление в висках. По-прежнему жизнь билась у него в ушах.

Сквозь стиснутые зубы пытался прорваться крик.

Умирай, черт возьми, умирай, умирай, черт возьми, умирай, умирай, умирай...

15. Последнее и главное

Крылья ангелов, райский хор, песнь небесных глашатаев — что еще следовало ему помнить о рае? Все полностью соответствовало услышанному им во младенчестве: ощущение полета, тьма, звучание миллионов арф. Ему действительно стоит попытаться запомнить хотя бы кое-что. Так, теперь посмотрим, что дальше, за вратами рая...

Глубокий отеческий голос звучал в ушах:

— Говорит капитан. (Ну-ну. Кто это? Святой Петр?) Мы идем на посадку. Пристегните, пожалуйста, ремни и погасите сигареты. Спасибо.

Должно быть, их много, отправляющихся вместе. Интересно, а Тилли тоже здесь? Бонд смущенно дернулся. Как ему представить ее другим? А может, это большое пространство со странами и городами? У него, вероятно, там будет не больше шансов встретить какую-нибудь из своих бывших девушек, чем на Земле. Но все-таки была куча публики, с которой он предпочел бы не встречаться... А может быть, поскольку здесь так много любви, это не имеет значения? Возможно, здесь человек любит всех девушек,

однажды встреченных? Хм. Тяжелое дело.

И с этими неземными мыслями Бонд снова погрузился в бессознательное состояние.

Следующее, что он ощутил, было приятное чувство покачивания. Он открыл глаза, но тут же закрыл их снова, ослепленный солнцем. Голос сзади над ним произнес:

— Глянь-ка, друг. Этот скат значительно более мокрый, чем кажется.

Почти одновременно последовал сильный толчок. Уверенный голос сказал:

— И ты мне это говоришь! Какого черта они не положат резиновое покрытие?

Прекрасные способ излагать свои мысли в таком месте, зло подумал Бонд. Поскольку я новенький, они считают, что их никто не слышит.

Раздался звук открывающейся двери, и что-то ударило Бонда по локтю.

— Эй! — воскликнул он и попытался дотянуться до локтя, чтобы потереть его, но руки не подчинялись ему.

— Надо же. Эй, Сэм, позови-ка дока. Этот, кажется, очухался.

— Щас! Положи-ка его пока рядом с другими носилками.

Бонд почувствовал, как его подняли. Стало

прохладнее. Он открыл глаза и увидел над собой типичную круглую бруклинскую физиономию. Глаза поймали его взгляд и улыбнулись. Металлические ножки носилок коснулись пола.

— Как дела, мистер?

— Где я?

В голосе Бонда слышались панические нотки. Он попытался встать и не смог. Все тело его покрылось потом. Боже! Неужели это еще прежняя жизнь? При мысли об этом его охватила тоска, и слезы потекли по его щекам.

— Эй, эй! Спокойно, мистер. С вами все в порядке. Это Айдлуайлд, Нью-Йорк. Вы в Америке. Уже все хорошо, слышь?

Мужчина выпрямился. Он явно принимал Бонда за беженца.

— Давай, Сэм, двигай. Этот парень в шоке.

— Ладно, ладно, — и оба голоса удалились, что-то беспокойно бормоча.

Бонд обнаружил, что может вертеть головой. Он огляделся. Он находился в белом помещении, видимо как-то связанном с медицинской частью аэропорта. Здесь стоял ряд узких кроватей, солнце светило в высокие окна, но было прохладно, работал кондиционер. Он лежал на носилках, стоящих на полу. Рядом с ним стояли еще одни.

Бонд повернул голову: на вторых носилках лежала Тилли. Она была без сознания. Ее бледное лицо, обрамленное темными волосами, смотрело в потолок.

Дверь в покой отворилась. Доктор в белом халате вошел и придержал ее. Голдфингер, выглядевший оживленным и доброжелательным, быстро прошел между кроватями. За ним следовал На Все Руки. Бонд закрыл глаза. Боже! Значит, вот оно как.

Шаги остановились возле его носилок, и голос Голдфингера произнес:

— Что же, доктор, они, несомненно, выглядят неплохо. Вот одно из преимуществ, которые дают деньги. Когда друг или кто-то из персонала заболел, можно обеспечить ему наилучший медицинский уход. Нервный срыв у обоих. И в течение одной недели! Вы можете в это поверить? Но мне некого винить, кроме себя самого: заставил их слишком много работать. Теперь мой долг снова поставить их на ноги. Доктор Фош (кстати, лучший специалист в Женеве) высказался вполне определенно. «Лучшее для них лекарство — отдых, мистер Голдфингер, — сказал он. — Отдых, отдых и еще раз отдых». Он дал им транквилизаторы, и теперь они едут в Харкнесс-

павильон.

Голдфингер добродушно засмеялся:

— Что посеешь, то и пожнешь, а, доктор? Поставив в Харкнесс рентгеновское оборудование на миллион долларов, я совершенно не рассчитывал получить что-нибудь взамен. Но в данном случае? Мне стоило только позвонить, и для них тут же нашли две прекрасные палаты. Теперь, — послышался шорох банкнот, — спасибо вам за беспокойство и помощь с иммиграционным отделом. К счастью, у них обоих действующие визы, и я думаю, что иммиграционный отдел удовлетворился тем, что мистер Аурик Голдфингер гарантирует — ни один из них не собирается силой свергнуть правительство Соединенных Штатов.

— Да, конечно, и спасибо, мистер Голдфингер. Все, что могу для вас... Как я понял, на улице стоит ваша личная машина «скорой помощи».

Бонд открыл глаза и посмотрел на врача. Он увидел симпатичного молодого человека в очках и с короткой стрижкой. Бонд спокойно и абсолютно искренне сказал:

— Доктор, с девушкой и со мной абсолютно все в порядке. Нас накачали наркотиками и доставили сюда против нашей воли. Никто из нас не

работает и никогда не работал на Голдфингера. Я предупреждаю вас, что нас похитили. Я требую начальника иммиграционного отдела. У меня есть друзья в Вашингтоне и Нью-Йорке, они поручатся за меня. Прошу вас мне верить.

Бонд не сводил глаз с врача, пытаясь убедить его в своей правоте.

Доктор забеспокоился. Он повернулся к Голдфингеру. Голдфингер покачал головой, чуть-чуть, чтобы не обидеть Бонда, и беспомощно вздернул брови.

— Видите, что я имел в виду, доктор? Вот так уже несколько дней. Полный нервный спад в сочетании с манией преследования. Доктор Фош сказал, что так часто бывает. Ему потребуется провести несколько недель в Харкнессе. Но я доведу его лечение до конца, чего бы это ни стоило. Думаю, сейчас на него повлияло незнакомое окружение. Может быть, успокоительный укол...

Врач наклонился к своему чемоданчику.

— Надеюсь, вы правы, мистер Голдфингер. Поскольку Харкнесс займется этим случаем...

Послышался звон инструментов.

— Это ужасно грустно — видеть в таком состоянии человека, который был одним из лучших моих помощников. — Голдфингер улыбнулся

Бонду ласковой отеческой улыбкой. Голос его был преисполнен заботы. — С тобой все будет в порядке, Джеймс. Расслабься и поспи. Боюсь, что перелет был для тебя слишком тяжел. Успокойся и предоставь все мне.

Бонд чувствовал тампон на руке. Помимо воли с губ его посыпался поток ругательств. Затем в руку вонзилась игла. Бонд вскрикнул и кричал, кричал, пока врач, склонившись над ним, деликатно и терпеливо стирал пот с его лба.

Теперь он находился в серой маленькой комнате без окон. Комната освещалась лампой, висящей посередине потолка. Вокруг лампы были расположены вентиляционные решетки, и в комнате стоял нейтральный запах воздуха, подаваемого через кондиционер. Бонд обнаружил, что может сесть. И сел. Он чувствовал себя немного пришибленно, но хорошо.

Он вдруг почувствовал, что ужасно голоден и хочет пить. Когда он в последний раз ел? Два, три дня назад? Бонд спустил ноги с кровати. Он был абсолютно голый. Внимательно себя осмотрев, он не обнаружил никаких повреждений, кроме следов от инъекций. На Все Руки действовал очень аккуратно. Бонд встал, преодолевая головокружение, и сделал несколько шагов по комнате. Он

лежал на кровати типа судовой койки, с ящиками под ней. Единственной мебелью, помимо койки, был пустой стол и деревянный стул. Все чисто, функционально, по-спартански. Бонд встал на колени и выдвинул ящики. В них лежало все содержимое его чемодана, кроме часов и пистолета. Даже его тяжелые ботинки, которые он обул, отправляясь на «Энтерпрайз Аурик», были здесь. Он повернул один из каблуков и нажал. Широкое обоюдоострое лезвие выскочило из подошвы. Если держать ботинок за каблук, он вполне походил на кинжал. Бонд проверил второй ботинок, вернул каблуки на место и оделся. Обнаружив свои сигареты и зажигалку, закурил. В помещении было две двери, одна из которых с ручкой. Бонд открыл ее. Она вела в маленькую, хорошо оборудованную ванную комнату и туалет. Его банные и бритвенные принадлежности были аккуратно разложены по местам. Рядом лежали вещи Тилли. Бонд тихо открыл вторую дверь из ванной комнаты. За ней располагалась такая же комната, как у него. На кровати, разметав свои черные волосы, лежала Тилли Мастертон.

Бонд на цыпочках приблизился к ней и посмотрел. Она спокойно спала, улыбаясь во сне. Бонд вернулся в ванную, тихо закрыл дверь, и посмот-

рел на себя в зеркало. Щетина больше смахивала на трехдневную, чем на двухдневную. Он начал приводить себя в порядок.

Полчаса спустя, когда Бонд уже сидел на кровати и размышлял, дверь без ручки резко распахнулась и на пороге появился На Все Руки. Глаза его равнодушно глянули на Бонда и внимательно обежали комнату. Бонд резко сказал:

— На Все Руки, я хочу есть, и быстро. Еще бутылку: бурбона и содовую со льдом, а также пачку «Честерфилда» и либо мои собственные часы, либо другие не хуже. Давай, быстро! Топ-топ! И скажи Голдфингеру, что я хочу его видеть, но не раньше, чем поем. Давай! Двигай! Не стой как истукан! Я голоден.

На Все Руки дико глянул на Бонда, как бы обдумывая, что бы ему переломать. Он открыл рот, издав нечто среднее между рыганием и рычанием, сплюнул на поп, и вышел, резко закрыв дверь. Однако ожидаемого треска не последовало. Дверь в последний момент закрылась мягко и беззвучно, с двойным щелчком.

Эта стычка вернула Бонду хорошее настроение. По какой-то причине Голдфингер раздумал убивать его. Скоро станет ясно, зачем они понадобились ему живыми, но раз так, он предпочитает

играть по своим правилам, согласно которым нужно поставить На Все Руки и других корейцев на место, которое, по мнению Бонда, было значительно ниже обезьян в иерархии млекопитающих.

К тому времени, когда один из корейцев принес великолепный завтрак, включая все заказанное, и его часы. Бонд не узнал ничего нового, кроме того, что его комната расположена недалеко от воды и от железнодорожного моста. Если исходить из того, что он в Нью-Йорке, это либо Гудзон, либо Ист-Ривер. Железная дорога была электрической и походила на подземку, но Бонд плохо знал географию Нью-Йорка, чтобы определиться точно. Часы его стояли. На вопрос, который час, он ответа не получил.

Бонд очистил весь поднос и сидел с сигаретой, потягивая виски с содовой, когда дверь открылась и вошел Голдфингер. Один. На нем был строгий костюм бизнесмена, он выглядел благодушным и довольным. Голдфингер закрыл за собой дверь и стал спиной к ней, внимательно глядя на Бонда, который, продолжал курить, вежливо смотрел на него.

— Доброе утро, мистер Бонд. Я вижу, вы стали самим собой. Надеюсь, вы предпочитаете быть

здесь, чем быть покойником. Чтобы избавить вас от необходимости задавать вопросы, я скажу вам, где вы находитесь и что с вами произошло. Затем я сделаю вам предложение, на которое хочу получить прямой ответ. Поскольку вы более разумный человек, чем многие другие, я ограничусь лишь небольшим предупреждением. Не пытайтесь разыгрывать драму и нападать на меня с ножом, вилкой или бутылкой. Если вы предпримите подобную попытку, я вас застрелю вот из этого, — в руке Голдфингера оказался малокалиберный пистолет, который он сразу убрал обратно в карман. — Я очень редко прибегаю к оружию, однако, когда мне приходилось это делать, мне никогда не требовалось больше одной пули, чтобы убить человека. Я стреляю в правый глаз, мистер Бонд. И никогда не промахиваюсь.

— Не волнуйтесь. Я не настолько меток в метании бутылок, — сказал Бонд. Он сел, закинув ногу на ногу. — Продолжайте.

— Мистер Бонд, — любезно продолжал Голдфингер, — я эксперт не только по металлу, но и во многих других областях. Кстати, замечу, что чистота металла, ценность его по отношению к человеческому материалу значительно выше. Но иногда встречаются экземпляры, которым мож-

но найти применение. На Все Руки, например. Простой материал, годный только для ограниченного использования. В последний момент у меня дрогнула рука, я не решился уничтожить такой стойкий материал, каким являетесь вы. Я знаю, что совершил ошибку. Во всяком случае, я предприму меры, дабы оградить себя от последствий моего шага. Вы кое-что сказали и это спасло вам жизнь. В другое время я бы на это не пошел, но случилось так, что сейчас я занимаюсь одним делом, в котором вы оба можете мне немного помочь. Поэтому я рискнул. Я дал вам обоим наркотик, оплатил ваши счета в гостинице, забрал ваши вещи из «Берга», где мисс Мастертон была зарегистрирована под своей настоящей фамилией. От вашего имени я послал «Юниверсал экспорт» телеграмму. Вам предложили работу в Канаде, и вы полетели туда выяснить условия. Мисс Мастертон вы взяли с собой в качестве секретаря. Детали вы сообщите позже. Довольно неудачная телеграмма, но она сгодится на тот короткий период, на который мне нужны ваши услуги. (Не сгодится, подумал Бонд, если ты не включил туда условную фразу, подтверждающую для М. подлинность телеграммы. Теперь Секретной службе известно, что он работает «под

колпаком», и колесо закрутится очень быстро.) И если вы думаете, мистер Бонд, что можно проследить ваше местонахождение, что принятые мною меры недостаточны, то позвольте вам сказать, что меня больше не интересует ни ваше подлинное лицо, ни могущество вашей фирмы. Вы и мисс Мастертон просто исчезли. Как и я, и весь мой персонал. В аэропорту их направят в Харкнесс, в Пресвитерианский госпиталь. А там никогда не слышали ни о мистере Голдфингере, ни о его пациентах. В ФБР и ЦРУ на меня досье нет, поскольку у меня нет уголовного прошлого. Конечно, в иммиграционной службе есть сведения о моих приездах и отъездах, но это мало поможет. Что касается моего нынешнего местоположения и вашего, мистер Бонд, то мы находимся в складских помещениях Корпорации скоростных перевозок, в прошлом вполне респектабельного концерна, купленного мною через подставных лиц. Эти помещения переоборудованы, причем очень тщательно, под тайную штаб-квартиру для операции, о которой я упомянул вначале. Вы и мисс Мастертон будете находиться здесь. Здесь вы будете жить и работать и, возможно, хотя лично я сомневаюсь в склонности мисс Мастертон к этому, будете заниматься любовью.

— И в чем должна состоять наша работа?

— Мистер Бонд, — впервые со дня знакомства Бонд увидел на круглом, всегда бесстрастном лице Голдфингера признаки оживления, глаза его загорелись, узкие губы изогнулись в блаженной улыбке. — Мистер Бонд, всю свою жизнь я был влюблен. Влюблен в золото. Я люблю его цвет, блеск, его волшебную тяжесть. Я люблю все его свойства, я научился на ощупь определять его вес. Я люблю его теплое бульканье, когда оно плавится, превращаясь в золотой сироп. Но больше всего, мистер Бонд, я люблю власть, которую золото дает его владельцу, исполняя все желания и чаяния и при необходимости покупая тела, мозги, даже души. Да, мистер Бонд, всю свою жизнь я работал на золото, и в ответ оно работало на меня и на все то, что я совершал. Я спрашиваю вас, — Голдфингер пристально посмотрел на Бонда, — есть ли на Земле еще вещество, которое способно так отблагодарить своего владельца?

Многие становились богатыми и могущественными без единой унции золота. Но идея ваша мне понятна. Сколько вам удалось собрать и что вы с ним делаете?

— Я владею золотом на сумму порядка двадцати миллионов фунтов стерлингов, это примерно

равно золотому запасу небольшого государства. Сейчас оно все в Нью-Йорке. Я держу его там, где оно мне нужно. Мое золото, как удобрение, я раскидываю его то здесь, то там на земле, и, где бы я его ни кинул, оно дает цветы и плоды. Я собираю урожай и иду дальше. В данный момент я собираюсь подтолкнуть, заставить действовать с помощью моего золота одно американское предприятие. Поэтому золотые слитки сейчас в Нью-Йорке.

— Как вы выбираете поле деятельности? Что вас привлекает?

— Я выбираю те дела, которые увеличивают мой запас золота. Я инвестирую, занимаюсь контрабандой, краду. Позвольте привести сравнение: представьте себе историю в виде поезда, идущего сквозь время. Птицы и звери, потревоженные шумом проходящего состава, разлетаются, разбегаются в испуге или укрываются, думая, что спрячутся. Я же вроде ястреба, который летит за поездом. Вы, несомненно, могли наблюдать подобное, например, в Греции — летящего ястреба, готового схватить добычу, напуганную ходом поезда, ходом истории. Вот простой пример: исторический прогресс привел к появлению на свет человека, открывшего пенициллин. Одновре-

менно история создает мировые войны. Много народу умирает или боится умереть. Пенициллин может их спасти. Путем подкупа некоторых военных организаций на континенте я скупаю запас пенициллина. Я смешиваю его с каким-нибудь безвредным порошком или растворяю и продаю лекарство с огромной прибылью тем, кто в нем нуждается. Понятно, что я имею в виду, мистер Бонд? Вы караулите добычу, внимательно за ней следите, затем хватаете ее. Но, как я уже сказал, я сам не ищу такие дела, я позволяю поезду истории вспугивать добычу и гнать ее для меня.

— А последнее предприятие что собой представляет? Какое отношение имеем к нему мы с мисс Мастертон?

— Настоящее дело, мистер Бонд, самое последнее. И самое крупное.

Глаза Голдфингера стали пустыми, как бы устремленными внутрь. Голос сделался тихим, почти благоговейным.

— Человеку удалось покорить Эверест и достичь океанских глубин. Он запустил ракеты в космос и расщепил атом. Он изобретал, создавал, выдумывал во всех сферах человеческого бытия, и везде он победил, побил рекорды, совершил чудеса. Я сказал — во всех сферах, но есть одна,

которую проигнорировали, мистер Бонд. Это та сфера человеческой деятельности, которую обычно именуют преступлением. Так называемые преступления века, совершенные отдельными людьми (я, конечно, не имею в виду идиотские войны, неумное взаимное уничтожение), — это просто мелочь: какие-то паршивые ограбления банков, мошенничество, подделки. А ведь здесь, всего в нескольких сотнях миль отсюда, имеется великолепная возможность совершить величайшее преступление в истории человечества. Подмостки готовы, огромный приз ждет. Не хватает только актеров. Но постановщик уже на месте, мистер Бонд. — Голдфингер постучал себя в грудь. — И он набрал труппу. Сегодня вечером для исполнителей главных ролей будет готов сценарий. Затем начнутся репетиции, и через неделю поднимется занавес для единственного, уникального спектакля. А потом зазвучат аплодисменты, аплодисменты величайшему преступлению всех времен. И, мистер Бонд, мир будет сотрясаться от аплодисментов еще много столетий.

Большие светлые глаза Голдфингера горели мрачным огнем, щеки его раскраснелись. Но он по-прежнему выглядел уравновешенным, раскованным и абсолютно убежденным. В нем

нет ничего от психопата, подумал Бонд. У него на уме какой-то фантастический план, но он изучил условия и выяснил, что они благоприятны.

— Ну ладно, выкладывайте, что это за дело и какова наша роль?

— Это ограбление, мистер Бонд. Ограбление, требующее абсолютно точного исполнения. Будет много писанины, много административной работы. Я собирался заняться этим сам, пока вы не предложили мне свои услуги. Теперь всем этим займетесь вы, а мисс Мастертон будет вашим секретарем. Вы уже частично подготовлены к этой работе всей вашей жизнью. После удачного завершения операции вы получите миллион фунтов стерлингов золотому а мисс Мастертон — полмиллиона.

— Вот это дело, — воскликнул Бонд с энтузиазмом. — И что же мы должны сделать? Украсть кусочек радуги?

— Да, — кивнул Голдфингер, — именно это мы и сделаем. Мы украдем пятнадцать миллиардов долларов в слитках, примерно половину мировою запаса золота. Мы, мистер Бонд, ограбим Форт-Нокс.

16. Тайное совещание

— Форт-Нокс. — Бонд с серьезным видом покачал головой. — Не многовато ли для двух мужчин и одной девушки?

Голдфингер нетерпеливо передернул плечами.

— Пожалуйста, мистер Бонд, умерьте на ближайшую неделю ваше чувство юмора. Потом можете смеяться сколько хотите. Под моим началом будет около сотни мужчин и женщин. Это люди из шести самых мощных гангстерских группировок Соединенных Штатов. И они составят самый сильный и боеспособный отряд из всех созданных в мирное время.

— Хорошо. Сколько людей охраняет Форт-Нокс?

Голдфингер медленно покачал головой. Он стукнул в дверь, она распахнулась, и на пороге показался На Все Руки, готовый к бою. Увидев, что встреча проходит вполне мирно, он замер в ожидании.

— У вас возникнет еще много вопросов, мистер Бонд, и на все вы получите ответ сегодня днем. Начало в четырнадцать тридцать. Сейчас ровно

полдень.

Бонд глянул на часы и перевел стрелки.

— Вы и мисс Мастертон будете присутствовать на встрече, во время которой я сделаю предложение главарям шести группировок, о которых я говорил. Без сомнения, они зададут те же вопросы, которые хотите задать вы. Там и получите объяснения. Затем вы с мисс Мастертон приступите уже к конкретной работе. Если вам что-то понадобится, скажите. Для этого я приставлю к вам На Все Руки, ну и, конечно, он будет постоянно настороже. Не делайте глупостей, иначе вас тут же убьют. И не тратьте попусту время, пытаясь убежать или связаться с внешним миром. Я вас нанял и хочу получить максимальную отдачу. Договорились?

— Всегда мечтал стать миллионером, — сухо сказал Бонд.

Голдфингер даже не посмотрел на него, он внимательно изучал свои ногти. Затем, кинув на Бонда последний тяжелый взгляд, он вышел и закрыл за собой дверь.

Бонд остался сидеть, глядя в закрытую дверь. Затем он резко провел рукой по волосам и лицу, произнес «ну-ну» и пошел через ванную в комнату, где спала девушка. Он постучал.

— Кто там?

— Я. Можно?

— Да, — прозвучал невеселый голосок. — Входите.

Она сидела на краю постели, обуваясь. На ней был тот же наряд, что и при первой их встрече. Выглядела она совершенно спокойной и собранной, нисколько не удивленной окружающим. Ее глаза, глянувшие на Бонда, были холодными и решительными.

— Вы нас в это втравили, вы и вытаскивайте.

— Вполне возможно, — вежливо ответил Бонд. — Вытащил же я вас из могилы.

— Ну да, после того как туда положили.

Бонд задумчиво смотрел на нее. Решив, что будет, пожалуй, не очень галантно ошарашивать ее новостями на голодный желудок, он сказал:

— Так мы ни к чему не придем. Мы попали в этот переплет вместе, нравится нам это или нет. Что вы хотите на завтрак или на ленч? Сейчас четверть первого. Я уже поел, теперь пойду закажу еду вам, вернусь и все расскажу. Отсюда только один выход, и тот охраняется На Все Руки, этой корейской обезьяной. Так что — завтрак или ленч?

Она слегка смягчилась.

— Спасибо. Вареные яйца и кофе, пожалуйста. И тосты с вареньем.

— Сигареты?

— Нет, спасибо, я не курю.

Бонд вернулся в свою комнату и постучал в дверь без ручки. Она слегка приоткрылась.

— Ладно, На Все Руки, я пока не собираюсь тебя убивать.

Дверь открылась шире. Лицо корейца было невозмутимым. Бонд отдал распоряжения, налил себе бурбона с содовой и присел на край кровати, размышляя, как бы ему привлечь девушку на свою сторону. Он ей не понравился с самого начала. Было ли это только из-за сестры? Почему Голдфингер отпустил это замечание насчет ее «наклонностей»? Он и сам чувствовал что-то отталкивающее, враждебное. Она была красива, физически желанна. Но была в ней холодная, жесткая основа, которую Бонд не мог понять и определить. А, ладно, главное — заставить ее помочь ему. Иначе эта жизнь в заключении станет просто невыносимой.

Бонд вернулся к ней в комнату, оставив все двери открытыми, чтобы услышать, когда принесут еду. Девушка по-прежнему неподвижно сидела на кровати. Бонд прислонился к дверному косяку,

потягивая виски. Затем, глядя ей в глаза, сказал:

— Чтоб вы знали, я из Скотленд-Ярда. Мы занимаемся этим человеком, Голдфингером. Он об этом не знает и считает, что нас никто не найдет в ближайшую неделю. Видимо, он прав. Он сохранил нам жизнь, потому что хочет, чтобы мы поработали на него, помогли ему совершить задуманное им преступление. Это серьезное дело. Весьма хитроумное. Но будет много подготовительной и бумажной работы, и мы с вами должны этим заниматься. Вы умеете стенографировать и печатать?

— Да, — глаза ее оживились. — А какое преступление?

Бонд рассказал ей.

— Конечно, это смешно, и думаю, что несколько вопросов и ответов убедят гангстеров, если не убеждают Голдфингера, что это совершенно неосуществимо. Но я не уверен. Голдфингер удивительный человек. Насколько я его знаю, он никогда ничего не предпринимает, если обстоятельства не благоприятствуют его целям. И я не думаю, что он сумасшедший, во всяком случае не больше, чем другие гении — ученые и прочие. А в том, что он гений в своей, может быть, несколько специфической области, сомневаться

не приходится.

— И что же вы собираетесь делать?

Бонд понизил голос:

— Что мы будем делать, вы имеете в виду. Мы пойдем на это. И без дураков. Без всяких трюков и фокусов. Мы будем отрабатывать обещанные нам деньги по высшему классу. Помимо того, что мы спасем себе жизнь, которая для него значит меньше, чем ничего, это наша единственная надежда, точнее, моя, поскольку это моя работа, получить шанс сорвать его планы.

— И как вы собираетесь это сделать?

— Не имею ни малейшего представления. Может, что-нибудь подвернется.

— И вы хотите, чтобы я вам помогала?

— А почему нет? Есть другие предложения?

Она потеребила губу.

— А почему я, собственно, должна делать то, что вы хотите?

— Право, не самое подходящее время изображать суфражистку, — пожал плечами Бонд. — Либо так, как я сказал, либо вас убьют после завтрака. Решайте сами.

Девушка дернула плечом, лицо ее искривилось в брезгливой гримасе.

— А, ладно, так и быть.

Внезапно глаза ее метнули молнию.

— Только не пытайтесь ко мне прикоснуться, или я вас убью.

Раздался щелчок открываемой двери. Бонд глянул вниз на Тилли Мастертон.

— Интересный вызов. Но не волнуйтесь, я его не приму.

Он повернулся и вышел из помещения.

Один из корейцев прошел мимо него с подносом в руках. В его комнате второй кореец устанавливал переносную печатную машинку «Ремингтон» в углу, подальше от кровати. В дверном проеме стоял На Все Руки. Он держал лист бумаги. Бонд подошел к нему и забрал бумагу.

Это было указание Голдфингера, написанное шариковой ручкой. Почерк был четкий, аккуратный, легко читаемый, без вычурности. Бумага гласила:

"Отпечатайте десять экземпляров.

Совещание под председательством мистера Голда.

Секретари: Дж.Болд, Мисс Тилли Мастертон.

Присутствуют:

«Пурпурная банда», Детройт – Хельмут

М.Спрингер

«Теневой синдикат», Майами и Гавана – Джед Миднайт

«Машина», Чикаго – Билли (Улыбочка) Ринг

«Паутина», Лас-Вегас – Джек Стрэп

Сицилианский союз – мистер Соло

«Бетономешалки», Гарлем, Нью-Йорк – мисс Пусси Галоре.

Повестка дня: Обсуждение проекта операции под кодовым названием «Большой шлем».

(Прохладительные напитки)".

В конце была приписка: «Вы с мисс Мастертон должны быть готовы к 2 часам 20 минутам. Вы оба будете выйти протокол. Форма одежды — деловая». Бонд улыбнулся. Когда кореец вышел, он сел за машинку и начал печатать, показывая девушке, что намерен выполнять свою задачу. Боже, ну и сброд! Даже мафия присутствует! Интересно, как Голдфингеру удались их ка это подбить? И кто, черт возьми, такая Пусси Галоре?

К двум часам бумаги были готовы. Бонд отнес их Тилли вместе с блокнотом для стенографирования и карандашами. Прочитав ей записку

Голдфингера, он добавил:

— Постарайтесь запомнить имена, по-видимому, их будет легко персонифицировать. Но в конце концов мы можем и спросить для протокола, верно? Пойду переоденусь.

Он улыбнулся:

— Осталось двадцать минут.

Девушка кивнула.

* * *

Идя по коридору следом за На Все Руки, Бонд слышал шум реки. Видимо, коридор шел вдоль русла. Где-то у ног взревел двигатель грузовика, удаляясь предположительно в сторону Вест-Сайда. Должно быть, они находились в верхней части длинного двухэтажного строения. Серые стены коридора пахли свежей краской, боковых дверей не было, освещение шло из люков в полу. Дойдя до конца коридора, На Все Руки постучал, открылась дверь, и они оказались в большом, залитом солнцем помещении. Зал находился в торце здания, и большое окно выходило на реку и на район Джерси. Здесь все было готово к проведению конференции. Голдфингер сидел спиной к окну за большим круглым столом, покрытым зеленой скатертью, на котором стоял

графин с водой и были разложены карандаши и бумага. Вокруг стола размещавшись девять удобных кресел, перед шестью из которых лежали пакеты, запечатанные красным сургучом. Справа вдоль стены стоял длинный сервировочный стол, заставленный серебряными и хрустальными фужерами. В ведерках охлаждалось шампанское, выстроились в ряд другие бутылки. Среди закусок Бонд разглядел две большие вазы с черной икрой и несколько блюд с гусиным паштетом. На стене напротив, над стоном с бумагами и большим листом картона висела доска.

Голдфингер смотрел, как они идут к нему по толстому винно-красному ковру. Он указал на стул слева от себя Тилли Мастертон, справа — Бонду. Они сели.

— Бумаги?

Голдфингер взял готовые листы, прочитал лежащий сверху и вернул девушке. Он сделал круговой жест рукой, и она, повинуясь, встала и положила по экземпляру перед каждым креслом. Голдфингер нажал на скрытый в столе звонок. Двери в конце комнаты открылись, и появился один из корейцев.

— Все готово?

Кореец кивнул.

— Ты понял, что сюда не должен войти ни один человек, кроме указанных в списке? Хорошо. Некоторые из них, а возможно и все, придут с сопровождающими. Все сопровождающие останутся за дверью. Проследи, чтобы у них было все, что они захотят. Карты и кости на месте? На Все Руки, — Голдфингер глянул на корейца, стоящего рядом со стулом, на котором сидел Бонд. — Иди и займи свое место. Сигнал помнишь?

На Все Руки поднял два пальца.

— Верно. Два звонка. Можешь идти. Проследи, чтобы все выполняли свои обязанности как должно.

— Сколько у вас народу? — поинтересовался Бонд.

— Двадцать человек: десять корейцев и десять немцев. Все очень квалифицированные. В этом здании делается многое. — Голдфингер положил руки на стол. — Так, теперь о ваших обязанностях. Мисс Мастертон, вы будете записывать все важные моменты, все, что может потребовать моего внимания. Не обращайте внимания на споры и пререкания. Ясно?

Бонд обрадовался, что Тилли Мастертон перестала глупить и выглядела очень по-деловому. Она кивнула.

— Конечно.

— Мистер Бонд, меня будет интересовать ваше впечатление о выступлениях. Я многое знаю об этих людях. На своих территориях они лидеры. Они пришли сюда, потому что я их купил. Им ничего обо мне неизвестно, поэтому необходимо их убедить, что я знаю что говорю и что под моим руководством операция пройдет успешно. Остальное довершит их алчность. Но, возможно, кто-нибудь захочет выйти из игры, и это скорее всего проявится. На этот случай мною предусмотрены специальные меры. Но они не очень надежны. Во время переговоров вы будете помечать в вашем списке плюсами и минусами фамилии тех, кто, по вашему мнению, поддерживает или не поддерживает мою идею. Мне будут видны ваши пометки, и ваше мнение будет учтено. И помните, мистер Бонд, что, если кто-нибудь из них предаст или выйдет из игры, мы все можем быстро оказаться на всю оставшуюся жизнь за решеткой.

— Кто эта Пусси Галоре из Гарлема?

— Это единственная женщина в Америке — предводитель банды. Это женская банда, а мне для операции потребуются женщины. Она очень толковая. В свое время была акробаткой, работа-

ла на трапеции вместе со своей труппой, которая называлась «Пусси Галоре и ее акробакошки», — Голдфингер даже не улыбнулся. — Поскольку дела шли плохо, она сделала из них взломщиц, точнее форточниц. Труппа очень быстро выросла в гангстерскую банду. Это лесбийская организация, называющаяся теперь «Бетономешалки». Их уважают даже крупные американские группировки. Выдающаяся женщина.

Из-под стола раздался тихий звонок. Голдфингер выпрямился. Дверь резко распахнулась, и в помещение вошли пятеро мужчин. Голдфингер поднялся и поприветствовал их кивком головы.

— Меня зовут Голд. Рассаживайтесь, пожалуйста.

Мужчины тихо подошли к столу и сели. Пять пар глаз холодно и внимательно смотрели на Голдфингера. Голдфингер сел и спокойно начал:

— Джентльмены, в этих упаковках перед вами лежат золотые слитки стоимостью пятнадцать тысяч долларов каждый. Также перед вами лежит повестка дня, где все указано. Может быть, пока не подошла мисс Галоре, я представлю вас своим секретарям — мистеру Бонду и мисс Мастертон? Никаких записей вестись не будет, кроме замечаний, которые вы сделаете по деталям операции.

Здесь нет микрофонов. Теперь, мистер Бонд, справа от вас сидит Джейд Миднайт из «Теневого синдиката», действующего в Майами и Гаване.

Мистер Миднайт был крупным жизнерадостным человеком с улыбчивым лицом, но медленными осторожными глазами. Одет в светло-голубой летний костюм и белую шелковую рубашку, вышитую зелеными нитками. Большие золотые часы у него на руке весили не меньше полфунта.

Он улыбнулся Бонду и произнес:

— Привет.

— Затем идет мистер Билли Ринг, главарь знаменитой чикагской «Машины».

Бонд подумал, что за всю жизнь не видел никого, кто бы меньше соответствовал имени Билли. Лицо этого человека было кошмарным, и его владелец, зная об этом, наблюдал за реакцией Бонда. Это было бледное грушевидное младенческое лицо с розовой кожей и небольшой мягкой Щетиной цвета соломы. Глаза, которые по идее должны были быть светло-голубыми, на самом деле были темно-карими. Белки глаз подчеркивали черноту зрачка и придавали гипнотическое свойство тяжелому умному взгляду, который не смягчал даже нервный тик правого века, дергаю-

щегося в такт пульсу. Когда-то в начале карьеры Ринга кто-то разрезал ему нижнюю губу (возможно, он слишком много болтал), и теперь на его лице играла вечная фальшивая улыбка, похожая на ту, которую вырезают в тыкве на праздник Хэллоуин. Ему было около сорока. Бонд расценил его как безжалостного убийцу.

Бонд доброжелательно улыбнулся тяжелому взгляду мистера Ринга и перенес внимание на человека, которого Голдфингер представил как Хельмута Спрингера из детройтской «Пурпурной банды».

У мистера Спрингера был остекленевший взгляд, какой бывает либо у очень богатых людей, либо у покойников. Глаза мельком скользнули по Бонду, и взгляд снова устремился внутрь. Все остальное в мистере Спрингере полностью соответствовало облику «элегантного мужчины», одетого с иголочки. Он производил впечатление человека, который обнаружил, что попал не туда: обладатель билета первого класса, оказавшийся в купе третьего класса, или человек из дворца, по ошибке посаженный в яму.

Мистер Миднайт, прикрыв рот рукой, тихо шепнул Бонду:

— Не обманывайтесь насчет Герцога. Он, ко-

нечно, одет, как князь, и дочка его учится в фешенебельном заведении, но на деньги, полученные вымогательством.

Бонд благодарно кивнул.

— Мистер Соло из Сицилианского союза.

У мистера Соло была темная толстая физиономия, отмеченная печатью множества пороков и грехов. Он блеснул на Бонда сильными стеклами очков и снова занялся своими ногтями, которые обрабатывал перочинным ножом. Это был крупный, коренастый мужчина, наполовину боксер, наполовину метрдотель, и угадать, что у него на уме и чем он занимается, было совершенно невозможно. Однако у американской мафии был только один главарь, и поскольку мистер Соло занимал это место, то он получил его либо силой, либо хитростью, подумал Бонд. И удерживал его с помощью силы и устрашения.

Мистер Джек Стрэп из «Паутины» обладал неким шармом завсегдатая казино. Ему было около пятидесяти. Одежда на нем была крикливой и дорогой. Стрэп докуривал сигару. Он курил ее так, будто жевал, время от времени тихонько стряхивая пепел на ковер. За этим скрывалось сильное напряжение. Казалось, он знает, что его глаза могут испугать, и, не желая пугать Бонда, он

придал им некий шарм, слегка сощурив уголки.

Дверь снова открылась, и в комнату вошла женщина в костюме мужского покроя и высоких сапогах. Она медленно подошла к столу и остановилась возле пустого кресла. Голдфингер встал. Она внимательно посмотрела на него, обежала глазами остальных и, произнеся усталое «привет», обращенное ко всем сразу, села.

— Привет, Пусси, — сказал Стрэп, и все остальные, кроме Спрингера, который едва кивнул, разразились приветствиями.

— Добрый день, мисс Галоре. Мы только что покончили с формальностями. Повестка дня лежит перед вами вместе с золотым слитком в пятнадцать тысяч долларов. Я прошу вас принять его как компенсацию за нарушение ваших планов, вызванное этим совещанием.

Мисс Галоре открыла свой пакет и взвесила на руке блестящий желтый кирпичик.

— Весь целиком? — недоверчиво спросила она Голдфингера.

— Весь целиком.

Мисс Галоре встретилась с ним взглядом.

— Извините за вопрос.

Бонду она понравилась. Он чувствовал тот сексуальный вызов, который представляют из

себя для мужчин красивые лесбиянки. Его развлекло ее поведение, недвусмысленно говорящее Голдфингеру и остальным: «Все мужчины — ублюдки и сволочи. Не пытайтесь пробовать на мне всякие ваши мужские штучки. Мне это до лампочки. Я в другой команде». Бонд прикинул, что ей немного за тридцать. Лицо ее было чуть скуластым, с красивой линией подбородка. Глаза того редкого фиолетового цвета, который называют фиалковым, открыто смотрели на мир из-под черных бровей. Волосы, такие же черные, как у Тилли Мастертон, подстрижены ежиком. Бонд подумал, что она великолепна, и, похоже, то же думала и Тилли Мастертон, которая смотрела на мисс Галоре влюбленными глазами. С Тилли Мастертон все было ясно.

— Теперь я должен представиться, — сказал Голдфингер, — мое имя не Голд. Путем различных махинаций, в основном незаконных, я за двадцать лет собрал значительный капитал. Сейчас он составляет порядка шестидесяти миллионов долларов (вокруг стола пробежал уважительный шумок). В основном моя деятельность связана с Европой, но, возможно, вам будет интересно узнать, что я основал «Голден поппи дистрибьюторс», сеть магазином, работающих в

Гонконге. (Мистер Стрэп тихонько присвистнул.) «Хэппи лэндинг трэвел эйдженси», туристическое агентство, услугами которого вы наверняка пользовались в экстренных случаях, также было создано мной и мне же принадлежало, пока я его не распустил. (Мистер Хельмут Спрингер вставил в свой рыбий глаз монокль, чтобы получше рассмотреть Голдфингера.) Я упомянул эти небольшие концерны только для того, чтобы показать вам, что, хотя вы меня и не знаете, я часто в прошлом действовал вам на пользу. ("Кто бы мог подумать! — пробормотал Джед Миднайт с чем-то похожим на благоговение в голосе.) Таким образом, джентльмены и... э... мадам, я узнал о вас и смог вас пригласить сегодня сюда, вас, являющихся, как я выяснил на собственном опыте, сливками преступного мира Америки.

На Бонда речь Голдфингера произвела впечатление. Голдфингер сумел в три минуты привлечь всех на свою сторону. Теперь все присутствующие смотрели на него с глубочайшим вниманием. Даже глаза мисс Галоре восхищенно горели. Бонд не имел представления, что из себя представляли названные Голдфингером предприятия, но, судя по восторженным лицам их бывших клиентов, они работали как часы. Теперь все внимали

словам Голдфингера так, будто он был самим Эйнштейном.

На лице Голдфингера не проявилось никаких эмоций. Отмахнувшись, он продолжал:

— Я упомянул две моих фирмы, работа которых оказалась удачной. Они были небольшими. Было много других, значительно крупнее. Ни одна из них не провалилась, и, насколько мне известно, мое имя не значится ни в одном досье, ни в одной полиции мира. Я говорю это, чтобы вы поняли, что я хорошо владею своей, то есть нашей, профессией.

А теперь, джентльмены и мадам, я хочу предложить вам сотрудничество в одном деле, которое обеспечит каждому из вас через неделю круглую сумму в биллион долларов. — Голдфингер поднял руку. — В Европе и в Америке разное арифметическое определение биллиона. Я его употребил в значении «тысяча миллионов, то есть европейский миллиард». Я достаточно ясно выразился?

17. Преступление преступлений

На реке проревел гудок парохода. Другой проревел в ответ. Послышался шум моторов.

Джед Миднайт, сидящий справа от Бонда, прочистив горло, произнес:

— Мистер Голд, или как вас там, не волнуйтесь насчет точности определений. Биллион долларов — это куча денег в любом исчислении. Продолжайте.

Мистер Соло поднял свои сонные глаза и посмотрел через стол на Голдфингера.

— Это очень большая деньги, да. Но какая будет большая ваша часть, мистер?

— Пять биллионов.

Джек Стрэп из Лас-Вегаса издал резкий смешок:

— Слушайте, ребята, что значит несколько биллионов среди друзей? Если мистер... э... Некто может привести меня к биллиону долларов, я с радостью дам ему лишний кусок, даже огромный кусок за его работу. Давайте не будем препираться по этому поводу, а?

Мистер Хельмут Спрингер постучал своим

моноклем по лежащему перед ним слитку. Все посмотрели на него.

— Мистер... э... Голд, — произнес он голосом семейного юриста, — вы тут называете большие цифры. Насколько я понимаю, речь идет о сумме порядка одиннадцати миллиардов долларов.

— Точная сумма около пятнадцати миллиардов, — уточнил Голдфингер. — Вообще-то я говорю о сумме, которую, я думаю, мы сможем вынести.

Билли Ринг издал восторженный вопль.

— Спокойно, спокойно, мистер Голд, — Спрингер вставил монокль в глаз, чтобы лучше видеть реакцию Голдфингера. — Но в таком количестве золото или деньги есть только в трех местах в Соединенных Штатах. Это Федеральный монетный двор в Вашингтоне, Федеральный резервный банк в Нью-Йорке и Форт-Нокс в Кентукки. Вы подразумеваете, что мы должны... э... взять один из них? Если так, то какой именно?

— Форт-Нокс.

Среди хора стенаний прозвучал решительный голос Миднайта:

— Мистер, я только в Голливуде встречал парней с такой же штукой, что у вас. Там это называют видение. А видение, мистер, это талант

принимать круги перед глазами за гигантские проекты. Вам надо бы поговорить с вашим психушником или пройти курс лечения, — Миднайт с сожалением покачал головой. — Как жаль. Так приятно было подержать этот миллиард.

Пусси Галоре произнесла низким, усталым голосом:

— Извините, мистер, но ни одна из моих кошечек не сможет взять такой банк. — И она собралась встать.

— Теперь, джентльмены и... э... мадам, слушайте меня внимательно. Ваша реакция не является для меня неожиданной. Позвольте разъяснить: Форт-Нокс не отличается от прочих банков, просто он значительно больше, и соответственно его охрана лучше и сложней. Единственное новшество в моем проекте, что это большой банк. И ничего больше. Форт-Нокс не более неприступен, чем другие крепости. Несомненно, все мы считали, что броневик Бринка неприступен, до тех пор пока полдюжины решительных парней не взяли там миллион в 1950 году. Невозможно совершить побег из «Синг-Синга», и тем не менее люди оттуда бегут. Нет, нет, джентльмены, Форт-Нокс — это такой же миф, как и остальные мифы. Могу я изложить свой план?

Билли Ринг, разговаривая, шипел сквозь зубы, как японец:

— Слушай, дядя, может, ты не знаешь, но в Форт-Ноксе дислоцируется третья бронетанковая дивизия. Если это миф, тогда почему бы русским не завоевать Соединенные Штаты их хоккейной командой, когда она приедет в следующий раз?

Голдфингер тонко улыбнулся.

— Если позволите, я внесу небольшое уточнение и изложу, какие именно воинские подразделения дислоцируются в Форт-Ноксе. Третья бронетанковая дивизия представлена только одним подразделением, но там также находится шестой бронетанковый полк, пятнадцатая бронетанковая группа, сто шестидесятая саперная группа и примерно полдивизии, собранной из всех армейских частей Соединенных Штатов. Также там находится весьма внушительное количество людей из всех прочих вспомогательных войск, подчиненных Центру бронетанковых войск. Вдобавок к этому там находятся силы полиции в количестве двадцати офицеров и ста рядовых. Короче, общая численность личного состава Форт-Нокса — шестьдесят тысяч человек, из которых двадцать тысяч — боевые подразделения того или другого рода войск.

— И кто скажет им «бу»? — поинтересовался Джек Стрэп, не выпуская сигары изо рта. Не дожидаясь ответа, он с отвращением вынул обглоданный окурок и раздавил его в пепельнице.

Рядом с ним. Пусси Галоре поцыкала зубом.

— Слушай, Джеки, купи себе что-нибудь получше. Эта штука воняет, как горящая помойка.

— Заткнись, Пусси, — весьма негалантно изрек Стрэп. Однако мисс Галоре была настроена оставить последнее слово за собой, поэтому она ласково произнесла:

— Знаешь что, Джеки? С таким мужчиной, как ты, я бы пошла. Честно говоря, я как-то написала песню о тебе. Хочешь узнать название? Она называется «Если бы мне пришлось начать сначала, я бы начала с тобой».

Миднайт разразился грудным смехом. Ринг заржал, Голдфингер легонько постучал по столу, призывая к спокойствию:

— Теперь, пожалуйста, послушайте, что я надумал, джентльмены.

Он встал, подошел к доске и повесил на нее карту, подробную карту Форт-Нокса и ближайших окрестностей. Все развернулись к ней. Голдфингер указал на место хранения золота.

— Остальной план хранилища я покажу чуть

позже. Теперь, джентльмены, позвольте указать на ключевые позиции. Вот железная дорога, идущая из Луисвилла. Нас интересует не Бранденбургский вокзал, а место, примыкающее к хранилищу. Отсюда в хранилище доставляют золото с Монетного двора. Еще золото доставляют, варьируя способ доставки без всякого графика в целях безопасности, в бронированных машинах по шоссе Дикси и самолетами на Годман эйрфилд. Как вы видите, хранилище изолировано от этих дорог и стоит без какого-либо естественного прикрытия в центре поляны площадью приблизительно пятьдесят акров. К нему ведет одна-единственная дорога через бронированные ворота на Буллион-бульваре. Проехав ворота, машины едут по вот этой окружной дороге, огибающей хранилище, к заднему входу, где их и разгружают. Эта дорога, джентльмены, выложена стальными листами. В случае необходимости листы поднимаются и превращаются во второй стальной этаж. Этого не видно, но, насколько мне известно, есть еще подземный тоннель, идущий между Буллион-бульваром и Вайн Гроув-роуд. Он служит дополнительной дорогой к хранилищу сквозь стальные двери, выходящие из стены тоннеля в нижний этаж хранилища.

Голдфингер замолк, отошел от карты и оглядел присутствующих.

— Итак, джентльмены, вот хранилище, вот основные подступы к нему, за исключением основного входа, который ведет только в приемную и служебные кабинеты. Вопросы есть?

Вопросов не было. Все выжидающе смотрели на Голдфингера. Снова он овладел их вниманием. Оказалось, этот человек знает о Форт-Ноксе значительно больше, чем простой смертный.

Голдфингер вернулся к доске и развернул следующую карту с подробным планом хранилища.

— Итак, джентльмены, вы видите двухэтажное прочное здание из стали и бетона. Крыша укреплена на случай бомбежки. Центральное хранилище сделано из гранита со стальными укреплениями. Если точнее, это шестнадцать тысяч кубических футов гранита, четыре тысячи кубических ярдов бетона, семьсот пятьдесят тонн легированной стали и шестьдесят тонн обычной. Так. Внутри здания двухэтажный железобетонный сейф. Двери стальные, весят более двадцати тонн. Крыша такая же, как верхняя. На обоих уровнях он окружен по периметру коридором, ведущим к самому сейфу и в офисы, прилегающие к внешней стене здания. Ни один человек не

знает комбинацию, открывающую дверь. Старшие сотрудники могут каждый в отдельности набирать комбинации, известные только им. Естественно, здание оснащено самым современным и совершенным защитным оборудованием. Внутри сильная охрана и снаружи очень мощное подкрепление, которое может быть получено в любое время из дислоцированных частей. Вы следите за ходом моих мыслей? Далее, в сейфе лежат золотые слитки, как я уже говорил, порядка пятнадцати миллиардов долларов. Каждый слиток вдвое толще лежащего перед вами. Они без упаковки. — Голдфингер оглядел сидящих за столом. — И это все, джентльмены и мадам, что я могу вам сказать и что, по моему мнению, нам необходимо знать о хранилище Форт-Нокса. Если нет вопросов по этому пункту, я приступаю к краткому изложению того, как можно проникнуть в это хранилище и забрать содержимое.

В комнате повисла тишина. Глаза участников сборища были внимательными и настороженными. Джек Стрэп нервным движением извлек из кармана сигару и сунул ее в рот.

— Если ты зажжешь эту штуку, клянусь, я огрею тебя своим слитком, — произнесла Пусси Галоре, взяв в руку указанный предмет.

— Спокойно, детка, — буркнул Стрэп, не разжимая рта.

Джед Миднайт решительно изрек:

— Мистер, если вы можете взять эту лавочку, вы служите наивысшую награду. Выкладывайте дальше. Либо это большая лажа, либо это преступление века.

— Хорошо, джентльмены, — равнодушно ответил Голдфингер. — Вы узнаете план.

Он замолчал и внимательно заглянул в глаза каждому из сидящих за столом:

— Но я надеюсь, вы понимаете, что теперь должна соблюдаться строжайшая секретность. Все, что будет сказано, можно принять за горячечный бред. То, о чем я сейчас скажу, сделает всех присутствующих здесь участниками самого грандиозного заговора в истории Соединенных Штатов. Могу я считать, что все мы связаны клятвой об абсолютном молчании?

Почти инстинктивно Бонд посмотрел на Хельмута Спрингера из Детройта. Пока другие громко подтверждали свое согласие, мистер Спрингер прикрыл глаза. Его претенциозное «Вы имеете мое честное слово» звучало диссонансом. Для Бонда все это выглядело на редкость фальшиво. Около фамилии Спрингера он поставил малень-

кий минус.

— Что ж, хорошо.

Голдфингер вернулся к своему месту у стола. Он сел, взял в руки карандаш и заговорил задумчиво:

— Первое и в некотором роде самое трудное — это вопрос транспортировки. Миллиард в золотых слитках весит около тысячи тонн, и для его перевозки потребуется сотня десятитонных грузовиков или порядка двадцати шестиколесных транспортеров. Я бы порекомендовал последнее. У меня есть список компаний, где можно взять транспортеры напрокат, и я бы посоветовал, раз уж мы будем с вами партнерами, немедленно связаться с этими компаниями на ваших территориях. Не сомневаюсь, что вы захотите использовать своих шоферов, — Голдфингер позволил себе тень улыбки. — И конечно, практически неиссякаемым источником водителей является «Тимстер юнион». Возможно, вы захотите также набрать из «Нигро ред болл экспресс» бывших военных водителей, служивших в американской армии во время войны. В любом случае все эти детали требуют четкого планирования и координации действий. Будут, конечно, трудности с проверками на дорогах, но я думаю, вы договори-

тесь между собой о наиболее подходящих путях передвижения. Транспортная авиация также нам понадобится, поэтому будут приняты необходимые меры, чтобы одна полоса на посадочном поле Годмэн оставалась постоянно свободной. Как каждый будет вывозить свою часть, это его дело. Что до меня, — Голдфингер окинул аудиторию холодным взглядом, — то я сначала воспользуюсь железной дорогой. Учитывая, что мои транспортные проблемы еще сложнее ваших, я не стану утомлять вас подробностями.

Голдфингер не стал дожидаться комментариев и продолжал тем же ровным тоном:

— В сравнении с транспортными вопросами, все остальные проблемы относительно просты. Для начала я предлагаю временно вывести из игры все население — и военное, и гражданское — Форт-Нокса. Необходимые меры уже приняты, и теперь все зависит только от моего сигнала. Вкратце: город обеспечивается водой из двух резервуаров и двух очистных сооружений, и наблюдает за всем этим главный инженер, который с удовольствием примет суперинтенданта и его заместителя из муниципальной службы водообеспечения Токио, которые хотели бы ознакомиться с работой больших резервуаров, с тем

чтобы построить такое же сооружение в новом районе пригорода Токио. Главный инженер будет весьма польщен проявленным со стороны японских джентльменов интересом и покажет им все, что они пожелают. Эти два джентльмена, которые, конечно, являются моими служащими, принесут с собой небольшое количество препарата, синтезированного немецкими химиками во время войны. Он легко растворяется в воде, не имеет ни запаха, ни вкуса и погружает человека, выпившего хотя бы глоток, в состояние глубокого сна дня на три, после чего человек просыпается свежим и отдохнувшим. Так как на дворе июнь, а в июне в Кентукки ни одна живая душа не может прожить и суток, не выпив полстакана воды, можно считать, что к сроку на ногах окажется несколько убежденных алкоголиков, но в остальном я гарантирую, что к моменту нашего появления в городе основная часть населения будет спать глубоким сном.

— Это что за сказочка? — глаза мисс Галоре блестели от возбуждения.

— "Пусси в сапогах", — сказал Джек Стрэп уверенным голосом. — Продолжайте, мистер. Пока звучит хорошо. Как мы попадем в город?

— Мы приедем спецпоездом, который выйдет

из Нью-Йорка в ночь перед днем "Х". Нас будет примерно сто человек, и мы прибудем как представители Красного Креста. Мисс Галоре, я надеюсь, сможет обеспечить необходимо количество комплектов формы медицинских сестер. Именно для исполнения этой небольшой, но очень важной роли она и приглашена на эту встречу.

— Принято, будет сделано! — с энтузиазмом воскликнула мисс Галоре. — Мои девочки будут выглядеть потрясающе! Как считаешь, Джеки?

Она ткнула Стрэпа локтем в бок.

— По-моему, они будут значительно лучше смотреться под цементным покрывалом, — нетерпеливо буркнул Стрэп. — Что ты верещишь? Продолжайте, мистер.

— В Луисвилле, что в тридцати пяти милях от Форт-Нокса, я со своими помощниками попрошу дизельный локомотив, так как у нас будет очень хрупкая аппаратура. Скажем, что нам необходимо сделать пробы воздуха на подступах к Форт-Ноксу, поскольку к этому времени новость о неизвестной эпидемии уже несомненно достигнет других мест, и возникнет, надо полагать, некоторая паника в прилегающих районах, да и по всей стране. Сюда полетят спасательные

самолеты, и задача операторов Годмэн эйрфилд объявить аэропорт закрытым и заворачивать все самолеты в Луисвилл. Но, возвращаясь немного назад, добавлю, что вскоре после отъезда из Луисвилла я с моими ребятами избавлюсь от машиниста и его помощника самым гуманным способом, возможным в данной ситуации. (Свежо предание, подумал Бонд.) Я сам поведу состав, мне известно устройство подобных локомотивов, и проведу поезд через Форт-Нокс к хранилищу.

Голдфингер замолк и обвел присутствующих серьезным взглядом. Удовлетворенный тем, что он увидел, он так же ровно продолжил:

— К этому времени, джентльмены и мадам, ваши транспортные караваны должны быть на месте. Ответственный за транспорт разместит их в окрестностях в соответствии с выработанным планом. Люди, которые должны работать в аэропорту, поедут на грузовиках в Годмэн и захватят его, а мы зайдем в хранилище, перешагивая через спящие тела... э... украшающие ландшафт. Ясно?

Темные глаза мистера Соло сверкнули.

— Конечно, пока все ясно, — мягко произнес он. — Теперь, может быть, вы, — он надул щеки и дунул в сторону Голдфингера, — сделаете вот так и двадцатитонная дверь рухнет. Да?

— Да, — спокойно ответил Голдфингер, — почти что так.

Он поднялся и подошел к столу у доски, взял лежащий там большой лист картона, аккуратно перенес его за большой стол и положил перед собой. Лист казался очень тяжелым. Голдфингер сел и продолжил:

— Пока десять моих сотрудников будут готовиться к вскрытию сейфа, остальные команды войдут в хранилище и отнесут в безопасное место как можно больше спящих людей.

Бонду показалось, что в следующих словах Голдфингера заключалась скрытая угроза.

— Я уверен, все вы, джентльмены и мадам, согласны, что лишние жертвы нам ни к чему. Пока, как вы заметили, не было несчастных случаев, разве только двух железнодорожников слегка стукнули по голове. — Не дожидаясь реакции, он продолжил: — Далее, — он положил руку на картон, — когда вам, джентльмены, и вашим подручным потребуется оружие, кроме обычного стрелкового, где вы сможете его взять? В казармах, джентльмены. Вы получаете автоматы и прочее тяжелое вооружение от интендантов ближайших военных баз. Вам это удается с помощью либо давления, либо шантажа, либо подкупа. Я

сделаю то же самое. Есть единственное оружие, достаточно мощное, чтобы взломать сейф Форт-Нокса, и я получил его после долгих поисков на одной военной базе, в Германии. Оно обошлось мне в миллион долларов. Это, джентльмены, ядерная боеголовка для управляемой ракеты.

— Гос-споди Христе! — руки Джеда Миднайта вцепились в край стола возле Бонда.

Лица сидящих вокруг стола побледнели. Бонд почувствовал, как натянулась кожа у него на лице. Чтобы снять напряжение, он достал из кармана пачку «Честерфилда» и закурил. Медленно погасив зажигалку, он убрал ее в карман. Боже всемогущий! Во что он вляпался! Бонд припомнил все, что ему было известно о Голдфингере. Первая встреча с голым загорелым человеком на крыше флоридского «Кабана клуба». Его первое столкновение с ним. Разговор с М. Встреча в банке, где вопрос стоял о поимке контрабандиста золотом, очень крупного контрабандиста, работающего на русских, но все-таки вполне обычного преступника, которого Бонд обыграл в гольф, затем хладнокровно и ловко преследовал, человека, практически ничем не отличающегося от простых смертных. Но это...

Теперь это был не кролик в своей норе и даже

не лиса, а королевская кобра — самое опасное существо на Земле! Бонд перекрестился. На сей раз это была схватка святого Георгия с драконом. И святому Георгию нужно было шевелиться и придумать что-нибудь, пока дракон не снес яйцо, которое он сейчас так бережно вынашивает. Бонд кисло улыбнулся. Что предпринять? Что, черт побери, он мог сделать?

Голдфингер поднял руку.

— Поверьте мне, джентльмены и мадам, эта штука совершенно безопасна. Ничего с ней не случится, даже если я ударю по ней молотком. Ничто не может взорвать ее, если она не заряжена, а этого не произойдет до срока.

Бледное лицо Билли Ринга блестело от пота, голос его слегка дрожал:

— Мистер, а что с этими... ну... то, что называют осадки?

— Их будет совсем немного, мистер Ринг, и на очень узком пространстве. Это последняя модификация — так называемая «чистая» атомная бомба. Защитные скафандры будут розданы всем участникам операции, которые войдут в здание. Они будут первыми в цепочке, по которой золото переправят в грузовики.

— А осколки, мистер? Летящие куски бетона,

стали и тому подобное? — голос Миднайта шел откуда-то из живота.

— Мы спрячемся за щитом первой стальной перегородки хранилища, мистер Миднайт. Все будут в наушниках. Возможны незначительные повреждения грузовиков, но на этот риск придется пойти.

— А спящие? — глаза мистера Соло были ясными. — Может, они спать чуть долго?

Мистера Соло явно мало волновали спящие парни.

— Мы перенесем как можно больше спящих в безопасное место. Придется также, я боюсь, причинить небольшой ущерб городу. По моим подсчетам, количество жертв не должно превысить количества погибающих в дорожно-транспортных происшествиях на дорогах Форт-Нокса. За три дня. Наша операция лишь поддержит статистику ДТП на постоянном уровне.

— Очень мило с нашей стороны, — нервы Миднайта почти пришли в норму.

— Еще вопросы? — бесстрастно поинтересовался Голдфингер.

Он изложил исходные данные, произвел оценку результатов задуманного предприятия. Теперь пора было переходить к голосованию.

— Детальная проработка будет сделана. В этом мои сотрудники, — он указал на Бонда и мисс Мастертон, — помогут мне. Эта комната будет нашей штаб-квартирой, куда доступ каждому из вас будет открыт в любое время суток. Кодовое название операции «Большой шлем», им необходимо пользоваться, говоря о проекте. Я бы посоветовал каждому из вас вкратце посвятить в дело одного из ваших лейтенантов, но только одного и самого верного. Остальных тренировать как для обычного ограбления банка. Конечно, в день "Х" придется посвятить в подробности большее количество людей. Я знаю, что если вы, джентльмены и мадам, согласитесь участвовать в проекте, то будете рассматривать его как боевую операцию. Конечно, все попытки нарушения секретности должны пресекаться в корне. Теперь, джентльмены и мадам, я попрошу вас дать ответ от имени ваших организаций. Кто из вас хочет принять участие в гонке? Приз огромный, риск минимальный. Мистер Миднайт? — Голдфингер повернул голову вправо. Бонд увидел рентгеновский луч, пронизавший его соседа. — Да? — и после паузы: — Или нет?

18. Секретное приложение

— Мистер Голд, — звонко произнес Джед Миднайт. — Вы, несомненно, самое большое явление в сфере преступности с тех пор, как Каин изобрел убийство и шлепнул Авеля.

Он помолчал и продолжил:

— Я сочту за честь выступить вашим компаньоном в этом предприятии.

— Благодарю вас, мистер Миднайт. Вы, мистер Ринг?

По поводу Ринга у Бонда были некоторые сомнения. Он поставил плюсы перед всеми фамилиями, кроме Ринга и Хельмута Спрингера. Рингу он поставил знак вопроса, а Спрингеру минус. Он пришел к этому выводу, наблюдая за выражением глаз, ртов, рук, но вечная фальшивая ухмылка на лице Улыбочки не позволяла прочесть мысли последнего. Его правый глаз мигал в постоянном ритме метронома, а руки он прятал под столом. Теперь Билли Ринг их оттуда вытащил и сложил перед собой, как кошачьи лапы. Некоторое время он разглядывал пальцы, затем обратил свою кошмарную физиономию к Голдфингеру. Тик в

правом глазу прекратился. Два ряда зубов стали двигаться, как у куклы-чревовещателя.

— Мистер, — у него были трудности с "м", "б" и "г", и, произнося их, он приподнимал верхнюю губу, как лошадь, берущая с руки кусочек сахара. — Уже давно мы с моими друзьями занимаемся вполне легальными делами. Я имею в виду, что прежние дни с телами, остывающими по всей земле, остались в сороковых годах. Мы с компаньонами занимаемся девочками, «травкой», бегами. Видите ли, мистер, — Улыбочка приподнял руки и снова опустил, — мы считаем, что старое ушло. Большой Джим Колоссимо, Джонни Торрио, Дайон О'Баннион, Аль Каноне — где они все, а? Да, в те времена народ палил друг в друга с такой скоростью, что зачастую требовалась программа, чтобы следить за действиями актеров.

Значит, народ от этого устал — те, кто уже не устал до смерти, если вы понимаете, что я имею в виду, и в пятидесятых годах, когда я встал во главе, все единодушно решили покончить с пальбой. И что же теперь, мистер? Теперь приходите вы и просите меня и моих друзей помочь вам в самой большой перестрелке в истории! Так что же я отвечу на ваше предложение, мистер... э... Некто?

Что я скажу, мистер? Все имеет свою цену, да? И за миллиард игра стоит свеч. Отложим бумажки и достанем игрушки. Мы — за.

— Улыбочка, ты чертовски долго говорил это свое «да», — прокомментировал Миднайт.

— Благодарю за интереснейшее выступление, — сердечно произнес Голдфингер. — Я счастлив приветствовать вас и ваших компаньонов. Мистер Соло?

Перед тем как ответить, мистер Соло полез в карман пиджака, извлек оттуда электробритву и включил ее. Комната наполнилась жужжанием, как будто разворошили осиное гнездо. Мистер Соло откинул голову и стал медленно водить бритвой по щекам и шее, высматривая решение на потолке. Внезапно он выключил бритву, выпрямился и дернул головой вперед, как атакующая змея. Черные дула-глаза угрожающе смотрели на Голдфингера, медленно перемещаясь по его лицу. Половина физиономии мистера Соло теперь выглядела голой. Вторая половина была темной от неистребимой итальянской щетины, росшей с большой скоростью. Бонд предположил, что ему приходится бриться каждые три-четыре часа. Теперь Соло решил заговорить. Он сказал мягким голосом, вызывающим дрожь:

— Я наблюдал за вами, мистер. Для человека, говорящего о таких вещах, вы очень спокойны. Последний такой спокойный человек, которого я знал, успокоился полностью от удара лопасти винта вертолета. О'кэй, о'кэй, — Соло сел на место, подняв руки, как бы сдаваясь. — Значит, я согласен, да. Но, мистер, — он сделал паузу, чтобы придать вес своим словам, — либо мы получаем миллиард, либо вы покойник. Согласны?

Губы Голдфингера иронично дрогнули:

— Благодарю вас, мистер Соло. Ваши условия вполне приемлемы. Я сильно надеюсь остаться живым. Мистер Хельмут Спрингер?

Глаза Спрингера выглядели еще более мертвыми, чем обычно. Он важно произнес:

— Я все еще детально обдумываю ваше предложение. Продолжайте опрос, пока я приму решение.

— Все тот же старина Хел, — нетерпеливо прокомментировал Миднайт. — Ждет того, что он называет озарением. Им руководят сообщения из рая на ангельской волне. Мне кажется, он не слышал человеческого голоса уже лет двадцать.

— Мистер Стрэп?

Джек Стрэп искоса глянул на Голдфингера.

— Мне думается, мистер, что вы знаете условия

и удачно ими пользуетесь. Думаю, если мы поставим необходимые мышцы и пистолеты, нам воздается сторицей. Я — за!

Стрэп выключил свой шарм, и глаза его, ставшие опять пугающими, устремились, как и глаза Голдфингера, к мисс Пусси Галоре.

Мисс Галоре прикрыла свои фиалковые глаза, чтобы не встречаться взглядом ни с тем, ни с другим. Она сказала с видимым безразличием, обращаясь ко всем сразу:

— Дела не так уж хороши в моем уголке леса.

Она постучала длинными ногтями, покрытыми серебряным лаком, по лежащему перед ней слитку.

— Не сказала бы, что меня очень прельщают банки. Скажем, я недостаточно, самую малость, подготовлена. Но я согласна. Мне и моим девочкам тоже нужно кушать.

Голдфингер позволил себе доброжелательную улыбку:

— Это великолепно, мисс Галоре. А теперь, — он повернулся, — мистер Спрингер, мы хотим узнать ваше мнение.

Спрингер медленно поднялся, зевая, как оперный завсегдатай. Затем слегка откашлялся, достал платок из тонкого батиста и промокнул

губы. Его стеклянные глаза неторопливо оглядели всех и наконец остановились на Голдфингере. Медленно качнув головой из стороны в сторону, как если бы он разминал затекшие мышцы, строгим голосом, словно менеджер банка, отказывающий в займе, Спрингер изрек:

— Я боюсь, мистер Голд, что ваше предложение не встретит одобрения у моих коллег в Детройте.

Он слегка кивнул всем присутствующим.

— Мне остается только поблагодарить за столь интересное предложение. Всего доброго, джентльмены и мадам.

При ледяном молчании Спрингер аккуратно убрал свой носовой платок в левый карман безукоризненно сшитого пиджака, повернулся к двери и вышел.

Дверь закрылась с резким щелчком. Бонд заметил, как рука Голдфингера незаметно скользнула под стол. Он догадался, что На Все Руки получил сигнал. Сигнал к чему?

— Рад, что он ушел, — неприязненно сказал Миднайт. — Язва, а не человек. Ну-с, а теперь, — он резко поднялся и повернулся к Бонду, — как насчет выпить?

Все остальные встали и тоже направились к буфету. Бонд оказался между Пусси Галоре и Тилли

Мастертон. Он предложил им шампанское. Мисс Галоре одарила его холодным взглядом.

— Исчезни, Симпатяга. Нам, девочкам, нужно пошептаться. Правда, милочка?

Мисс Мастертон вспыхнула, затем, резко побледнев, пролепетала:

— О да, пожалуйста, мисс Галоре.

Бонд ехидно улыбнулся ей и отошел. Джед Миднайт заметил эту сцену. Он приблизился к Бонду и сочувствующе сказал:

— Мистер, если это ваша куколка, то присматривайте за ней получше. Пусси всегда получает девочек, которых захочет. Она поглощает их гроздьями, как виноград, понимаете? — Миднайт мотнул головой. — Боже, как они меня утомляют, эти лесбиянки. Увидите, скоро она заставит эту девицу делать все, что захочет.

— Я прослежу, — ответил Бонд. — Но я мало что могу поделать. Она очень независима.

— Вот как? — в голосе Миднайта прозвучала заинтересованность. — Что ж, может, тогда я попытаюсь поломать это дело.

Он поправил галстук.

— Я могу приударить за этой Мастертон. У нее просто великолепные природные данные. До встречи.

Он ухмыльнулся Бонду и направился к женщинам.

Поглощая шампанское и бутерброды с икрой, Бонд размышлял о том, как великолепно Голдфингер провел совещание, когда распахнулась дверь и один из корейцев, быстро подойдя к Голдфингеру, что-то зашептал ему. Лицо Голдфингера сразу стало серьезным, и он постучал вилкой по бокалу с «виши».

— Джентльмены и мадам. — Он обвел всех печальным взглядом. — Я получил плохие новости. С нашим другом, мистером Хельмутом Спрингером, случилось несчастье. Он упал со ступенек. Смерть наступила мгновенно.

— Хо, хо! — смех Ринга не был похож на смех. Скорее дырка на лице. — И что сказал по этому поводу Слэппи Хэпгуд, его горилла?

— Увы, мистер Хэпгуд также упал с лестницы и умер от полученных травм, — грустно сказал Голдфингер.

Мистер Соло посмотрел на Голдфингера с возросшим уважением и тихо произнес:

— Вам лучше починить эту лестницу, мистер, пока мы с моим другом Джулио не пошли по ней.

— Починкой займутся тотчас же, — серьезно

ответил Голдфингер.

Лицо его стало озабоченным.

— Боюсь, что этот несчастный случай будет плохо воспринят в Детройте.

— Не думайте об этом, мистер, — дружелюбно произнес Джед Миднайт. — Они там обожают похороны. К тому же это сильно упрощает им жизнь. Старина Хел вряд ли еще долго продержался бы. В последний год они подкладывали под него угольки. Верно, Джеки? — обратился он к стоящему рядом Стрэпу.

— Точно, Джед, — послушно ответил Стрэп. — Ты все верно сказал. Мистера Хельмута Спрингера пора было убрать.

«Убрать» на языке мафии — это значит убить. Когда Бонд наконец добрался до постели, это словечко не выходило у него из головы. На Все Руки получил сигнал, двойной звонок, и Спрингера и его телохранителя убрали. Бонд не мог этому помешать, даже если бы и захотел, а мистер Хельмут Спрингер ничего для него не значил и к тому давно заслужил, чтобы его убрали. Но 59 тысяч 998 человек тоже могут убрать, и он, только он один может этому помешать.

Когда высокое собрание разошлось и главари удалились по своим делам, Голдфингер отпустил

Тилли, а Бонда задержал. Он велел ему записывать и в течение двух часов разрабатывал все до мельчайших деталей. Когда он дошел до отравления резервуаров (Бонду пришлось составить точное расписание, чтобы все люди в Форт-Ноксе к положенному времени «отключились»). Бонд поинтересовался подробностями о препарате и времени его действия.

— Вас это не должно волновать.

— Почему? Ведь от этого зависит все.

— Мистер Бонд, — глаза Голдфингера были далекими, отрешенными. — Я скажу вам правду, поскольку вы не сможете никому рассказать. Начиная с этого момента На Все Руки будет постоянно рядом с вами, и полученные им распоряжения очень определенны и конкретны. Поэтому я могу вам сообщить, что все население Форт-Нокса будет мертво или покалечено к полуночи дня "Х". Вещество, которое растворят в резервуарах, — это высококонцентрированная форма GB.

— Вы сумасшедший! Неужели вы действительно собираетесь убить шестьдесят тысяч человек?

— Почему нет? Американские водители делают это каждые два года.

Бонд смотрел на Голдфингера с ужасом и изум-

лением. Это не может быть правдой! Он не может этого сделать!

— Что такое GB? — напряженно спросил Бонд.

— GB — одно из наиболее сильных отравляющих веществ нервно-паралитической группы. Оно было разработано вермахтом в 1943 году, но ни разу не применялось из-за боязни ответственности. На самом деле это гораздо более действенное оружие массового уничтожения, чем водородная бомба. Его недостаток в трудности его применения по отношению к населению. Русские захватили весь германский запас в Дюхернфурте, на границе с Польшей. Мои друзья смогли достать мне необходимое количество. Идеальный способ его применения в густонаселенном месте — через воду.

— Голдфингер, вы поганая... сволочь.

— Не будьте ребенком. У нас много работы.

Позже, когда они подошли к проблеме вывоза золота из города, Бонд предпринял еще одну, последнюю попытку:

— Голдфингер, вы не сможете вывезти все это. Никто из них не сможет вывезти свою сотню тонн золота оттуда, не говоря уже о пятистах тоннах. Вы окажетесь на шоссе с несколькими золотыми слитками, зараженными гамма-излучением, и

со всей американской армией на хвосте. И ради этого вы собираетесь убить шестьдесят тысяч человек? Это же фарс. Даже если вы и сможете утащить оттуда пару тонн золота, где вы его спрячете?

— Мистер Бонд, — терпение Голдфингера было безграничным. — Случилось так, что советский крейсер класса «Свердловск» в это время зайдет в Норфолк, Вирджиния, с дружеским визитом. В день "Х" он уходит из Норфолка. Сначала поездом, потом на машинах мое золото к полуночи дня "Х" будет доставлено на борт крейсера, и мы пойдем в Кронштадт" Все очень тщательно проработано, предусмотрены малейшие детали. Я вынашивал эту операцию пять лет. Теперь время пришло. Я свернул свою деятельность в Англии и Европе. Эти бренные останки моей предыдущей жизни пусть остаются тем, кто скоро начнет разнюхивать обо мне. Я эмигрирую, мистер Бонд, и заберу с собой золотое сердце Америки. Конечно, это единственное представление будет не без огрехов, для репетиций недостаточно времени. Мне нужны эти тупые гангстеры с их оружием и людьми, но я не могу посвящать их в план до последнего момента. Они будут делать ошибки. Вероятно, им будет крайне сложно вывезти их

долю. Некоторых поймают, кого-то убьют. Меня это не волнует. Эти люди — жалкие дилетанты, которые нужны, образно говоря, для массовки. Они случайные актеры, мистер Бонд, найденные на улице. Что будет с ними потом, после окончания спектакля, меня абсолютно не интересует. Теперь к делу. Мне потребуется семь экземпляров всех бумаг к ночи. На чем мы остановились?

Значит, вот оно что, судорожно соображал Бонд, это не только операция Голдфингера и стоящего за ним СМЕРШа. Это Россия против Америки, а на острие — Голдфингер! Было ли это военной операцией — кража чего-то, принадлежащего другой стране? Но кто узнает, что золото в России? Никто, если все пройдет так, как рассчитывает Голдфингер. Ни один из гангстеров ни о чем не подозревает. Для них Голдфингер — такой же, как они, тоже гангстер, только чуть значительней обычного. А слуги Голдфингера, водители золотого каравана? Сам Бонд и Тилли Мастер-тон? Некоторых убьют, включая и его с девушкой. Некоторые, корейцы в частности, уплывут на крейсере. Не останется никаких следов, никаких свидетелей. Голдфингер опустошит Форт-Нокс, как кровавый Морган опустошил Панаму. Нет никакой разницы, разве что оружие и техниче-

ское исполнение современные.

И во всем мире существовал только один человек, способный предотвратить это. Но как?

* * *

Следующий день был заполнен бумажной работой. Каждые полчаса от Голдфингера поступали запросы на расписание для того, копии для этого, расчеты, временные таблицы. Принесли еще одну пишущую машинку, карты, литературу — все, что Бонд просил. Но ни на секунду На Все Руки не ослабил внимания и, открывая дверь, не спускал с Бонда глаз. Бонд и девушка явно не входили в команду, они были опасными рабами и только.

Тилли Мастертон трудилась не меньше. Она работала, как автомат — быстро, эффективно, аккуратно, но была совершенно некоммуникабельна. С холодной вежливостью она отвечала на попытки Бонда сблизиться, поделиться с ней своими мыслями. К вечеру он не узнал о ней ничего, кроме того, что она была неплохой фигуристкой, занималась спортом в свободное от работы время. А работала она в «Юнилеверс». Затем начала выступать в шоу на льду. Ее хобби — стрельба из винтовки и пистолета, она член двух стрелковых клубов. У нее мало друзей, она

никогда не была влюблена или помолвлена. Жила одна в двухкомнатной квартире в Ярл-Корте. Ей двадцать четыре года. Да, она понимает, что они попали в скверный переплет. Но что-нибудь должно перемениться. Это дело с Форт-Ноксом — глупость. Оно, несомненно, провалится. Она считала Пусси Галоре «совершенно дивной» и явно рассчитывала на нее, чтобы выпутаться из этого дела. Женщины с их чутьем нужны в делах, требующих особо тонкого подхода. Они инстинктивно знают, что делать. Бонду не нужно о ней беспокоиться, с ней все будет в порядке.

Бонд пришел к выводу, что Тилли Мастертон относится к тем девушкам, у которых гормоны перепутались. Ему был знаком этот тип, и он считал, что такие женщины с их мужскими повадками были прямым следствием предоставления им права голоса и «равноправия полов». В результате пятидесятилетней эмансипации женственность исчезла или переходила к мужчинам. Результатом были сексуальные недоразумения, озабоченные и растерянные женщины, желающие играть доминирующую роль, и мужчины, желающие, чтобы их нянчили. Он их жалел, но совершенно не было времени ими заниматься. Бонд усмехнулся, вспомнив свои мысли о

девушке, когда он ехал по долине Луары. Действительно, Меж Двух Грудей!

В конце дня от Голдфингера пришла последняя записка:

«Пятеро руководителей и я вылетаем завтра из аэропорта Ла-Гуардиа в одиннадцать утра чартерным рейсом с моими пилотами для воздушной рекогносцировки операции „Большой шлем“. Вы поедете со мной. Мастертон останется на месте».

Бонд присел на край постели и уставился в стенку. Затем он встал и пошел к пишущей машинке. В течение часа, не разгибаясь, он печатал в один интервал, с обеих сторон листа полный и детальный отчет о планируемой операции. Он свернул листок в полоску, скатал полоску в цилиндр размером с мизинец и тщательно залепил его жвачкой. Затем напечатал на клочке бумаги:

«Срочно и важно. Гарантируется вознаграждение в пять тысяч долларов и не будет задано никаких вопросов нашедшему этот цилиндр и доставившему его в нераспечатанном виде Феликсу Лайтеру, детективное агентство Пинкертона 154, Нассау-стрит, Нью-Йорк. Выплата наличными непосредственно при вручении».

Бонд обернул цилиндр в бумажку, по наружной стороне написал красными чернилами «Награда

5000 долларов» и приклеил маленький пакетик скотчем к внутренней стороне бедра.

19. Путешествие в Холокауст

— Мистер, нас запрашивает авиаконтроль. Спрашивают, кто мы такие. Говорят, что это закрытое пространство.

Голдфингер поднялся с кресла и прошел в кабину пилотов. Бонд увидел, как он взял микрофон. Голос Голдфингера звучал явно, перекрывая шум двигателя:

— Доброе утро, говорит мистер Голд из «Парамаунт пикчерс корпорейшн». Мы проводим разрешенную съемку территории для фильма о знаменитом рейде конфедератов в 1861 году, когда был захвачен генерал Шерман. Да, совершенно верно. В главных ролях Кэри Грант и Элизабет Тейлор. Что? Разрешение? Конечно, у нас есть разрешение. Одну минуточку, дайте взглянуть (Голдфингер, конечно, никуда не глядел), да, вот оно. Подписано шефом спецслужбы Пентагона. Конечно, командующий бронированным корпусом получит копию. О'кэй и спасибо. Надеюсь, фильм вам понравится. Пока.

Голдфингер убрал с лица легкомысленное выражение, отдал микрофон и вернулся в салон.

Расставив ноги, он глянул на сидящих пассажиров.

— Ну, джентльмены и мадам, не считаете ли вы, что мы видели достаточно? Я думаю, что все ясно и соответствует имеющейся у каждого из вас карте города. Я не хочу опускаться ниже шести тысяч футов. Сделаем еще круг и уходим. На Все Руки, принеси прохладительные напитки.

Посыпался град вопросов, на которые Голдфингер отвечал по очереди. На Все Руки поднялся с кресла рядом с Бондом и пошел в хвост салона. Бонд пошел следом под настороженным взглядом корейца, зашел в туалет и закрыл за собой дверь. Там он сел и задумался. Никаких шансов осуществить задуманное на пути в Ла-Гуардиа у него не было. Он сидел рядом с На Все Руки на заднем сиденье «бьюика». Шофер запер двери и плотно закрыл окна. Голдфингер сидел впереди. На Все Руки чуть отодвинулся, его ручищи лежали на коленях. Всю дорогу он не спускал с Бонда глаз, пока они не подъехали к трапу самолета. Поднимаясь по трапу, он также был лишен возможности двинуться, зажатый между Голдфингером и На Все Руки. Ему не оставалось ничего другого, как зайти в самолет и сесть рядом с корейцем. А десятью минутами позже подъехали остальные. Никакого

контакта с ними не было, кроме короткого обмена приветствиями. Они теперь вели себя иначе: никаких лишних слов, никаких шуточек. Это были мужчины, идущие на войну. Даже Пусси Галоре в черном дакроновом макинтоше, перетянутом черным кожаным ремнем, походила на молодого эсэсовца. Раз или два во время полета она оборачивалась к Бонду и задумчиво смотрела на него. Но она не ответила на его улыбку, возможно, не могла понять роль Бонда в этой истории, определить, кто он, собственно, такой.

По дороге обратно в Ла-Гуардиа будет то же самое. Значит, либо сейчас, либо никогда. Но где? В туалетной бумаге? Но ее могли взять либо слишком рано, либо не трогать еще неделю. Будут ли чистить пепельницы? Может быть, и нет. Но кое-что будут чистить наверняка.

Дверную ручку подергали. На Все Руки терял терпение. Может, Бонд собирался поджечь самолет.

— Иду, макака, — крикнул Бонд. Он встал, поднял сиденье, оторвал маленький пакетик от бедра и приклеил его к внутренней стороне сиденья. Его наверняка снимут, когда будут ставить самолет в ангар. Надпись «Награда 5000 долларов» была ясно видна. Ни один уборщик

не сможет пройти мимо. Если, конечно, не увидят раньше. Но Бонд не думал, что кто-нибудь поднимет сиденье. Маленькое помещение было слишком тесным, чтобы стоять. Он тихонько опустил сиденье, налил немного воды в раковину, умылся, пригладил волосы и вышел.

На Все Руки был в ярости. Он оттолкнул Бонда в сторону, внимательно осмотрел кабинку и вышел, хлопнув дверью.

Бонд прошел на свое место. Теперь сигнал SOS был в бутылке, а бутылка пущена на волю волн. Кто ее обнаружит? И когда?

Все, включая капитана и второго пилота, побывали в туалете до конца рейса. И каждый раз, как кто-то выходил оттуда. Бонд уже ощущал холодное дуло пистолета на шее, резкие слова, треск разворачиваемой бумаги.

Но вот наконец они снова сели в «бьюик», проехали по Трайборо через Манхэттен, спустились вдоль реки, въехали через надежно охраняемые ворота на склад и приступили к работе.

Теперь началась гонка — гонка между спокойным, неторопливым, действенным механизмом, запущенным Голдфингером, и тоненьким запальным фитильком, зажженным Бондом. Что происходило там, за забором? Постоянно в, после-

дующие трое суток Бонд мысленно представлял себе ход событий: Лайтер докладывает своему шефу, совещание, короткий перелет в Вашингтон, ФБР, Гувер, армия, президент. Лайтер настаивает на том, чтобы приняли условия Бонда, чтобы не предпринимали никаких подозрительных шагов, не начинали расследование, ничто не двигалось с места до дня "Х", когда должен воплотиться в жизнь контрплан замыслам Голдфингера, чтобы захватить всех, не дать никому уйти. Примут ли они его план или не посмеют дать Голдфингеру хоть маленький шанс? Переговорили ли они с М.? Настоял ли М. на том, чтобы Бонда каким-либо образом вытащили? Нет, М. зрит в корень, он согласится, что в данном случае жизнь Бонда не имеет значения. Ничто не должно помешать грандиозной операции. Конечно, придется захватить двоих «японцев» и выколотить у них кодированный сигнал, который будет ожидать Голдфингер, чтобы начать операцию.

Так ли все было, или это несбыточная мечта? Лайтер может находиться где-то в другом месте, он может выполнять какое-нибудь задание. «Кто это 007? Что это значит? Какой-то псих. Эй, Смит, проверь это дело, ладно? Съезди на склад и посмотри, что там. Извините, мистер, никаких

пяти „штук“ для вас. Вот машина, она отвезет вас обратно в Ла-Гуардиа. Боюсь, вас надули».

Или, что еще хуже, не произойдет вообще ничего. Может, самолет стоит где-нибудь и им еще не занимаются? Днем и ночью в голове Бонда вихрем носились мысли, пока он механически выполнял задания и смертоносная машина набирала ход. Пришел день "X", вызвавший последний всплеск активности. Затем вечером пришла записка от Голдфингера:

«Первая стадия операции прошла успешно. Приступаем, как и планировалось, в полночь. Возьмите копии всех карт, расписаний, графиков операций. Г.».

Тесной группой, вместе с Бондом и Тилли Мастертон — он в белой одежде хирурга, она в форме медсестры — люди Голдфингера быстро прошли по пустому перрону к спецпоезду. Все, включая Голдфингера, были одеты в соответствующую одежду с нарукавными повязками полевой медицинской службы. Вся платформа была заполнена людьми из банд. Тишина и напряжение вполне соответствовали ситуации, когда спасательная команда отправляется в район катастрофы, а носилки и защитные комбинезоны добавляли драматизма картине.

Суперинтендант спокойно разговаривал со старшими врачами в лице Миднайта, Стрэпа, Соло и Ринга. Рядом стояли мисс Галоре и полдюжины бледных медсестер с опущенными, как перед разрытой могилой, глазами. Без макияжа, с экзотическими прическами, убранными под темно-синие косынки Красного Креста, они были хорошо подготовлены к своей роли. Они с блеском выполняли роль послушных, трудолюбивых, милосердных девушек, посвятивших себя облегчению человеческих страданий.

Когда суперинтендант увидал приближающегося Голдфингера с его бригадой, он поспешил навстречу.

— Доктор Голд? Боюсь, что новости не очень хороши. Думаю, вечерние газеты дадут публикации. Все поезда задержаны в Луисвилле, Форт-Нокс не отвечает на запросы. Но вас мы пропустим. Боже мой, доктор! Что там происходит? Люди, приезжающие из Луисвилла, говорят, что русские что-то там распылили в воздухе. Конечно, — он вопросительно глянул на Голдфингера, — я в это не верю. Но что там может быть? Пищевое отравление?

Лицо Голдфингера приняло торжественное выражение, и он сказал мягким тоном:

— Вот это мы и собираемся выяснить, мой друг. За тем нас туда и направляют. Я, конечно, могу высказать предположение, но подчеркиваю — лишь предположение, что это разновидность сонной болезни, трипаносомоз.

— Вот как? — название болезни явно произвело на суперинтенданта впечатление. — Поверьте мне, доктор, мы гордимся вами и вашими ребятами из Чрезвычайной спасательной службы, — он протянул руку, и Голдфингер пожал ее. — Желаю удачи, док. Теперь, если вы прикажете вашим людям пройти в вагоны, я отправлю вам состав как можно быстрее.

— Благодарю, суперинтендант. Мои коллеги и я не забудем оказанной вами помощи.

С коротким поклоном Голдфингер удалился. Его бригада двинулась следом.

— По вагонам!

Бонд оказался в пульмановском вагоне с Тилли Мастертон и кучей корейцев и немцев. Голдфингер был в голове вагона, мило беседуя со своими сатрапами. Мимо прошла мисс Пусси Галоре. Она проигнорировала Тилли Мастертон, но окинула Бонда своим обычным изучающим взглядом. Послышался шум закрывающихся дверей. Пусси Галоре остановилась, облокотилась на спинку

сиденья впереди Бонда и посмотрела на него сверху вниз.

— Привет, Симпатяга. Давно не виделись. Похоже, дядюшка не очень-то отпускает тебя от своих штанов?

— Привет, Красотка, — ответил Бонд. — Эта одежда тебе к лицу. Я себя чувствую ослабевшим. Как насчет поухаживать за страждущим?

Фиалковые глаза внимательно изучали его.

— Знаете что, мистер Бонд? У меня такое ощущение, что в вас есть какая-то фальшь. У меня хорошо с интуицией, ясно? Что вы и эта вот кукла, — она мотнула головой назад, — делаете во всей этой каше?

— Работаем.

Поезд тронулся. Пусси Галоре выпрямилась.

— Может быть. Но если хоть что-то пойдет не так этом деле, могу поспорить на свою долю, что только Симпатяга будет знать, где собака зарыта. Понял меня?

Не дожидаясь ответа, она прошла дальше и присоединилась к совещанию старейшин.

Это была длинная, трудная ночь. Чтобы не возбудить подозрения проводников, приходилось соблюдать правила игры.

Непрерывные совещания должны были выгля-

деть как серьезные медицинские коллоквиумы, значит — не курить, не сквернословить, не харкать. Соперничество между бандами жестко контролировалось. Холодное превосходство мафии, в частности в отношении Джека Стрэпа и его веселых парней с Запада, могло вылиться в перестрелку, если бы главари не были постоянно начеку и не подавляли любые конфликты еще в зародыше. Все эти мелкие психологические факторы были учтены Голдфингером, и к ним были заранее готовы. Женщин из «Бетономешалок» аккуратно изолировали, спиртного не было, и главари постоянно занимали своих людей совещаниями, упражнениями на карте и длинными дискуссиями на тему об эвакуации добычи. Спорадически шпионили друг за другом и Голдфингера часто звали на роль третейского судьи, чтобы он определил, кому по какой дороге уходить к мексиканской границе, к пустыне или границе с Канадой. Для Бонда было открытием, что сотню самых отпетых головорезов Америки, да еще до предела взвинченных, можно заставить держаться так спокойно. Это было чудо, и чудо это совершил Голдфингер.

По мере того как поезд продвигался вперед по Пенсильвании, пассажиры впадали в беспокой-

ный, тяжелый сон. Не спал лишь Голдфингер и На Все Руки. Они постоянно были настороже, и Бонду вскоре пришлось расстаться с мыслью о том, чтобы использовать один из спрятанных им ножей против На Все Руки и попробовать убежать, когда поезд замедлит ход.

Бонд обдумывал слова суперинтенданта, крутя их и так и эдак. Суперинтендант явно принял за чистую монету то, что в Форт-Ноксе ЧП. Были ли полученные им из Луисвилла новости правдой или частью гигантского плана, необходимого, чтобы загнать всех участников заговора в один мешок? Если это план, то насколько тщательно он разработан? Сможет ли кто-нибудь уйти? Не будет ли совершено какой-либо досадной оплошности, которая вовремя даст понять Голдфингеру, что что-то не так? Или если это правда, если яд подействовал, что остается делать Бонду?

Бонд принял решение. В неразберихе часа "Х" он подберется поближе к Голдфингеру и перережет ему глотку одним из своих ножей. Чего он этим достигнет, кроме того что удовлетворит свое чувство мести? Подчинятся ли все они кому-нибудь другому? Кто может быть достаточно силен и хладнокровен, чтобы руководить? Соло? Может быть. Операция тогда, возможно, будет

успешной, бандиты уйдут с золотое, все, кроме людей Голдфингера, которые без него не будут знать, что делать. А что еще может Бонд сейчас предпринять, если шестьдесят тысяч человек уже мертвы? Мог ли он каким-либо образом предотвратить это? Был ли у него раньше шанс убить Голдфингера? Стоило ли попытаться устроить цирк на вокзале? Бонд уставился на свое отражение в окне, слушая звон колокольчиков и паровозный гудок, требующий для них свободного пути, и изматывая себя сомнениями, вопросами, угрызениями совести.

20. Самый богатый человек в истории

Красный рассвет медленно расцветал над бесконечной равниной черной травы, которая под лучами солнца постепенно превращалась в знаменитую голубую равнину Кентукки. В шесть часов поезд начал замедлять ход. Вскоре они проехали пригороды Луисвилла и остановились у практически безлюдного перрона.

Их встречала небольшая группа людей. Голдфингер, с черными кругами под глазами от бессонной ночи, подозвал одного из немцев, взял свой маленький чемоданчик и ступил на платформу. Прошло короткое серьезное совещание, говорил в основном суперинтендант Луисвилла, Голдфингер лишь изредка задавал вопросы и серьезно кивал, выслушивая ответы, после чего вернулся к поезду. Мистера Соло отправили выслушать его доклад. Тот встал в дверях вагона, и Бонд услышал скорбный голос Голдфингера:

— Боюсь, доктор, что оправдались наши худшие предположения. Я теперь пойду к локомотиву вот с этим (он поднял чемоданчик), и мы мед-

ленно двинемся в зараженный район. Скажите, пожалуйста, всем, чтобы они были готовы надеть маски. У меня маски для машиниста и кочегара. Все остальные железнодорожники сойдут с поезда здесь.

— Хорошо, профессор, — кивнул головой Соло и закрыло дверь. Голдфингер двинулся вперед по платформе со своим немцем-телохранителем и преисполненной уважения, пожимающей всем руки группкой.

После короткой паузы длинный состав тихо, почти благоговейно гуднул и двинулся прочь от станции, оставив на платформе группу официальных лиц, теперь пополнившуюся четырьмя сгорающими от стыда проводниками, поднявшими руки как бы в благословении.

Еще тридцать пять минут — полчаса езды! Медсестры принесли кофе и орешки, а тем, у кого сдавали нервы (Голдфингер предвидел все!), — декседрин. Медсестры были бледны и молчаливы. Никто не шутил, не острил, поезд был наполнен напряжением.

Через десять минут скорость резко упала и раздался скрежет тормозов. Кофе пролился. Поезд почти стал, затем дернулся и снова набрал скорость. Другой человек занял место покойного

машиниста.

Спустя несколько минут по составу пронесся Стрэп.

— Осталось десять минут. Подъем, ребята! Командам А, В и С экипироваться. Все идет как надо. Спокойнее. Помните свои обязанности!

И он побежал дальше. Бонд услышал, как он повторяет указания в соседних купе.

Бонд повернулся к На Все Руки.

— Слушай, ты, обезьяна. Я иду в туалет, и, видимо, мисс Мастертон пойдет тоже.

Он повернулся к девушке.

— Как, Тилли?

— Да, — равнодушно сказала она. — Пожалуй, да. — Иди первая.

Кореец, сидящий рядом с девушкой, вопросительно посмотрел на На Все Руки. Тот покачал головой.

— Если вы не пустите ее одну, я затею драку. Голдфингеру это не понравится, — повернувшись к девушке, Бонд добавил: — Иди, Тилли, я послежу за этими макаками.

На Все Руки издал серию тявканий и мычаний, которые второй кореец понял. Он встал и сказал:

— О'кэй. Но дверь не запирать.

Кореец прошел с девушкой, стал у двери и ждал,

пока она не вышла.

На Все Руки проделал тот же маневр с Бондом. Войдя внутрь, Бонд снял свой правый ботинок, вынул оттуда нож и засунул его за пояс брюк. Один ботинок теперь был без каблука, но в этой суматохе никто ничего не заметит. Бонд умылся. Лицо, смотрящее на него из зеркала, было бледным, а серые глаза казались темными от внутреннего напряжения. Он вышел и уселся на свое место.

Они подъезжали к каким-то строениям, вблизи оказавшимися ангарами. Аэродром Годмэн! Локомотив мягко просигналил. Промелькнули новые виллы, часть нового жилого района. Они казались незаселенными. Теперь слева вилась черная лента Бранденбургской дороги. Бонд напрягся. Квадрат Форт-Нокса мягко вырисовывался в легкой дымке. Воздух был кристально чист — ни дымка, ни звука. Поезд притормозил. На дороге произошла тяжелая автомобильная катастрофа. Две машины столкнулись лоб в лоб. Тело мужчины наполовину вывалилось из разбитой дверцы. Вторая машина лежала вверх колесами, как дохлый жук. Сердце Бонда заколотилось. Сигнальный маяк болтался туда-сюда. Из окна свешивалось что-то белое. Мужская рубашка?

Тело человека, одетого в белую рубашку, голова свесилась ниже оконной рамы. Ряд современных бунгало. Посередине лужайки лежал лицом вниз человек в рубашке и брюках. Травяной покров был везде абсолютно ровный, только около мужчины трава была смята и сбита руками. Бельевая веревка, оборванная женщиной при падении. Женщина лежала среди белья рядом с натянутой струной, увешанной полотенцами и постельным бельем. Поезд на черепашьей скорости въезжал в город, и всюду, на каждой улице, в каждом переулке там и тут лежали человеческие фигуры — поодиночке и группами, в инвалидных креслах, посередине пешеходных переходов, в машинах, которые успели остановить, в витринах магазинов, куда они рухнули. Смерть! Везде мертвецы. Никакого движения, никакого звука.

По вагонам пошел шум. Появился Билли Ринг, как всегда улыбающийся. Он остановился возле Бонда.

— Здорово! — восторженно воскликнул он. — Старина Голди действительно выключил их всех! Жаль, конечно, что некоторым приспичило прокатиться, когда они отключились. Но, как говорят, не разбив яиц, не приготовишь яичницы. Верно?

Бонд улыбнулся одними губами.

— Верно.

Билли Ринг сложил от смеха свои изуродованные губы буквой "О" и удалился.

Поезд миновал Брандербургский вокзал. Здесь была свалка тел — мужских, женских, детских. Платформа была усыпана телами: вверх лицом, вниз лицом, на боку. Бонд выискивал хоть малейший признак жизни — открытый смотрящий глаз, шевеление руки. Ничего! Стоп. Что это? Сквозь закрытые окна доносился тихий писк. Три коляски стояли возле билетных касс, матери лежали рядом на полу. Ну, конечно! Дети в колясках пьют молоко, а не воду.

На Все Руки поднялся на ноги, как и вся голдфингеровская команда. Лица корейцев были бесстрастны как всегда, только глаза их сверкали звериным блеском. Немцы были бледны и хмуры. Друг на друга никто не смотрел. Молча они подошли к выходу и выстроились в ожидании.

Тилли Мастертон коснулась рукава Бонда. Голос ее дрожал.

— Вы уверены, что они просто спят? Мне показалось, я видела что-то... что-то вроде пены у некоторых на губах.

Бонд тоже это видел. Пена была розовой. Он

сказал:

— Думаю, что кто-то из них ел конфеты или что-то еще, когда уснул. Ты же знаешь этих американцев — они вечно что-то жуют.

Следующие слова он произнес еле слышно:

— Держись от меня подальше. Возможно, будет пальба.

Он посмотрел на нее, чтобы выяснить, поняла ли она.

Девушка тупо кивнула, не глядя на него, и пробормотала:

— Я буду держаться Пусси. Она присмотрит за мной.

Бонд улыбнулся ей и ободряюще шепнул:

— Хорошо.

Поезд остановился. Раздался паровозный гудок. Двери вагонов распахнулись, и боевые группы посыпались на платформу возле хранилища.

Дальше события развивались с военной четкостью. Различные подразделения строились в боевые порядки, сначала авангардная группа, вооруженная автоматами и пулеметами, затем группа с носилками, чтобы вынести спящих охранников из хранилища (явно лишний красивый жест, подумал Бонд), затем голдфингеровская команда подрывников — десять человек, затем

группа водителей и регулировщиков, группа медсестер, теперь вооруженных пистолетами, они должны были остаться в арьергарде вместе с тяжело вооруженной группой резерва, в задачу которой входило урегулирование возможных конфликтов и попыток неожиданного вмешательства со стороны тех, кто, как сказал Голдфингер, «мог проснуться раньше времени».

Бонд и девушка вошли в командную группу вместе с Голдфингером, На Все Руки и пятью главарями. Они должны были оставаться на плоской крыше двух дизельных локомотивов, которые стояли, как и планировалось, таким образом, чтобы видны были все подступы к хранилищу. Они должны были держать наготове все карты, расписание. Бонду к тому же вменялось в обязанность следить по секундомеру за малейшими нарушениями графика и обращать на все отклонения внимание Голдфингера, который через «уоки-токи» держал связь с командирами подразделений. В момент взрыва они должны были укрыться за локомотивами.

Раздался двойной гудок, и, пока Бонд с девушкой взбирались на крышу первого локомотива, отряд направился к хранилищу. Бонд насколько возможно приблизился к Голдфингеру. Гол-

дфингер смотрел в бинокль, на груди у него был прикреплен микрофон. Но между ними стоял На Все Руки, надежная гора мяса, и его глаза, равнодушные к разворачивающейся драме, не выпускали из виду Бонда и девушку.

Бонд под прикрытием карты и прочих вещей прикидывал дюймы и углы. Он глянул на группу из четырех мужчин и женщины. Они, как завороженные, смотрели на разворачивающуюся перед их глазами сцену. Джек Стрэп восторженно воскликнул:

— Они прошли первые ворота!

Бонд, продолжая обдумывать свой план, быстро посмотрел на поле боя. Зрелище было удивительное. В центре стоял приземистый квадратный мавзолей, на его стенах из полированного гранита играло солнце. На дорогах возле него стояли караваны грузовиков и транспортеров с опознавательными знаками каждой банды, водители дисциплинированно прятались за стальной стеной внешнего кольца. А за пределами этого мира движения стояли полная тишина и покой, как будто вся Америка затаила дыхание перед грандиозным преступлением. Снаружи лежали тела — охранники, караульные с автоматами в руках, у дальней, стены — взвод солдат в полевой

форме. Они лежали кто как, некоторые вповалку, упав друг на друга. Между Буллион-бульваром и главными воротами столкнулись два броневика и стояли теперь сцепившись, пулеметы нацелены один в землю, другой в небо. Из башни одного из броневиков свисало тело водителя.

Бонд безнадежно пытался найти хоть какие-то признаки жизни, какое-нибудь движение, указывающее на то, что все это — тщательно подготовленная засада. Ничего! Ни малейшего шороха. Ни звука не доносилось из зданий, образующих задний план. Только боевые отряды бандитов были заняты выполнением своих задач или стояли в ожидании.

Голдфингер спокойно произнес в микрофон:

— Последние носилки вон. Подрывникам приготовиться. Остальные — в укрытие.

Теперь силы прикрытия и люди с носилками заспешили на выход, чтобы успеть укрыться за стеной. У них было пять минут, чтобы освободить зону, прежде чем подрывники зайдут внутрь.

— Они на минуту впереди графика, — заметил Бонд.

Голдфингер глянул на него из-за спины На Все Руки. Бесцветные глаза, горевшие огнем, смотрели прямо в глаза Бонда. Рот Голдфингера

искривился. Сквозь зубы он произнес:

— Видите, мистер Бонд. Вы ошибались, а я был прав. Еще десять минут, и я буду самым богатым человеком на Земле, самым богатым человеком в истории человечества. Что вы на это скажете?

Его рот выплевывал слова.

— Я вам отвечу по истечении этих самых десяти минут, — вежливо ответил Бонд.

— Ответите? Может быть.

Он посмотрел на часы и быстро заговорил в микрофон. Голдфингеровская группа с взрывателем вошла в ворота. Голдфингер посмотрел мимо Бонда на главарей банд, стоящих на крыше второго локомотива. Он торжествующе сказал:

— Еще пять минут, джентльмены, и нам нужно будет укрыться. — Он скосил глаза на Бонда. — Тогда наступит пора прощаться, мистер Бонд. И спасибо за помощь, оказанную вами и девушкой.

Краем глаза Бонд заметил движение, движение в небе. Это была сигнальная ракета. Когда она достигла верхушки своей траектории, донесся хлопок.

Сердце Бонда затрепетало. Быстрый взгляд позволил ему убедиться, что мертвые солдаты быстро возвращаются к жизни, пулеметы броневиков нацелены на ворота. Из ниоткуда взревел

мегафон:

— Стойте на месте. Сложите оружие.

Одна из групп прикрытия открыла огонь, и тут же на них обрушились все силы ада.

Бонд схватил девушку за талию и прыгнул вниз. Смягчив падение с десятифутовой высоты рукой и удержав девушку на ногах толчком бедра, он побежал с ней вдоль состава, укрываясь за ним. Бонд услышал, как Голдфингер крикнул:

— Догони их и убей!

Очередь из автомата Голдфингера простучала по бетону слева от Бонда. Но, чтобы попасть, Голдфингеру нужно было стрелять с левой руки. Кого Бонд опасался, так это На Все руки. Добежав с девушкой до края платформы, Бонд услышал шаги бегущего человека.

Девушка стала вырывать руку.

— Нет, нет! Стой! — зло крикнула она. — Я хочу быть поближе к Пусси. С ней я в безопасности!

— Заткнись, дура! — рявкнул Бонд. — Беги впереди собственного свиста, ясно?

Но она теперь висла на нем, мешала бежать. Внезапно она вырвала свою руку и попыталась влезть в вагон. Боже, подумал Бонд, идиотка! Он достал нож из-за пояса и повернул навстречу корейцу.

В десяти ярдах На Все Руки чуть затормозил свой бег, снял котелок и метнул вперед. Шляпа ударила девушку точно в основание черепа. Не издав ни звука, она рухнула вниз на платформу в ноги корейцу. Этого хватило, чтобы На Все Руки придержал удар, предназначенный Бонду. Бонд нырнул вперед; выбросив руку с ножом. Нож вошел где-то в области ребер, но могучая гора мышц выбила его из руки и он со звоном упал на платформу.

Теперь На Все Руки приближался к нему без оружия, в боевой стойке, готовый нанести удар рукой или ногой. Из раны у него текла кровь, глаза его были красны, как рубины, из открытого, тяжело дышащего рта текла струйка слюны.

Сквозь орудийные залпы и автоматные очереди донесся тройной гудок паровоза. На Все Руки яростно взревел и сделал выпад. Бонд нырнул в сторону. Что-то ударило его в плечо, и он полетел кувырком. Теперь, подумал он, приземлившись, последует последний, смертельный удар. Он неловко поднялся на ноги, втянув голову в плечи, чтобы смягчить удар. Но удара не последовало, и помутившиеся глаза Бонда увидели фигуру На Все Руки, удаляющуюся по платформе.

Первый локомотив уже тронулся. На Все Ру-

ки догнал его и вспрыгнул на подножку. На мгновение он повис, ища ногами опору, затем подтянулся, исчез в кабине, и локомотив набрал ход.

За спиной Бонда распахнулась дверь офиса, раздался топот ног и вопль «Сантьяго!» — Святой Иаков — воинственный клич Кортеса. Святым Иаковом Лайтер однажды в шутку окрестил Бонда. Бонд резко повернулся. Светловолосый техасец, одетый в свой мундир морского пехотинца времен войны, бежал по платформе впереди дюжины людей в хаки. На металлическом крюке, заменяющем ему руку, висела базука. Бонд побежал ему навстречу.

— Не подстрели мою лисицу, сукин ты сын, — сказал он. — Дай сюда.

Он вырвал базуку у Лайтера, лег на платформу, расставив ноги, и прицелился в локомотив, отошедший уже на двести ярдов и приближавшийся к эстакаде через шоссе Дикси.

— Уйдите с дороги! — крикнул Бонд людям, оказавшимся на линии прицела. Базука вздрогнула, и десятифунтовый снаряд полетел к цели. Вспышка, синий дым. Куски уходящей машины полетели в стороны. Однако локомотив не остановился, пересек эстакаду и ушел за поворот.

— Неплохо для салаги, — прокомментировал Лайтер. — Может, ты и вывел из строя задний двигатель, но у этой штуки их два и она может двигаться на одном.

Бонд поднялся на ноги и тепло улыбнулся, глядя в орлиные глаза техасца.

— Ты, недоразумение господнее, — сказал он саркастически. — Какого лешего ты не перекрыл эту линию?

— Слушай, чучело, если ты чем-то не доволен, то скажи об этом Президенту. Он лично руководит этой операцией. В воздухе сейчас самолет, они не дадут локомотиву уйти, и к полудню старина Голди будет у нас в холодной. Откуда мы знали, что он останется на поезде?

Он треснул Бонда по спине.

— Чертушка, рад тебя видеть! Мы с этими ребятами были специально определены тебе в охранники. Бегали тут всюду в поисках тебя, и нас лупили со всех сторон.

Он повернулся к солдатам.

— Верно, ребята?

— Точно так, капитан, — засмеялись они.

Бонд с уважением посмотрел на техасца, с которым вместе пережил много приключений, и серьезно сказал:

— Благословен будь, Феликс. Ты всегда спасаешь мне жизнь. На сей раз ты чуть не опоздал. Боюсь, что для Тилли Мастертон уже поздно.

Он пошел вдоль состава, Феликс следом за ним. Маленькая фигурка лежала там, где и упала. Бонд опустился на колени рядом с ней. Голова была вывернута под немыслимым углом, как у сломанной куклы. Все было ясно. Бонд пощупал пульс и поднялся.

— Бедная маленькая сучка. Она была не очень высокого мнения о мужчинах.

Он посмотрел на Лайтера.

— Феликс, я бы спас ее, если бы она следовала за мной.

Лайтер ничего не понял. Он положил руку Бонду на плечо и сказал:

— Конечно, малыш. Успокойся.

Он повернулся к своим людям.

— Двое из вас пусть отнесут девушку в помещение. О'Брайен, вызови «скорую помощь». Когда покончите с этим, зайди на командный пункт и расскажи подробности. Скажи, что мы нашли коммандера Бонда и я приведу его с собой.

Бонд стоял, и смотрел вниз, на маленькую кучку костей и тряпок. Перед его глазами стояла красивая, гордая девушка с косынкой на голове в

летящем «триумфе». Теперь ее не стало.

Высоко в небе вспыхнула ракета, достигла высшей точки и зависла. Затем донесся хлопок. Это был сигнал к прекращению огня.

21. Последний трюк

Это произошло два дня спустя. Феликс Лайтер быстро вел черный «стадиллак» по забитому машинами мосту Трайборо. До отлета самолета, которым улетал Бонд, вечернего рейса ВОАС на Лондон, было еще полно времени, но Лайтер явно поставил себе целью изменить низкое мнение Бонда об американских автомобилях. Теперь стальной крюк, который был у него вместо правой руки, переключил скорость, и низкий черный автомобиль втиснулся в узенькое пространство между огромным рефрижератором и «олдсмобилем», заднее стекло которого было почти сплошь залеплено различными этикетками.

Бонд дернулся по инерции и клацнул зубами. Когда маневр был закончен и недовольное гудение осталось где-то позади. Бонд ехидно заметил:

— Пора тебе уже пересаживаться из детской машины в скоростную карету. Эта езда на велосипеде в одиночку старит. В один прекрасный день ты остановишься, а когда ты остановишься, ты начнешь умирать.

Лайтер засмеялся:

— Видишь впереди зеленый свет? Спорим, я проскочу раньше, чем он переключится на красный?

Машина рванула вперед, как будто ее сильно пнули сзади. Громко сигналя, она неслась, лавируя в потоке машин со скоростью девяносто миль в час, проскочила светофор и плавно покатила по центральной линии.

— Когда-нибудь ты нарвешься не на того полицейского, — спокойно сказал Бонд. — И твое удостоверение агентства Пинкертона не поможет. Они тебя посадят не за то, что ты слишком медленно едешь, а за то, что машины сзади тебя сталкиваются между собой. Тебе нужна машина вроде старого доброго «роллс-ройса» «Серебряная тень» с бронированными стеклами, чтобы ты мог любоваться красотами природы, — Бонд показал на тяжелый лимузин, едущий рядом. — Максимальная скорость пятьдесят, может останавливаться и даже, при желании, давать задний ход. Сигнальные рожки. Вполне подходит твоему малохольному стилю. Кстати, скоро один такой будет продаваться — голдфингеровский. А что, собственно, произошло с Голдфингером? Они его еще не взяли?

Лайтер посмотрел на часы и перестроился в боковой ряд, сбросив скорость до сорока.

— Сказать по правде, мы слегка обеспокоены, — серьезно ответил он. — Газеты шпыняют нас, точнее гуверовскую клику, со страшной силой. Сначала они спустили на нас собак из-за того, что мы не взяли бандитов раньше. Мы не могли сказать, что мы-то здесь ни при чем, что это кое-кто в Лондоне, старая лиса М., настоял на этом. Газетчики кричали, что мы путаемся в собственных ногах и так далее. Должен заметить, Джеймс, — голос Лайтера приобрел извиняющиеся нотки, — мы не можем подобрать ключ. Они нашли локомотив. Голдфингер поставил его на автоматическое управление и пустил со скоростью тридцать миль в час. В каком-то месте он сошел со своим корейцем, а возможно, и с этой девицей Галоре и четырьмя бандитами, потому что они тоже испарились. Мы, конечно, нашли его грузовики, они стояли на шоссе при выезде из Элизабетвиля. Ни одного водителя. Так что Голдфингер со своей мощной командой где-то залег на дно. Они не могли попасть на крейсер «Свердловск» в Норфолке. Мы поставили в доках кучу агентов в штатском, и они сообщили, что крейсер ушел по расписанию, посторонние на борт

не поднимались. Ни одна собака не появлялась вблизи склада на Ист-Ривер, никто не появлялся в Айдлуайлде или на границах — мексиканской и канадской. Могу поклясться, что этот Джед Миднайт вывез их каким-то образом на Кубу. Если они взяли пару-тройку грузовиков и гнали со страшной скоростью, то довольно быстро могли добраться до Флориды, до Дайтон-Бич, например, а у Миднайта там все схвачено. Береговая охрана и авиация были подняты по тревоге, но ничего не обнаружили. Но они могли днем скрываться, а ночью отправиться на Кубу. Все этим сильно обеспокоены, а Президент буквально мечет икру.

Весь предыдущий день Бонд провел в Вашингтоне, топча толстые дорогие красные ковры. Произносились речи в Монетном дворе, Пентагоне, он провел довольно сложные четверть часа с Президентом, а оставшуюся часть дня работал со стенографистами в гуверовской конторе. Потом у него был короткий разговор с М. по телефону из посольства. М. рассказал, как развивались события в Европе. Как Бонд и рассчитывал, телеграмма Голдфингера в «Юниверсал экспорт» была воспринята как SOS. Предприятия в Рикалвере и Копэ были подвергнуты тщательному обыску, и там нашли дополнительные улики,

подтверждающие контрабанду золотом.

Правительство Индии было уведомлено о самолете, в Бомбее его ждали, швейцарская спецбригада быстро нашла автомобиль Бонда и путь, по которому Бонда и девушку вывезли в Америку. Но здесь ФБР потеряло нить. М. казался довольным тем, как Бонд справился с операцией «Большой шлем», но сказал, что Английский банк обеспокоен судьбой голдфингеровских двадцати миллионов. Голдфингер собрал их все в банках Нью-Йорка, но в день "Х" изъял оттуда и вывез в крытом грузовике в неизвестном направлении. Английский банк уже получил право на конфискацию этих денег в случае их обнаружения. Но поскольку это дело велось теперь казначейством США и ФБР, а М. не имел никаких прав на территории США, Бонду лучше сейчас же вернуться в Англию и помочь утрясти это дело. Ах да, была еще просьба Премьер-министра разрешить Бонду принять американскую правительственную награду. Конечно, М. пришлось объяснить Премьер-министру, что правила Секретной службы не позволяют этого, особенно в отношении иностранных государств, какими бы дружественными они ни были. Нехорошо, конечно, но М. знал, что Бонд к этому готов. Правила ему

известны. Бонд сказал «да», конечно, и «спасибо большое» и взял билет на ближайший же рейс.

Теперь, когда они спокойненько ехали в аэропорт, Бонд ощущал легкое чувство неудовлетворенности. Он не любил оставлять дела незаконченными. Ни один из крупных гангстеров не был схвачен, а сам он не выполнил два задания: не захватил Голдфингера и не нашел его золота. То, что операция «Большой шлем» сорвалась, можно было отнести к разряду чудес. Его записка была найдена всего за два дня до событий и доставлена Лайтеру за полчаса до отлета последнего на побережье. Дальше, правда, Лайтер развил кипучую деятельность — сначала к своему шефу, затем в ФБР, где было досье Бонда. К тому же они связались с М. через ЦРУ, и этого оказалось достаточно, чтобы уже через час дело было доложено Президенту. Дальше требовалось только разыграть грандиозный спектакль в Форт-Ноксе, в котором так или иначе были задействованы все его обитатели. Двоих «японцев» легко схватили, и химики подтвердили, что под видом джина в их флягах находится GB в количестве, достаточном, чтобы убить все население Форт-Нокса. Этих двоих быстро и весьма эффективно допросили и выбили из них необхо-

димую информацию. Сигнал Голдфингеру был дан. Затем армия объявила тревогу. Все дороги к Форт-Ноксу были блокированы, поезда и машины задерживались, кроме состава с гангстерами. Все остальное было тщательно разыгранной мизансценой, вплоть до розовой пены на губах и кричащих младенцев для пущей достоверности.

Да, все, что касалось Вашингтона, было в лучшем виде, а вот что до Англии... Кого в Америке трогали проблемы Английского банка? Кого интересовало, что во всей этой катавасии погибли две английские девушки? Кого действительно волновало, что Голдфингер по-прежнему гуляет на свободе, если американские сокровища в целости и сохранности?

Они приехали в аэропорт, когда уже объявили посадку:

— "Пан Американ" объявляет об отправлении рейса PA–100. «Трансуорлд эйруейз» вызывает капитана Мерфи. Капитан Мерфи, пожалуйста. BOAC объявляет о посадке рейса BA–491. Для пассажиров выход номер девять.

Бонд взял чемодан и попрощался с Лайтером:

— Ну что же, спасибо за все, Феликс. Пиши мне ежедневно.

Лайтер сильно сжал ему руку.

— Конечно, малыш. И не волнуйся. Скажи этой старой перечнице М., чтобы он скорее присылал тебя обратно. В следующий раз мы обязательно найдем время оторваться. Пора тебе навестить мой родной штат. Пока, значит.

Лайтер сел в машину и умчался. Бонд поднял руку. В заднем стекле прощально мелькнул металлический крюк Лайтера, и машина исчезла.

Бонд поднял чемодан и пошел на регистрацию BOAC. У него было еще полчаса, он с удовольствием потолкался в толпе, выпил бурбон с содовой в ресторане и убил время, выбирая себе чтиво на дорогу. Купил книгу о гольфе, последний роман Чандлера и посмотрел сувениры, чтобы привезти какую-нибудь мелочь секретарше.

Через несколько минут по радио мужской голос зачитал длинный список пассажиров BOAC, которым нужно было подойти к регистрационной стойке компании. Бонд как раз покупал дорогую шариковую ручку, когда услышал свою фамилию.

— Мистера Джеймса Бонда, вылетающего рейсом BOAC–510 на Гандер и Лондон, просят подойти к стойке Мистер Джеймс Бонд, пожалуйста.

Наверное, хотят, чтобы он заполнил декларацию на деньги, заработанные им в Америке. Как

правило. Бонд никогда этого не делал, и ему только раз пришлось объясняться по этому поводу в Айдлуайлде. Он вышел из магазинчика и пошел к стойке BOAC. Служащий был вежлив.

— Могу я посмотреть ваш медицинский сертификат, мистер Бонд?

Бонд достал требуемое из паспорта и протянул служащему. Тот внимательно изучил бумагу.

— Мне очень жаль, но в Гандере выявлен случай заболевания тифом, и они настаивают, чтобы все транзитные пассажиры, у которых прививка сделана более полугода назад, повторили ее. Очень жаль, сэр, но они настаивают. Плохо, что у нас нет прямого рейса, но встречный ветер очень сильный.

Бонд ненавидел уколы и раздраженно буркнул:

— Послушайте, я по уши залит всякими вакцинами. Меня колют уже лет двадцать по любому поводу!

Он огляделся. Вокруг стойки BOAC было на удивление безлюдно.

— А как другие пассажиры? Где они?

— Они все согласились, сэр. Им сейчас как раз делают прививки. Это займет не больше минуты, сэр, если вы соблаговолите пройти вот сюда.

— А, ладно, — Бонд нетерпеливо дернул плечом и пошел следом за служащим в офис BOAC. Там находился врач в обычном белом одеянии с маской на лице и с готовым шприцем в руках.

— Последний?

— Да, доктор.

— О'кэй. Снимите пиджак и закатайте рукав, пожалуйста. Паршиво, что они там, в Гандере, такие щепетильные.

— Да уж, паршивей некуда, — согласился Бонд. — Чего они боятся? Распространения черной смерти?

Запахло спиртом и послышался сухой щелчок шприца.

— Спасибо.

Бонд опустил рукав и попытался взять со стула свой пиджак. Рука его потянулась за ним, но промахнулась и пошла вниз, вниз, вниз к полу. Тело нырнуло вслед за рукой вниз, вниз, вниз...

* * *

В самолете было включено все освещение. Похоже, много свободных мест. Почему же тогда он сидит рядом с кем-то еще? Бонд попробовал встать, чтобы поменять место. Его окатила волна дурноты. Он закрыл глаза и подождал. Удиви-

тельно! Его же никогда не укачивает. Он ощутил на лице холодный пот. Платок. Стереть его. Он снова открыл глаза и посмотрел на свои руки. Запястья были накрепко привязаны к ручкам кресла. Что произошло? Ему сделали укол, и он отключился или что-то в этом роде? Начал буянить, что ли? Что, черт побери, творится? Он посмотрел на соседа и замер в ступоре. Рядом сидел На Все Руки. На Все Руки в форме BOAC!

На Все Руки равнодушно посмотрел на него и нажал кнопку вызова. Сзади послышался шорох юбки. Он поднял глаза. Это была Пусси Галоре, чистенькая и свежая в синей форме стюардессы!

— Привет, Симпатяга, — сказала она и посмотрела на него глубоким, изучающим взглядом. Откуда ему был знаком этот взгляд? Из прошлой жизни столетие назад.

— Господи боже мой, — в отчаянии воскликнул Бонд. — Что происходит? Откуда вы свалились?

Девушка ласково улыбнулась.

— Подумать только, едят икру и пьют шампанское. Вы, британцы, несомненно, ведете жизнь аристократов, когда поднимаетесь на высоту двадцать тысяч футов. Никакой брюссельской капусты, а если здесь и есть чай, то мне его пока не удалось обнаружить. А теперь спокойно Дя-

дюшка хочет с тобой поговорить.

Она развернулась и исчезла в пилотской кабине.

Теперь Бонда уже ничто не могло удивить. Голдфингер в форме капитана BOAC, великоватой для него, в фуражке, сидящей на затылке, закрыл за собой дверь пилотской кабины и направился по проходу к нему.

Он встал и хмуро посмотрел на Бонда.

— Что же, мистер Бонд. Судьба пожелала, чтобы мы довели игру до конца. Но теперь у вас не может быть козыря в рукаве. Ха!

В этом возгласе звучала смесь ярости, стоицизма и уважения.

— Вы действительно умудрились стать змеей на моей груди. — Большая голова покачнулась. И зачем я сохранил вам жизнь? Почему не раздавил, как жука? Вы и девушка мне пригодились, здесь я был прав Но я оказался сумасшедшим, если пошел на это Да, сумасшедшим. Голос упал и стал тихим и медленным. А теперь, мистер Бонд, расскажите мне, как вы это сделали? Как вы передали информацию?

— Нам нужно поговорить, Голдфингер, — спокойно сказал Бонд. — Я вам-кое-что расскажу. Но не раньше, чем меня развяжут, принесут бутылку

бурбона, лед и пачку «Честерфилда». Затем, когда вы расскажете мне то, что меня интересует, я решу, что следует рассказать вам. Как вы изволили заметить, положение мое аховое или кажется таковым. Поэтому терять мне нечего, и если вы хотите от меня что-то услышать, это будет на моих условиях.

— Я не возражаю против ваших условий. Как дань уважения вашим талантам я позволю вам провести ваше последнее путешествие с комфортом. На Все Руки! Вызови мисс Галоре и развяжи веревки. Пересядь на другое сиденье. Он не может причинить вреда, сидя сзади, но не позволяй ему приближаться к двери. В случае необходимости убей его, хотя я предпочел бы доставить его к месту назначения живым. Понял?

— Аргх.

Пять минут спустя Бонд получил, что хотел. На столике перед ним стояла бутылка и лежали сигареты. Он налил себе виски. Голдфингер ждал, сидя в кресле через проход. Бонд взял стакан и начал потягивать из него. Он собирался сделать глоток побольше, когда увидел что-то. Бонд аккуратно поставил стакан, чтобы не сдвинуть бумажную подставку, прилипшую к дну, зажег сигарету, снова взял стакан, достал кусочки льда,

переложил их обратно в ведерко и допил виски почти до конца.

Теперь можно было прочитать слова сквозь стеклянное дно. Он опять аккуратно поставил стакан. Текст гласил: «Я с тобой. П.».

Бонд устроился поудобнее.

— Ну-с, Голдфингер, в первую очередь я хочу знать, что происходит? Как вы попали в самолет? Куда он направляется?

Голдфингер закинул ногу на ногу. Не глядя на Бонда, он ответил спокойным тоном:

— Я взял три грузовика и поехал через всю страну к мысу Гаттерас. В одном из грузовиков был мой личный капитал. В двух других находились водители, мой персонал и вожаки гангстеров, из которых мне нужна была только мисс Галоре. Я оставил кое-кого из персонала, выплатил остальным изрядные суммы и постепенно высадил их по дороге. На берегу я пригласил гангстеров на совещание в пустынное место, оставив под каким-то предлогом мисс Галоре с грузовиками. Четверых мужчин я перестрелял, на каждого, как обычно, по выстрелу. Вернувшись, я объяснил, что они предпочли взять деньги и действовать дальше самостоятельно. Теперь со мной было шесть человек, девушка и золото. Я нанял са-

молет до Ньюарка, штат Нью-Джерси, золотые пластины сошли за рентгеновские. Оттуда я проехал один по определенному адресу в Нью-Йорк, связался по радио с Москвой и рассказал о провале операции «Большой шлем». В разговоре я упомянул ваше имя. Мои друзья, которые, я думаю, известны вам, проходящие под общим названием СМЕРШ, узнали фамилию Бонд и сообщили мне, кто вы такой. Я сразу понял все то, что прежде никак не мог сложить в единое целое Мне сказали, что СМЕРШ очень хотел бы с вами побеседовать. Я обдумал это дело. И постепенно разработал план, который сейчас вы видите в действии. Сойдя за вашего друга, я без труда выяснил номер рейса, трое из моих людей — бывшие летчики Люфтваффе, они уверили меня, что легко смогут вести этот самолет. Остальное — детали. Холодным блефом, внушением и небольшой демонстрацией силы мы убедили весь персонал BOAC в Айдлуайлде, экипаж самолета и пассажиров, что им должны быть сделаны инъекции, от которых они сейчас уже оправляются. Мы переоделись в форму, снятую с экипажа, загрузили золото в самолет, разобрались с вами, доставив вас сюда на носилках. В положенное время новый экипаж BOAC со своей стюардессой поднялся на

борт, и мы взлетели.

Голдфингер помолчал, затем решительно поднял руку:

— Конечно, не обошлось и без недоразумений. Нам приказали следовать по направлению Альфа к полосе четыре. Мы смогли найти ее, только следуя за самолетом KLM. У них в аэропорту свои порядки, и мы не всегда им четко следовали, мистер Бонд, но благодаря уму, хладнокровию и выдержке мы сумели справиться со всеми трудностями.

Насколько я понял из радиопереговоров, наш самолет скоро начнут разыскивать. Они уже запрашивали нас, почему мы отклонились от маршрута, затем запросили высоту, на которой мы идем. Меня это мало волнует Топлива нам хватит, а Москва уже дала «добро» на посадку в Восточном Берлине, Киеве или Мурманске. Мы летим по любому из этих маршрутов в зависимости от погодных условий. Неприятностей быть не должно. Если они возникнут, я сам поведу переговоры. Никто не решится сбить драгоценный самолет BOAC. А таинственность и неразбериха послужат нам защитой, пока мы не окажемся в глубине воздушного пространства СССР и там исчезнем без следа.

С тех пор как Бонд услышал изложение в деталях операции «Большой шлем», он считал, что для Голдфингера нет ничего невозможного, ничего фантастического. Угон самолета в изложении Голдфингера был явлением обычным для него, это стояло в одном ряду с его методами контрабанды золота, с получением ядерных зарядов. При внимательном изучении, хотя все это и отдавало магией, даже гениальностью, становилось ясно, что в своей основе это были логические умозаключения. Единственная их странность — это масштабность. Даже такой мелкий трюк, как обман Дюпона, был блистательно проработан. Несомненно, Голдфингер — мастер преступлений, такой же великий в своей области, как Челлини и Эйнштейн в своих.

— А теперь, мистер Бонд из британской Секретной службы, как мы и договорились... Что вы имеете мне сказать? Кто натравил вас на меня? Что они заподозрили? Как вам удалось помешать моим планам?

Голдфингер откинулся в кресле, сложил руки на животе и уставился в потолок.

Бонд выдал Голдфингеру укороченную версию истинного положения дел. Он не упомянул СМЕРШ, местонахождение почтового ящика,

обнаруженного им, ничего не сказал о «Гомере», устройстве, возможно еще не знакомом русским. В заключение он сказал:

— Так что, как видите, Голдфингер, вам просто повезло. Если бы Тилли Мастертон не встряла в Женеве, вы бы сейчас уже сидели в швейцарской тюрьме, ковыряя в зубах и ожидая отправки в Англию. Вы недооценили англичан. Они могут быть медлительными, но они доходят до цели. Вы считаете, что будете в безопасности в России? Я бы не был так уверен на вашем месте. Мы вытаскивали оттуда людей и раньше. Я подарю вам последний афоризм для вашей книги, Голдфингер: «Никогда не буди английского медведя».

22. Процедура НЛТ

Самолет летел в ночном небе. Свет был выключен. Бонд сидел в темноте и потел от страха, не зная, что предпринять.

Час назад Пусси принесла ему ужин. Под салфеткой был спрятан карандаш. Она отпустила ряд грубых шуточек, предназначенных для На Все Руки, и ушла. Бонд лениво пожевал немного и выпил изрядное количество виски, пока его воображение рыскало в поисках возможностей устроить вынужденную посадку в Гандере или еще где-нибудь в Новой Шотландии. В крайнем случае, может, поджечь самолет? Он поиграл с этой идеей, а также с идеей разбить иллюминатор. Обе показались нереальными и самоубийственными. Избавляя его от необходимости думать над ними дальше, человек, которого Бонд раньше видел у стойки BOAC — это был один из немцев, — остановился около его кресла.

Он ухмыльнулся Бонду:

— BOAC хорошо заботится о вас, не так ли? Мистер Голдфингер думает, что у вас могут возникнуть какие-ни будь бредовые идеи, и послал

меня последить за хвостовой частью самолета. Так что сидите смирно и наслаждайтесь полетом, ладно?

Не дождавшись ответа, немец прошел в хвостовое отделение.

Что-то мелькнуло в мозгу Бонда, что-то связанное с предыдущими мыслями. Насчет иллюминатора. Что там произошло с самолетом, летевшим над Персией в 1957 году? Бонд посидел спокойно некоторое время, слепо глядя в спинку переднего кресла. Должно сработать! Не может не сработать!

Бонд написал на салфетке «Постараюсь сделать все возможное. Пристегнись. Дж.».

Когда Пусси пришла за подносом, Бонд уронил салфетку, затем поднял ее и протянул девушке. Он задержал ее руку и улыбнулся, глядя в изучающие глаза. Она наклонилась, взяла поднос и быстро поцеловала его в щеку потом выпрямилась и грубо сказала:

— Я буду видеть тебя во сне, Симпатяга!

И ушла.

Бонд принял решение. Он тщательно продумал все свои последующие действия, расстояние было измерено, нож из ботинка спрятан у него под пиджаком, длинный конец ремня он обмотал во-

круг левой руки. Все, что ему требовалось, — это чтобы На Все Руки отвернулся от иллюминатора. Было весьма сомнительно, что тот уснет, но в конце концов может же кореец устроиться поудобнее Бонд не спускал глаз с отражающегося в иллюминаторе профиля, но На Все Руки стоически сидел, не выключая лампочки, глаза его были устремлены в потолок, рот приоткрыт, руки свисали с подлокотников.

Прошел час, два. Бонд начал похрапывать, ритмично, равномерно, как он надеялся, заразительно. Теперь На Все Руки слегка изменил позу, защищаясь от раздражающего света лампочки. Он прижался левой щекой к креслу и отвернулся от иллюминатора.

Бонд продолжал похрапывать. Проскользнуть под носом у корейца не менее трудно, чем проскользнуть под носом у голодного мастифа. Медленно, дюйм за дюймом Бонд просовывал руку с ножом между стенкой и креслом На Все Руки. Просунул. Бонд вцепился крепче в ремень и изо всей силы ударил рукояткой по иллюминатору.

Он не имел ни малейшего представления, что произойдет, когда он разобьет иллюминатор. Единственное, что он знал из газетных сообщений о том самолете, — это то, что, когда разбился

иллюминатор, поток воздуха из разгерметизированного салона вытянул через него наружу сидящего рядом пассажира.

Раздался страшный вой, почти стон, и Бонда вдавило в спинку кресла, на котором сидел На Все Руки, с такой силой, что ремень вырвало у него из руки. Из-за спинки он наблюдал за чудом. Тело На Все Руки как бы вытянулось в сторону черной воющей дыры. Раздался треск, когда голова корейца прошла через иллюминатор, а плечи ударились о раму, затем, как будто человеческое тело было пластилиновым, оно медленно, фут за футом всосалось с жутким свистящим звуком в дыру. Теперь На Все Руки был по пояс снаружи. Застряли мощные ягодицы, и человеческая паста втягивалась наружу очень медленно, но неумолимо, дюйм за дюймом. Затем с громким чмоканьем ягодицы исчезли в дыре, а следом мгновенно и ноги.

Наступил конец света. Самолет клюнул носом и резко пошел вниз. Последнее, что услышал Бонд перед тем как отключился, был рев двигателей, доносившийся через разбитый иллюминатор. Мелькали летящие подушки и покрывала. Затем тело Бонда, лишенное кислорода, отчаянно обнимая переднее кресло, утратило связь с ре-

альностью.

Следующее, что ощутил Бонд, — это удар по ребрам. Он застонал. Снова что-то твердое врезалось в его тело. Превозмогая боль, он медленно встал на колени и посмотрел сквозь красную пелену. Весь свет был зажжен. Вокруг висела легкая дымка. Над ним с пистолетом в руке стоял Голдфингер, с мертвенно бледным лицом, освещенным желтым светом. Он снова отвел ногу и ударил. Бонд взревел от ярости. Перехватив эту ногу, он резко рванул ее, чуть не сломав колено. Голдфингер вскрикнул и рухнул, сотрясая самолет. Бонд выполз в проход и навалился на распростертое тело. Выстрел обжег ему лицо, но он двинул коленом Голдфингеру в живот, а левой рукой перехватил пистолет.

Впервые в жизни Бонд потерял над собой контроль. Кулаками и коленями он бил, бил и бил сопротивляющегося противника, снова и снова колотил головой по его блестевшей физиономии. Дуло снова развернулось к нему. Почти не глядя. Бонд ударил рукой и услышал звон металла где-то между сиденьями. Они вцепились друг другу в горло. Бонд вдавливал большие пальцы в артерию своего врага. Он давил всем своим весом, судорожно вбирая воздух. Отключится

ли он сам раньше, чем тот умрет? Отключится или нет? Лоснящееся луновидное лицо менялось. Под загаром проступил пурпурный цвет. Глаза начали закатываться. Руки на шее Бонда ослабли и упали. Изо рта вывалился язык, и легкие издали ужасный булькающий звук. Бонд сел на неподвижную грудь противника и медленно, по одному разогнул свои одеревеневшие пальцы.

Он глубоко вздохнул, встал на колени, затем медленно поднялся на ноги. Мутным взглядом повел вокруг себя. Дальше по проходу Пусси Галоре висела в своем кресле, как тряпка. В середине прохода валялся охранник с рукой и головой, вывернутыми под странным углом. Поскольку он не был пристегнут, когда самолет пошел вниз, его попросту разбило о стену.

Бонд провел руками по лицу. Теперь он чувствовал ожог на щеке. С трудом опустившись на колени, он поискал маленький пистолетик. Это был «кольт» 25-го калибра. Он проверил магазин. Оставались три патрона и один в стволе. Полуползком, полушагом Бонд добрался до девушки, расстегнул ее пиджак и положил руку на грудь. Сердце билось в его ладони, как птичка. Отстегнув ремни, он положил ее лицом вниз и в течение пяти минут ритмично делал искусственное ды-

хание. Когда она застонала, он встал, оставив ее лежать, и взял у охранника заряженный «парабеллум». Проходя через буфет, он обнаружил целую бутылку бурбона, катающуюся по полу среди обломков. Он поднял ее, открыл зубами и глотнул из горлышка. Крепкий напиток обжег глотку. Он заткнул бутылку и пошел вперед. Остановившись перед пилотской кабиной, он минуту подумал, затем, держа в каждой руке по пистолету, нажал на ручку и вошел.

Пять лиц, освещенных синим светом, повернулись к нему. Рты раскрылись, глаза побелели. Здесь шум двигателей не был так слышен. В воздухе витал сигаретный дым. Бонд стоял, расставив ноги, твердо держа оружие.

— Голдфингер мертв. Того, кто двинется или не выполнит приказ, я убью. Пилот — курс, высоту и скорость.

Пилот сглотнул. Чтобы ответить, ему понадобилось поднакопить слюны:

— Сэр, мы примерно в пятистах милях от Гус-Бей Мистер Голдфингер приказал лететь как можно ближе к берегу. Он сказал, что мы вернемся назад и достанем золото. Наша скорость двести пятьдесят миль в час, высота две тысячи.

— Сколько времени вы сможете лететь на

этой высоте? Расход горючего, наверное, очень большой.

— Да, сэр. Я думаю, что на такой скорости и высоте мы сможем лететь еще два часа.

— Время?

— Только что получили из Вашингтона, сэр, — быстро ответил штурман. — Без пяти пять утра. Рассвет на этой широте наступит через час.

— Где «Чарли»? Метеорологическое судно «Чарли»?

— Порядка трехсот миль к северо-востоку, сэр.

— Пилот, как вы считаете, мы дотянем до Гус-Бей?

— Нет, сэр, не дотянем примерно сотню миль. Мы можем долететь только до северного побережья.

— Ясно. Меняйте курс на «Чарли». Радист, свяжитесь с ним и дайте мне микрофон.

— Есть, сэр.

Пока самолет описывал широкую дугу, Бонд слушал треск и шумы радиоэфира, доносившиеся из усилителя над головой.

Он услышал тихий голос радиста:

— Океаническая станция «Чарли», вас вызывает «Спидберд-510». G-ALGY вызывает «Чарли», G-ALGY вызывает «Чарли»...

— G-ALGY, дайте ваши координаты, — раздался резкий голос. — Дайте ваши координаты. Это Гандер. Срочно. G-ALGY...

Прорезался Лондон. Восторженный голос что-то заверещал. Голоса теперь неслись со всех сторон. Сильный сигнал Гандера перекрывал всех.

— Мы поймали G-ALGY, они идут около 50о северной широты и 70о восточной долготы. Всем станциям замолчать. Повторяю, мы ведем G-ALGY...

Внезапно прорезался спокойный голос «Чарли»:

— Океаническая станция «Чарли» вызывает «Спидберд-510». «Чарли» вызывает G-ALGY. Слышите меня? Ответьте, «Спидберд-510».

Бонд сунул маленький пистолет за пояс и взял протянутый микрофон.

— "Чарли", говорит «Спидберд-510», угнанный вчера вечером из Айдлуайлда. Я убил человека, ответственного за это, и частично повредил самолет, разгерметизировав салон. Команду держу на мушке. До Гус-Бей не хватит топлива, поэтому садиться будем на брюхо поближе к вам.

Властный новый голос, возможно, голос капитана произнес:

— "Спидберд", говорит «Чарли». Поняли вас

хорошо. Кто говорил? Повторяю, дайте имя говорившего. Конец.

Бонд ответил, улыбнувшись и представляя себе тот фурор, который вызовут его слова:

— "Спидберд" вызывает «Чарли». Говорит агент номер ноль ноль семь британской Секретной службы, повторяю, номер ноль ноль семь. Радио Уайтхолла подтвердит. Повторяю, свяжитесь с Уайтхоллом. Конец.

Повисла изумленная пауза. Голоса со всех сторон света пытались прорваться. Какая-то диспетчерская служба, вероятно Гандера, приказала им очистить эфир. «Чарли» снова заговорил:

— "Спидберд", это «Чарли», я свяжусь с Уайтхоллом и уберу зонды, но Лондон и Гандер хотят подробности...

— Извини, «Чарли», — прервал Бонд, — но я не могу держать на мушке пять человек и вести светскую беседу. Дай мне погодные условия, и я отключусь, пока не сядем. Конец.

— О'кэй, «Спидберд», вас понял, ветер слабый, волнения почти нет, вы должны сесть нормально. Скоро возьму вас на радар, будем вести за вами постоянное наблюдение. Есть виски для одного и наручники для пятерых. Счастливо. Конец.

— Спасибо, «Чарли», добавьте чашку чая к

этому меню, ладно? Я везу с собой симпатичную девушку. Говорит «Спидберд». Конец связи.

Бонд отдал микрофон радисту.

— Пилот, они уберут зонды и будут постоянно вести нас. Ветер и волнение слабые. Теперь успокойтесь и давайте попробуем вылезти из этой передряги живыми. Как только мы сядем, я открою дверь. Того, кто попытается выйти из кабины раньше, я пристрелю. Ясно?

Из-за спины Бонда раздался девичий голосок:

— Я только что подошла, хотела присоединиться к коллективу. Но, пожалуй, воздержусь. Мне как-то не улыбается перспектива быть пристреленной. Но ты можешь снова вызвать этого мужика и попросить два виски. От чая у меня икота.

— Пусси, брысь на место, — сказал Бонд, в последний раз оглядел кабину и вышел.

* * *

Два часа, а может и два года спустя Бонд лежал в теплой каюте метеосудна «Чарли», слушая сквозь дрему утреннюю радиопрограмму из Канады. Тело его болело. Он вспоминал, как ушел в хвост самолета, заставил девушку надеть спасательный жилет, встать на колени и закрыть голову

руками, уткнувшись в сиденье. Сам встал за ней и над ней, крепко обнял ее и уперся спиной в спинку сиденья сзади него.

Она нервно отпускала шуточки по поводу двусмысленного положения, когда «Спидберд» на скорости 100 миль в час шлепнулся брюхом на воду, поднимая стену брызг. Удар оторвал хвост самолета. Золото, сложенное в багажном отделении, разломило самолет пополам, и Бонд с девушкой оказались в ледяной воде. Так они и плавали, полуоглушенные, в своих желтых спасательных жилетах, пока их не подобрали. К этому моменту на поверхности плавало лишь несколько обломков, а экипаж с тремя тоннами золота на шее шел ко дну Атлантического океана. Спасательная лодка еще некоторое время порыскала в волнах, но никто больше не всплыл.

С ними обращались наполовину как с членами королевской семьи, наполовину как с марсианами. Бонд ответил на наиболее важные вопросы, а затем все это показалось слишком сложным для его измученного мозга, Теперь он лежал в тишине и покое, с удовольствием потягивал виски и думал о Пусси Галоре, о том, почему она предпочла спрятаться под его крыло, а не Голдфингера.

Дверь из соседней каюты отворилась, и вошла

Пусси. На ней не было ничего, кроме серого рыбацкого свитера, заканчивающегося значительно выше колен. Рукава свитера были закатаны. Она как будто сошла с картины Вертса.

— Меня утомили вопросы, не хочу ли я, чтобы меня растерли спиртом, — сказала она, — а я всем говорю, что если кто и будет меня растирать, то только ты, и если меня и будут чем-то растирать, то тобой. — И закончила неуверенным голосом: — И вот я здесь.

— Закрой дверь, Пусси, — решительно сказал Бонд. — Сними этот свитер и лезь в кровать, не то простудишься.

Она выполнила все, что ей было сказано, как послушный ребенок.

Устроившись в объятиях Бонда, Пусси спросила, глядя ему в глаза, голосом не гангстера, не лесбиянки, а обычным девичьим голосом:

— Ты будешь мне писать в «Синг-Синг»?

Бонд посмотрел в глубокие фиалковые глаза, которые не были теперь ни жесткими, ни властными. Он наклонился и легонько поцеловал их.

— Мне говорили, что ты любишь только женщин.

— Мне раньше никогда не попадался настоящий мужчина. — Голос ее снова стал жестким. —

Я уроженка Юга. Знаешь, какое там определение девственницы? Это девушка, бегающая быстрее своего брата. Что до меня, то мне было двенадцать лет и я бегала медленнее, чем мой дядя. Это было не очень приятно, Джеймс. Ты вполне можешь себе это представить.

Бонд улыбнулся, глядя на бледное прекрасное лицо.

— Все, что тебе требуется, — это пройти курс НЛТ.

— А что это?

— Это? Нежная любовная терапия.

— Кажется, мне это нравится.

Она посмотрела на чувственный, жесткий рот Бонда, протянула руку и поправила черную прядь, упавшую ему на глаз. Заглянув в серые с дичинкой глаза, поинтересовалась:

— И когда приступим?

— Сейчас, — ответил он тихо и закрыл ее рот своим.